

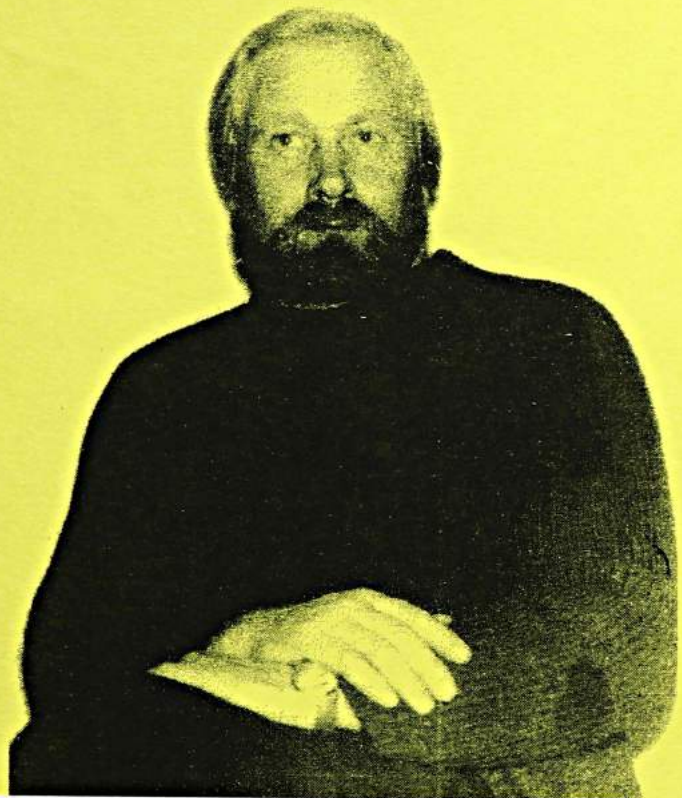
84Р6

М55^к

Алексей Мехонцев

АЙДА С БОГОМ

2 1 5 3 4 5

РК

Э.К.

8476 к
М 55

Алексей Мехонцев

Айда с Богом

Повесть в рассказах
(оформление автора)

2 1 5 3 4 5 47

0165

ББК 84Р7
М 55

Мехонцев А. А.

Айда с Богом! Повесть в рассказах. — Издательство ПО «Исеть»
2004. — 122 с.

Автор выражает признательность:
Коллективу Каргапольской типографии ОГУП «Шадринский Дом
Печати» за деятельное участие в издании данной книги, а так же всем
тем, с чьей помощью новая книга увидела свет.

Низкий поклон и благодарность:

Кокорину А. Н.
Кокорину А. Г.
Куприну В. А.
Шуплецову В. Е.

Огромное Вам спасибо и удачи во всех Ваших делах!

ISBN 5—7142—0531—6

© Мехонцев А. А. 2004

Притягательная книга

Чем же она притягательна? А тем, что написал ее неизвестный пока в широких читательских кругах, но самобытный литератор-деревенщик Алексей Мехонцев.

Родился он и вырос на землях совхоза «Красная Звезда», а раньше это был совхоз им. Буденного, который в народе звали Буденное, но это название больше относится к поселку, теперь деревня Октябрь. Совхоз строился на новом месте, но сначала возводили свинарники, а о людях как-то забывали: видно, не принято было заботиться о них, вот и стали они рыть себе ямы под землянки на берегах оврага. Мать Алексея — Анастасия Семеновна Задорина, рабочая совхоза, купила такую землянку в 1949 году, когда сыну было уже 5 лет. С этого времени и началось его познание жизни трудового сельского народа.

После землянки была мазанка, построенная сосланными сюда молдаванами; как известно, Сталин любил высылать народы... Это потом уже мать купила деревянный домик, когда сын служил в армии.

Алексея, как будущего художника, радовало неисчерпаемая, вечно меняющаяся, переливающаяся и пьянящая живопись природы, ее буйное разнотравье. Неизгладимое впечатление оставляли в душе кучевые облака, зловеще подсвеченные закатом, они вызвали сказочные образы... несмотря на бедность окружающего быта, мальчик счастливо рос среди деревенских игр, ловил решетом или майками золотистых карасей и темных голянов, налетов на совхозный яблочный сад. Но тогда же приучался к труду: полел картошку, возил копны на сенокосе. О школе автор как-то пишет мало, видимо ее казенщина не очень-то привлекала. Консерватизм школы известен еще с царских времен.

Я и раньше знал из книг Алексея, с какой трепетной любовью он относится к своей матери, всю жизнь работавшей на фермах. По отрывочным воспоминаниям, разбросанным в этой книге, создается впечатление, что она воспитывала сына добрым сердцем и добрым словом, и он отвечал ей добром. После школы — техникум, институт, служба в армии, т.е. Алексей часто отлучался из отчего дома. И куда бы он ни уходил, мать всегда его напутствовала:

— Айда с Богом!

И вот эти нетленные, вечные слова и стали названием его книги.

Часто бывая вне дома, он родину свою не забывал и самого дорогого на свете человека. В книге также рассказано о деде Семене и бабе Дуне, которые помогли матери поднять внука на ноги, о другой родне, друзьях детства, у некоторых из них сложилась трагическая судьба...

Я книгу прочитал не отрываясь и мне, как выросшему в деревне, было дорого в ней многое. Правда повесть писалась во времена ельцинской перестройки, поэтому автор не мог пройти мимо горьких нюансов капиталистической родины..., но некоторые страницы написаны светло, взволнованно, и на них Алексей Мехонцев поднимается до высот художественного описания нашей неординарной действительности. И я рад за его правдивую, лирическую повесть. Наконец-то я вижу в наших краях писателя-реалиста.

Леонид ОСИНЦЕВ
заслуженный работник культуры России.

Книга А. Мехонцева “Айда с Богом!” — это рассказы о послевоенном детстве, юности и зрелости, об отчем доме, о маме...

Это книга об изломе и преодолении его...

Это книга о стремлении к свету, любви, красоте и доброте...

“Ты не почитай
Себя стоящим
Только здесь вот, в сущем
В настоящем,
А вообрази себя идущим
По границе прошлого с грядущим”

Л. Мартынов

ОТЧИЙ ДОМ

Меня разбудил ароматный запах только что испечённого домашнего хлеба. Надо вставать. Это мама уже пирогов напекла. Картожных да ягодных; и румяные пышные калачи тоже на столе красуются. Камин топится, пощёлкивают осиновые полешки. Двери из избы открыты. Со двора тянет утренней свежестью. В чистом воздухе запахи хлеба ещё вкуснее и роднее. Мама всегда стряпает, когда я приезжаю к ней. От этого запаха остаются самые нежные, самые добрые воспоминания об отчем доме. О маме...

Мама иногда сетует:

“Посмотришь в субботу – то у тех, то у других приезжают сыновья или дочери со своими ребятишками, ни мороз, ни дождь их не держит. А тут жду, вот жду.... Настряпаю, нет никого... Я Пане снесу хлеба. Да Гале пирога или свежего калачика. Чё вы осердились ли чё ли на меня? Я ягоды не обирую, жду вас. Осталась вон ирга-то только возле окошка, а тут всё воробьи объели”.

Позавтракали. Молоко с пирогами — такая вкуснятина. Я пошел обирать иргу. Нынче её очень много уродилось. А черёмухи совсем нет. Смородина ещё не вся убрана, и малины много. Собрал ягоды и решил пробежаться до первого лесочка. Грибы посмотреть, есть ли они? Давно на родной стороне не бывал. Позвал с собой нашу собачку “Цыгана” и мы пошли. Возле болотца, за деревней, ещё всюю цветёт разнотравье. Поскотина обильно заросла татарником. Его ярко-малиновые шишки цветут пышно, напоминая цвет затухающих углей.

Солнце начинает припекать. Пахнет душистым порезником, медуницей, горьковатой полынью и созревающими хлебами.

Захожу в лесок. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь листву, прячутся на стволах берёз, шевелятся едва белыми зайчиками. Ягоды костяники или вишни светятся рубиновыми капельками среди зелёных и желтеющих листочков.

...Полыхнёт на иной берёзке пожелтевшая прядь листьев и резанёт по сердцу осенней грустью. Хоть и далеко еще до золотой осени, но от увиденных первых “седин” нахлынет такая щемящая тоска....

Напомнит о течении времени...

Об уходящем тепле...

ЗДРАВСТВУЙ, РОДИНА

Сколько себя помню в раннем детстве, всегда мои воспоминания крутятся больше возле землянок. Мы с мамой вдвоём жили в землянке до 1955 года; почти семь лет. У коровы тоже была вырыта землянка, там же и курицы жили. У нас в землянке была русская печь. Стол да кровать. Вот и вся обстановка. На середине стояла железная печка-буржуйка с трубой. Труба подсоединялась к дымнику печи. И три окна под потолком. Два в ограду на восток, а одно на улицу на север. Мама с темна до темна на работе. Так мы с ребятами, с такими же как я, военной и послевоенной безотцовщиной, соберёмся у нас, топим железную печку-буржуйку, да печём на ней нерезаную пластиками картошку, посыпав её солью. Вкусно! А вечером сидим в темноте на тёплых кирпичах русской печи и рассказываем друг другу страшные истории. Да сухарики грызём. “Мешка два съели”, — как выразился Витя Кулаков, один из оставшихся в деревне моих друзей детства.

Совхоз им. Будённого был организован на пустом месте в 1932 г. Вначале мой дед с мужиками строили свинарники для свиней. Первые семьи переселенцев ночевали три ночи в этих свинарниках. Потом свиней привезли. Дело-то к зиме шло. Свиньи могут замёрзнуть. Людей выгнали из свинарников.... Кто куда на зиму разъехались, кто в Белоярку, кто куда. Другие стали по угорам возле логов землянки рыть. Вот в них и жили. В совхозе стало два края. “Участок” — это наверху, где контора, магазин, чайная, бараки для одиноких свинарок да сосновые дома для начальства. А внизу — у логов — “Землянки”. По обоим сторонам логов и были землянки настроены. Вот рабочие и жили в этих землянках.

Рассказывает моя мама:

— У нас на огороде всё еще пеньки были не выкорчеваны. Я говорю — вот урочину выполнишь, картошку до пенька выполешь, тогда пойдёшь играть. Ты полешь, а Маня наша (младшая сестра мамы) пришла и говорит:

— Чё ты, Лёня, делаешь?

— Мама заставила картошку полоть, — ты ей отвечаешь.

— Давай я тебе помогу.

Помогла тебе. Ты прибежал:

— Мама, я выполол!

— Ну, теперь можешь бежать, поиграть.

Маня говорит:

— Ты чё это его рано заставляешь работать-то?

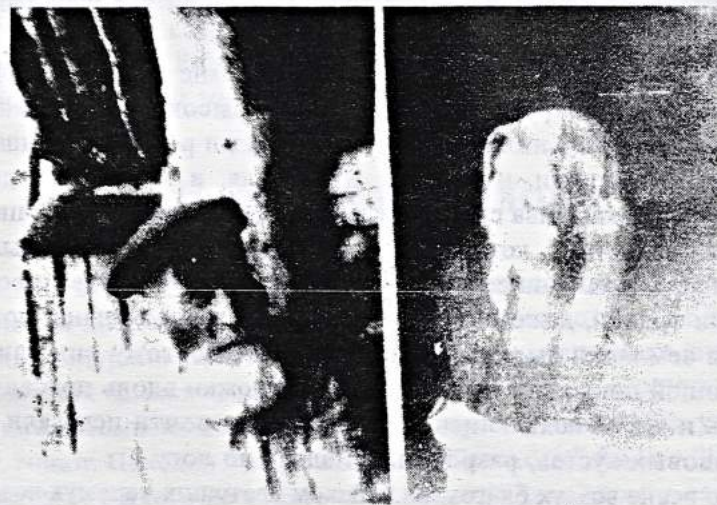
— Пусть привыкат, — отвечаю, — с малолетства надо приучать робить-то...

Баба Дуня вспоминает: “А мы приехали, дак етта только вот Жуков жил. А вон тут вот, какой-то Сапожников. Да поставлена изба Уфимцева Офони, тут вот к лесу-то. Да стерховский дом был. А етта никого не было. Лес был. Шипишник кругом. Весной-то как выйдешь, дак что есть зелено! Медуницы растут, - цветёт всё. Потом избу-то сюда перевезли, землю-то лопатой копать надо. Здесь пахать-то нельзя. Пеньки кругом, да корни всяки. Мы балаган сначала сделали, когда избы-то ещё не было. Берёза густая стояла. Мы под ней и сделали балаган-то. И спали там все — Прасковья, Серёжка, Настасья, Тася, Шура, да Нюра. — А Вали ещё не было.

В 1936 году мы купили в Белоярке маленькую избушку — одна комната на всех-то и перевезли в Будённое-то. Поставили. Отец ещё кухонку прирубил — три стены, да сенки построил. Валю я тут родила. Вот семерых в этой избушке и вырастили. Повернуться негде было. Спали и на полу, и на полатах, и на пече.

Моя мама добавляет:

— Да ты, Лёня, ещё тут мешался каждый день. Я пойду на работу и заведу тебя к бабе с дедом.

Дед Семён и баба Дуня, 1965 г.

— Ты маленький был. Девки бабы Дуни все говорили, что ты, Лёня, квартирант. Нюра всё тебя квартирантом звала. До школы ещё, годов пять-шесть тебе было. Девки придут из школы, сядут за стол обедать. Баба Дуня им по стакану молока нальёт. Нюра спрашивает: “Ты, Лёньша, ел, нет?”. Ты отвечаешь: “Нет”. И быстрее за стол. Тебе баба нальёт. Нюра и говорит: “У тебя в стакане-то таракан плавает”. Ты вылезешь из-за стола тут же. Не будешь есть. Заберёшься под стол и давай частушки петь:

Таракан дрова рубил,
Муха песни пела.
Таракан башку срубил,
Муха заревела.
Чашечка деревянная,
Муха брюхо укусила
Окаянная.

Девки смеются, заливаются.

— Дедко тебе лыжи сделал самодельные и говорит, чтоб ты принёс кринку сметаны. Ты пришёл домой и говоришь, что дедо просит кринку сметаны. Я налила. Ты повез на санках.

Мария Коробицына уехала к дочери. Я эту землянку в 1949 году купила у ней за сорок пять рублей. Дедо в то время строил свинарники на второй ферме. Забежит по пути с работы к нам: “На Леня, тебе зайчик гостинец прислал”. Даст тебе маленький кусочек застывшего хлеба. Ты грызёшь. Довольнехонек!

...Может быть эти землянки и привили мне любовь к природе. К земле. Летом вся округа зарастала такими высокими травами, что мы с ребятами бегали в них как в джунглях. Тут и репейник-шишебарки с огромными листьями, и полынь, и конопля, и крапива, и донник, и череда, и березка-трава с белыми и розоватыми чашечками цветами, и лебеда, и “калачики”, которые мы ели в детстве. Землянки были почти незаметны, так как они естественно вписывались в рельеф местности и зарастали травой, даже на крыше росла лебеда и полынь, потому что покрыты землянки были земляным дёрном. Поэтому они сливались с окружающей природой. Горки, улочки, дорожки вдоль прясел петляли, терялись и вёвь появлялись. Все постройки почти исчезали в зелени трав и ивовых кустов, разросшихся вдоль по логу.

А по весне воздух благоухал запахом цветущих черемух возле наших неказистых жилищ. Каждое время года раскрашивало природу в раз-

ные краски, коих мы тогда, военная и послевоенная ребятня-безотцовщина, не замечали может быть. Но память хранила в душе каждого свой неизгладимый след, своё очарование. Теперь я понимаю, почему меня тянуло рисовать природу, тянуло стать художником. Это душа просила высказаться, поделиться впечатлениями детства и юности.

Землянки строились по ходу логов, ручьёв, по склонам местности; кто где хотел, там и выбирал себе место для постройки. Может поэтому я не люблю город с его жёсткими прямыми углами, с его расчерченной по линейке планировкой, с его неодошевлённостью и безликостью бетонных коробок.

На “Участке”, в центре совхоза, дома были построены строго по прямой линии, были посажены ряды акаций, а возле клуба — ряды яблонь и ирги.

Мы, земляновцы, не любили “Участок”, редко там бывали, только в школу ходили или в магазин за хлебом. Да в кино по пятаку (или даром через окно с тылу клуба). Или заходили в чайную иногда морсу попить. Там всегда вкусно пахло, но мы там ни разу не обедали. То ли не принято было, толи денег не было. Чайная обслуживала больше приезжих.

Когда я приезжаю на родину, то обязательно пытаюсь побывать в местах, где прошло моё детство. Эти впечатления, эти знакомые улочки дают мне особое вдохновение, хоть и заросло всё высоченной крапивой. Репейник выше меня вымахал, а на том месте, где была наша землянка, стоит в одиночестве старая берёза; чуть поодаль — засохший тополь...

Здравствуй моя Родина! Мой отчий дом и место моего рождения. Здравствуй и прощай мой край умирающих тополей...

В ПОИСКАХ ПРОШЛОГО

В один из выходных дней опять я решил навестить родную деревню. Вечером пошёл бродить по своим заветным местам. Где была наша землянка, выдурила высоченная трава-лебеда, крапива да шишебарки. Возле бывших землянок пригорюнились или кустик черёмухи, или берёзка, или высыхающий тополь. Некоторые тополя уже умирают и падают, гниют. Походил по лужайке, где “Переходы” были — “Парничье” и “Девчачье”. Ничего не узнать. Всё заросло камышом и осокой, кустами ивняка. Дошёл я до “Плотины”, на “Камешках” побывал. Вода

затянута ряской. Не стал купаться. А тепло было. Сад полыхает багряными красками. Берёзы желтеют. Черёмуха – бордовым пламенем охвачена.

Решил пройти по низу лога, где землянки были. Всё потонуло в высоких зарослях крапивы. Да стоят одинокие тополя. Тут Гриша Бирюков в землянке жил. Ничто уже не напоминает о жильё...

Когда-то тут кипела жизнь с её бытом и повседневными страстями. Всё быльём поросло... В самом прямом смысле. Продираюсь по этим зарослям и чувствую себя будто скрывающимся от кого-то. Потому что в таких “джунглях” нога человека не ступала не один десяток лет. То попадутся тополя в три обхвата толщиной, то густые заросли черёмухи, молодых берёз, шиповника, боярки, и кажется, что попал в настоящий дикий лес. Тут где-то Максим Шуплецов жил со своей Натальей, которая лечила от испуга. Сейчас звери какие-то живут и людей пугают. По всему логу нарыты горы земли и огромные – в диаметре сантиметров до пятидесяти – норы уходят в глубь земли. Что это? Что за зверь поселился в этих непролазных чащах? Жутко стало, подальше надо бы от этого места держаться, так как рядом с деревней звери стали жить. Оглядываюсь по сторонам. С какого бока ожидать нападения. Ретируюсь из этих мест. Куст боярки увидел. Весь в ягодах. Никто тут не ходит, видимо. Не берёт их. Поел немного, но с опаской оглядываюсь и ухожу.

Дальше пролезаю по кустам и крапиве. Вот виднеется бревно нижнего ряда дома. Кажется, Генка Перцев тут жил. Или Егор Дмитриевич Уфимцев.

Чугунок поломанный. Колесо от ручной тележки для перевозки сена, дров на себе или другой мелкой клади.

Вылезаю на простор. Кончается бездорожье. Вот натоптанная тропа в дурбетнике. Дорожка на “Кирпичное”, за грибами, да за ягодами. Вот опять куст боярки. Но ягод очень мало. Обрано уже.

Хотел ещё сходить на другой берег крутого лога, где тоже улица когда-то была, – что в сторону Понькинской дороги. Да уже начало смеркаться. Сквозь кусты и тополя плавилось зарево заходящего солнца. Наплывают воспоминания в моём, разгорячённом сознании и памяти детской. Мы тут в болотных зарослях играли с ребятами в шпионов. У Вити Кулакова была собачка, которая по следу помогала найти в зарослях спрятавшегося “шпиона”. Болото высыхало оно преображалось в жёлто-оранжевые, красные, бордовые, зелёно-жёлтые, охристые и коричневые тона. Кусты, травы, берёзки, осинки, растущие в болоте

– всё звенело золотистыми расцветками на фоне звонко голубого неба, а кудлатые облака – апостолы и ангелы наблюдали за нами в эти тёплые солнечные дни бабьего лета, охраняя нас от напастей времени.

Я сейчас вспоминаю эти моменты в своей жизни, как райскую жизнь и благо Всевышнего в этом райском окружении осенней природы, и счастливее минут я больше не помню за последующие годы. Тогда было мне где-то лет восемь – десять. Самые счастливые годы прошли в общении с природой, с собачкой и с друзьями. Ничто не омрачало наше детство. Ни плохая одежда, ни однообразная пища – молоко с хлебом и картошкой.

...Вернулся вечером домой. Рассказал маме, как бродил по зарослям, где были наши землянки. И про норы. Она говорит, что там какие-то лесные собаки живут. И курей таскают у хозяина самого последнего дома. Там лесник живёт – Казимир Витальевич. Таскают у него прямо из конюшни. Один раз десять штук утащили. Говорят, что звери... А может и люди. Время-то дикое настало – всё ташат...

Утром мама будит меня как всегда: “Вставай, Лёня, пора на автобус собираться. Скоро придёт”. Выхожу во двор. А утро тёплое. И солнце уже высоко. Небо чистое. Легкие перистые облака прогнулись под куполом небесным. Одинокий тополь наш серебрится облетевшими ветками. Под ногами осенние листья – кленовые и черёмуховые, тополиные. Листопад... Прощаюсь с маленьким пёсиком. Мама взяла нового щенка. Цыган ушёл умирать сам... Мама потом его нашла в первом лесочке за деревней мёртвого...

Грустная пора прощания с отчим домом, с окружающей природой, в которой прошло всё детство босоногое и безотцовское. Грустно оставлять одинокие тополя, заросли прошлого...

А мама, как всегда, выходит меня провожать до остановки автобуса и говорит с грустью напутственно: “Айда с Богом! Сынок...”

НОЧНАЯ ПРОГУЛКА

“Угорела барыня в нетопленной горенке” – проговорила соседка, когда я рассказывал дома о своих похождениях.

Я приехал в родную деревню на побывку и с ночевой. Давно, больше месяца не бывал у мамы. В конце ноября резко похолодало, аж до минус тридцати градусов. Но мама в горнице редко топит даже

зимой. Двери в неё закроет. На кухне камин истопит или русскую печь. И на горячих кирпичках сидит греется, да носки вяжет. Кому-нибудь деревенским за молоко. Бартер – по-нынешнему называется.

А раз я остался ночевать, она взяла да истопила в горнице. Да вьюшку-то видно рано закрыла. Я слышу – что-то в ушах у меня или в висках затукало. Я ещё подумал, что угорел, наверное. Но всё сижу в горнице, да книжку читаю. Пока не сплю. Потом и вовсе голову стало сдавливать как обручем. Я оделся, вышел на улицу – подышать свежим воздухом, чтоб прошла головная боль.

Месяц уже высоко взобрался, завис над полями. Яркий, стоит на рогу – к холоду значит. “Третий раз, эдак вот, — сказала тётка Прасковья, — Уже третий раз на рогу народился. Вот и стоит холод. Давно в ноябре такого не было”. Побрёл я по деревне в сторону землянок. Светло от яркого месяца и белого снега.

Поймал свои мысли на том, что какое-то двойственное чувство испытываю. Вроде всё так знакомо с детства, и в то же время, почему становится чужим. Не знаю, отчего это. То ли оттого, что редко стал ездить на родину.... То ли от холода... Нет тепла, не откликается душа...

Пошёл я на то место, где родился, где вырос, где наша с мамой землянка была. Густые заросли дурбетнины-шишебарки, крапива, лебеда. Всё быльём поросло. Тополь, что возле молдаванской землянки рос, стоит высохший. Умер стоя. Высох то ли от тоски-одиночества, то ли от долгих прожитых лет... Боль одна от этого места осталась, да грустная берёза ещё одиноко напоминает о нашем огороде. Стоит она на склоне горки, сквозь ветви посверкивают далёкие звёзды да висит остророгий светило-месяц. С этого места на запад открывается широкий просторный вид на поля и леса. Единственный дом остался в этом краю, где бывший лесник жил – Казимир Витальевич. Но и он в этом году помер. Нет ничего вечного.

Постоял я, покрутил головой по сторонам. Тут катались с горки на лыжах и санках. Рядом на болотце или на плотине – на коньках-снегурках, прикрутив их верёвками к подшитым валенкам. А сколько радости было, если кто-то из старших давал прокатиться на “дутьшах”, на настоящих коньках, которые не разъезжаются в стороны, как снегурки. Несёшься по тонкому льду, который аж прогибается, потрескивая. Возьмёшь вставишь в коньки, зажжённые коричневые палки камыша. Бежишь, а от ног дымки развеваются. Привольно и радостно!

То вспомнится, как сидели у нас на русской печи с ребятами, когда

мама дежурила ночью на птичнике. Сидим, грызём сухарики, а кто-нибудь рассказывает страшные истории про оборотней, жуть берёт. Холодок по спине. Или любили на железной печке-буржуйке печь нарезанную картошку ломтиками и посыпанную солью. Очень вкусные печёнки. Обжигаясь, да ешь.

Постоял, погрустил. Потом прошёлся по улице, где жила наша баба Дуня. Тут два домика от улицы осталось. Где усадьба бабы Дуни была, осталось три столба. Это были большие ворота и калитка. Пусто. Нет самого любимого моего места, где я вырос, где я вскормлен, где был любим всегда. Один раз мама положила на санки мешок муки и сказала, чтоб я вёз его бабе Дуне. Я привёз. Девки – Нюра, Маня да Валя выскочили: “Ой, Лёня, чего это ты привёз?” Я и отвечаю: “А чтоб не считали меня ивдивенцем-то, что объедаю вас. Вот вам муки привёз” (У бабы Дуни было семь девок). Они смеются. “Вот молодец”, - говорит баба Дуня, а сама кончиком платка прикоснулась к глазам, “Горюшко ты наше”...

Где ты теперь, моя баба Дуня? В каких краях проживаешь? В каких воплощениях твоя душа теперь? Отрада ты наша, всех нас внучат выкормила, всех привечала, как родных детушек. Каждому нашла слово доброе. Каждому отдала всю свою душу, всю нескончаемую любовь свою... Мы тебя помним... и любим...

Пошёл дальше. Вот рядом Симаковская гора. Где все наши зимы прошли. Допоздна, уже при луне, катались мы с этой горки. Теперь она какая-то маленькая, низкая стала. А тогда была длинная, летишь на санках – аж дух захватывает. А на лыжах по ямам (из которых тут глину брали, чтоб печи класть), так не каждый на смелится съехать. Страшно, но мы отчаянные были. Да и стыдно бояться. Хоть и упадёшь не беда, зато репутацию не испортишь. Бывало, что носки лыж втыкались: (лыжи плохо были загнуты, самодельные были) и ты летел вперёд лыж кубарем. Поднимался, отряхивался от снега, набившегося в валенки, за воротник, в лицо, в рукавички. Осматривался и – горю – не было предела, слёзы сами текли из глаз. Носки лыж были сломаны.

Мне дедо Семён хорошие лыжи сделал – носки хорошо были загнуты. Но я недолго радовался (кринку сметаны за них деду отвёз – мама наказала отвезти), изрубил их у меня сосед - парень постарше меня, Сано Галунчиков, отчаянный хулиган был. Мы не дружили. Может от зависти он изрубил. Поездом его зарезало, уже взрослого. У него отец был без ноги, ходил на костылях и драл он своего сынка как “сидорову козу”. “Галун” (сына кличка) – учился плохо. Воровал у отца папиросы,

курил сам и нас заставлял чуть не силой. Припугивал всё, если откажемся. Один раз сидели на “Переходах”, покуривали папиросочки “Прибой” (или “Огонёк”), а пробежала мимо Люба, девочка одного возраста с нами. Прихожу домой, а мама меня голиком (веник без листьев) встречает. Да как начала драть, как начала понужать этим голиком. Я сразу понял за что. За курево. С тех пор не курил до армии. Техникум закончил в 18 лет. Мама спросила как-то: курю ли я? Я ответил, что нет. “Кури, если хочешь”. В армии я стал покуривать и лет двадцать потом пазил до одури. Но здоровье дало понять, что надо бросать. Бросил, уже лет двадцать не отравляю себя.

...Стою на горке, а мысли в далёком детстве плуτούν. Светло тут. Думал, что и следов тут никаких не увижу, пятьдесят лет прошло с тех пор, но горка всё так же утрамбована и укатана лыжами, да санками. Мы до поздней ночи тут катались. Никак домой не идёшь. Обледенеет вся одежда, весь в снегу. Думаешь, что вот последний раз скачусь и домой пойду. А ребята все катаются и катаются. И ты опять остаёшься. И так до бесконечности. Пока матери не прибегут за нами, да не наругают, да шлепков не наподдают. Дома одежду снимут с тебя, а она не гнётся, как ледяной скафандр или панцирь какого-то животного. А когда оттаёт сникнет, упадёт, станет мокрой. Вот тут мать ещё добавит “на орехи”...

Пошёл я по твёрдой лыжне, что ведёт на “кирпичный завод”. Там мы уж подростками катались. Да в овраги ходили. Или сделаем трамплин из снега и летаем как птицы с него. Вот тут-то лыж было поломяно. И школьных, и своих. А в оврагах и вовсе. Это уж на любителей острых ощущений – на смельчаков. Бывало еле возвращались, но на своих ногах слава Богу. Но со сломанными лыжами. Как-то голову не свернул никто. Никому не хотелось быть трусом...

Постоял опять, повитал в облаках подростковых, посмотрел на далёкие бугры и побрёл обратно.

Сквозь светлую ночь... Звёзды яркие, перемигиваются. Висит надо мною ковш Большой Медведицы. И млечный путь запутался в ветвях высоченных тополей, как я в этой ночи...

Вокруг ни единого огонька. Пустота. Лишь внутри ещё теплится огонёк воспоминаний о детстве, о родной стороне, о маме, о бабе Дуне.

Возвращусь я на миг в родные края, всполохами озарит память видениями детства, отрочества или юности и опять я уеду надолго от всего светлого и доброго...

ИММУНИТЕТ ПРАДЕДУШКИ

Родители нашей бабы Дуни были сильно набожные. Отец её – Задорин Фёдор Павлович был церковный староста. Мать звали Александра Вилантьевна.

Рассказывает моя мама – Задорина Анастасия Семёновна:

— Дак, кого, тогда, когда беднота-то к власти пришла, давай по наушению коммунистов-то книги церковные жечь, да иконы. С церковью колокола сбрасывать. Да церкви-то взрывать. Не понимали ничё. Хоть и крещённые были... У нашего дедушки Фёдора тоже все книжки отобрали. Так он с табуреткой кинулся на уполномоченного-то. У дедушки много старинных церковных книжек было. Их потом пьянчужки да неучи сожгли вместе с иконами...

Дедушка посадили. Но недолго держали. Отпустили потом. Но прийтись ему некуда стало. Дом отобрали. Старший сын – Михаил мать к себе взял, когда дедушка Фёдора посадили. Он потом приехал к нам в Белоярку. Побудет возле нас маленько и опять уйдёт. У нас и так семья-то большая – девять человек. Да всё девки. Работников-то нелишка. Дедушка Фёдор ходил по деревням с котомкой и собирал милостыню. Кто что подаст. Этим и жил (сейчас не проживёшь, почти не подают; и никому ты не нужен...).

Придёт к нам, принесёт хлеба. Нас, девок-то всё подкармливал. Давай нас угощать милостыней-то... Кусочками хлеба... Потом он картошку караулил в Понькиной. А ребяташки, видно, зажгли у него балаган-то. Всё сгорело у него, все рубахи с перемывахой. После этого он всё больше около нас обитался. Всё на печи сидел. Да с тобой Лёня водился. Помнишь, нет? Тебе уж четвёртый год шёл тогда. Должен помнить. — “Смутно очень, мама. Один дух святой помнится, а человека-та уж не представляю”, - отвечаю я маме.

— Перед тем, как умереть-то, он взял тебя, - продолжает мама. — Посадил к себе на колени. Когда он уже слез к печи-то. Да молитву запел. Держит тебя на коленях-то, а слёзы у него бегут шибко, шибко... Он их не вытирает. Всё поёт. Вскоре умер. В 1948 году это было.

Видимо, что-то передал он мне. Что-то божественное я всегда в себе чувствовал. В детстве – интуитивно, а теперь всё явственнее ощущаю. Не зря я от техникумовской специальности технолога повернул к искусству – к живописи, графике, литературе. Порой рисую или пишу и не знаю как всё получается. Будто бы само собой. Как-будто кто-то водит моей рукой. Потом удивляюсь даже. Неужели это я нарисовал? Да, без Всевышнего тут не обошлось. И слава тебе, Господи! Что не покидаешь меня...

И иммунитет, видимо, тоже от прадедушки Фёдора ко мне перешёл. Уж как я не терплю всякую несправедливость и издевательство над людьми. Раньше коммунисты издевались, а теперь чуть разбогатевшие, кто наворовал или начинает... При каждом удобном случае норовят власть показать. Да повыпендриваться... Будто они теперь пуп земли... Ненавижу этих прохиндеев и хапуг... Как не агитировали меня коммунисты вступить в их ряды, в которых не находилось ни одного примера для подражания, так и не смогли. Я всё же выстоял, не соблазнился их обещаниями. Не захотел я пополнять их хапающее племя. Так что спасибо, видимо, прадедушке Фёдору, что не запятнал я свою совесть.

И в конце концов, в преклонном возрасте я принял решение – окреститься. То есть стать христианином...

С тех пор, как начал заниматься живописью, я стал общаться с красотой природы, с космосом.

В пятьдесят лет до меня дошло, что Бог – есть вся Вселенная. Её душа что ли в образе Бога. Что Бог есть любовь ко всему сущему и ко всем. И Бог есть Красота, т.е. Всё Божественное. Потому я и сделал первый шаг навстречу Богу... Пошёл в церковь – в Спасо-Преображенский Сбор. Купил свечку, поставил и помолился Господу, чтобы он отпустил все мои прегрешения. Чтобы он благословил меня на добрые дела – написание следующей книги – “Бабушкины сказы” (“Все пережили”) и на все последующие. В церкви шла служба. По окончании её я обратился к батюшке с просьбой, могу ли я в этом возрасте стать крещённым. Он ответил, что к Богу прийти никогда не поздно. После чего и был проведён обряд крещения. А в следующее воскресенье – причащения. Я считаю, что это ещё один шаг в моём саморазвитии, в моём самосовершенствовании. Шаг к духовному возрождению. Что это шаг к приобщению мировой нравственности, шаг к развитию всего человечества. А не к разрушению...

Разрушителей и так хватает. И нейтральных тоже... Обывателей, живущих для живота... Кто же будет для духа жить? Если не с Богом и Божественным, то значит с Сатаной, с дьяволом? Хоть и не согласятся многие с Дьяволом быть в одном стане, но это именно так получается само собой.

Так давайте будем выбирать.

С кем мы, господа человеки?

ПУЧКИ ДА ПИКАНЫ

Баба Дуня наша очень любила в лес по грибы, да по ягоды ходить. И моя мама тоже пристрастилась. Ну и я теперь обожаю это занятие.

Окрестности деревни Октябрь. 1983 г.

Это и подспорье к хилому бюджету, да и еда-то наивкуснейшая. Лес хорошо в наших местах подкармливал нас в детстве. Можно и груздянку из синявочек сварить, или нажарить с картошкой обабков. Или насолить сухих или сырых груздей на зиму. Груздочки солёные с горячей целой картошкой – просто объедение. И лесом пахнет обворожительно. И солнечное лето перед тобою с густым клубничным запахом. Но ягоды больше сушили. Не было тогда сахару-то мешками, как теперь. Зимой из них пирожки стряпали. Брала и вишенью, и костянку, и боярку, и шиповник. Ягоды землянику и клубнику ели свежими с молоком и домашним калачиком – это словами просто невыразимо. Вкуснее, наверное, нет ничего.

Как только начинала проклёвываться первая травка, баба Дуня, а теперь и моя мама, идёт по “борщ”. Это первые листочки будущих “пучек”. Их рубили в деревянном корытце и стряпали из них пельмени. Потом появлялись “пиканы” – стебель с нераспустившимся зонтом-соцветием. Этот бутон тоже измельчали в корытце и делали пельмени.

Отдел краеведческой информации

ул. Пролетарская, 41, тел.: 45-42-53

21534511

Современные дети, увидев такие пельмени загораются аппетитом, но раскусив пельмень и увидев там зелень, презрительно отодвигают: “Фу, тла-а-ва-а”... Они-то привыкли только к мясным и за еду такое не признают.

Моя мама рассказывает:

— Вот мама с тятьей запрягут лошадь, уедут на поле за пучками специально. Вечером приедут, привезут их множину. Дадут нам немного. Не в раз нам скармливали, а то задрищем... с травы-то. (Сама посмеивается). Спустят эти пучки в яму, а там лёд зимой с реки навожен, холодно в яме-то - можно всё хранить летом. Не было ведь тогда холодильников-то. Потом достают эти пучки понемногу и кормят нас. Вкусные. Всяку траву ели. А в войну-ту, в эту вот Отечественну-то, всё больше из крапивы суп варили.

— Вот на витаминах-то и выжили, - подхватываю я. — Поэтому и не болеете, крепкие. Не то что мы - атомная дохлятина. Чуть дунуло - уже простыли. То одно болит, то другое... Дает знать челябинский «Чернобыль», «Маяк» то есть.

— Вы теперь всё в помещениях сидите, а мы на вольном воздухе робили. Как поворочаешь говно-то на ферме, так ни одна хворь не пристанет. Некогда болеть-то было. Война шла. Мужиков нету. Всё одни бабёшки на себе вытянули. Всю войну... Ой, не приведи Господи, больше никому такое испытать. Ревели, да робили, а куда деваться. Некуда... Не то что счас. Одна безработица... Никто не хочет робить-то... Мама затихает, пригорюнивается, подперев голову рукой, и съёживается вся, становится какой-то маленькой. Будто той девчонкой-подростком в тяжёлом 1941 году...

ЛЕТО ПРИПАСИХА

Баба Дуня приходила из лесу с корзиной грибов, то с ведром ягод. То в тряпке принесёт целое муравьиное гнездо с муравьями. Распарит его и обкладывает свои суставы ступней и колен. Или насобирает муравьёв в бутылку, зальёт их водкой и поставит в тёмное место настаиваться. Потом этим настоем натирает себе суставы. От ревматизма хорошо помогало. А то принесёт берёзовых веток, сделает веник, два, а оставшиеся листья складёт в валенки, да оденет их, всё лето в валенках ходила и вылечила свой ревматизм. Без всяких таблеток и докторов

обходилась. Всё из лесу брала, все лекарства. Всякие травы знала - которая от какой болезни помогает. Синюха - от испугу, от родимца. Зверобой - от грудных и прочих болезней. Богородская трава, душица, мать-мачеха, подорожник и многие другие травы знала. У них в подсараяе и в плетёной из ивы избушке под потолком были разные травы натканы. Сушились в тени и на сквознячке. В сенках тоже были травы подвешены. Зимой она поила своих ребят, кто заболает. И сама пила, если недомогала. Она росточка была небольшого, щупленькая. Много ей приходилось физической работы по дому проворачивать и с дедом Семёном в поле вдвоём работать, когда ещё единолично жили. А потом стала в совхозе работать. Заставляли... не смотрели, что дома семеро по лавкам. Работа была тяжёлая, не женская. Всё одними руками, да всё надо брать “на пупок”. Вот она и болела часто надсадой. И пила всякую траву от этой надсады. В 70 лет ей впервые пришлось лечь в больницу. Прооперировали. Вырезали грыжу. Она чуть-чуть очухалась и скорее домой. Одна приехала без всякой помощи. Вот один раз только и полежала в больнице.

То шиповника, да боярки, да черёмухи натаскает. Зимой из боярки и черёмухи тоже пирожки вкусные пекли. А шиповник заваривали и пили вместо чая. Красивый такой навар получался. Золотисто-огненный. Или корни его заваривали тоже. То кислятки принесёт из лесу, то чесноку лесного. Всё годилось на еду. То вишенья лесного засушит, а костянку в банки зальют водой. И крушину, и калинку брали.

Отборная клубника. Июль 1983 г.

Не было тогда апельсинов-то, да лимонов. Своими лесными витаминами обходились. Дома были смородина, малина, да черёмуха посажены. Всё ягоды больше сушили. А потом зимой чай с ними пили, от простуды лечились: листья и стебли малины запаривали. Яблони редко кто садил возле дома. Это уж позже стали. В пятидесятых годах, когда в наши края молдаван выселили, Они сады стали разводить. Да и большой совхозный сад был, много яблок вырастало. Стоили они дешево. Кому надо было – покупали. Много разных сортов яблок было – и кислые, и сладкие, И зелёные, и жёлтые, и красные. Резали и сушили на зиму для компотов. Варенье тогда не варили. Денег не было на сахар.

АЙДА С БОГОМ!

Кончилась вольная пора. Мне исполнилось семь лет. Когда я пошёл в школу, в первый класс, то я уже знал все буквы и умел написать печатными буквами свою фамилию. Цветные карандаши всегда лежали дома на столе и рядом тетрадка. Сколько себя помню, рисование всегда было самым любимым занятием. Теперь, когда я это дело изучил и стал работать профессионально – это занятие стало моей постоянной потребностью выговориться в красках.

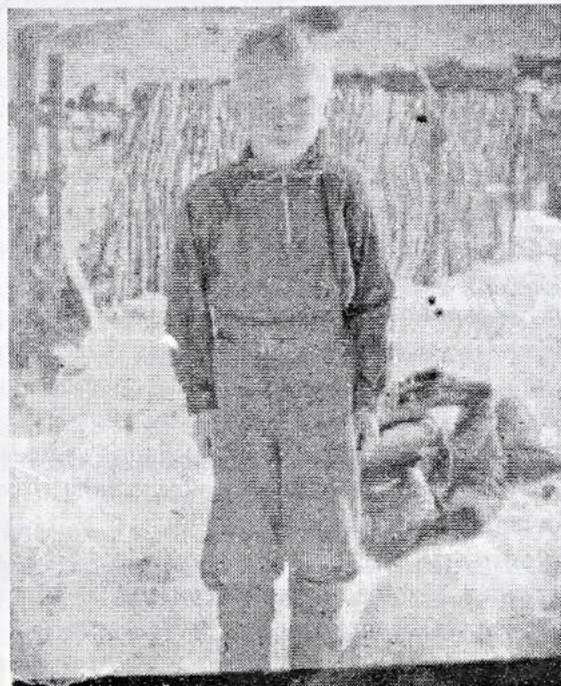
Одиночество, пристрастие к фантазированию, любовь к природе, среди которой я вырос, заронили в мою душу искру Божественного дара, который я почувствовал повзрослев и, к раскрытию которого я стремлюсь всю свою сознательную жизнь.

Перед школой мама сшила мне тряпичную сумку с одной лямкой для одевания через плечо. Когда пошёл в школу первого сентября 1951 года, мама уговаривала меня взять с собой молитву:

— Возьми-ка Лёня, вот этот тетрадный листочек в клеточку и положи в грудной карман.

Она мне ко школе купила костюмчик подержанный на барахолке в городе. Он был целый, нигде не порванный. Я выглядел в нём чистеньким и опрятным. Он пришёлся мне впору. Я выглядел в нём каким-то новым, неузнаваемым, повзрослевшим и по-городски солидным. Этот костюм меня как-то дисциплинировал, То ли оттого, что сковывал свободу действий, заставлял вести себя по иному, сдержанней, в нём я забывал всё моё природно-растительное существо, каким я себя чув-

ствовал в своём заросшем дворе, возле едва виднеющейся из зарослей лебеды землянки.

Первая фотография. Мне шесть лет. 1950 г.

Я был плоть от плоти – от всего природно-божественного, всего прекрасно-очаровывающего и свободно фантастического. От костюмчика же и от школьных занятий у меня рождались образы чего-то жёсткого, сковывающего, сжатого, прямолинейно-ограниченного, рационального и насильственного...

С каким удовольствием я сбрасывал этот костюмчик, прибегая из школы домой. Переодевался в свои повседневные с заплатками на коленках штанишки и в свободную, сшитую местной портнихой – на вырост, толстовку из плотного и мягкого материала, из байки что ли, сереньких тонов курточку, вылинявшую на солнце, но такую любимую, тёплую. В нашем дворе до мельчайших подробностей всё было знакомо: где какая травка росла, где какой цветочек цвёл, петух с курицами и даже крапива с репейником, которая не жалила, а казалась родней, чем в других местах, и служила поддержкой падающему пряслу, и загораживала проходы со-

седским курицам. Под листья репейника можно было залезть и спрятаться, и никто тебя даже и не подумает там искать. Или схорониться от дождичка. Или наблюдать за какой-нибудь козявкой-жуком. Кругом всё было живое, со всеми можно было запросто разговаривать, не думая о том, что и как сказать, и что тебя не поймут. Слова находились сами собой, и фантазии не было предела.

Учился я старательно, но школой почему-то тяготился. Единственным уроком, когда я забывал сам себя – это было рисование. Хотя учительница рисования сама рисовать не умела.... Ещё я любил чистописание, где надо было выводить каждую букву аккуратно, то с нажимом, то ведя еле видимую волосяную линию без нажима. Окунув перо под номером одиннадцать в чернильницу непроливашку, с удовольствием полюбуешься на написанную букву и рядом с сопением и трепетом выводишь опять где с нажимом, а где без нажима, следующую такую же букву. И так всю строку. И весь лист, разлинованный по размеру букв и с определённым наклоном. Особенно же было приятно сознавать, когда твоя буква почти не отличалась от буквы в начале строки, идеально написанной красными чернилами самой учительницей. Но более того приятно было видеть округлую пятёрку за твои кропотливые старания.

...Ну и что с того, что стал я художником. Нарисовал сотни картин, слепил сотни игрушек, написал сотни рассказов. И в итоге.... Никому не нужны ни мои картины, ни игрушки, ни рассказы...

“...- Ты что, мама, - и у меня на глаза вот-вот накатятся слёзы. - Не возьму я, нет. Ты что, меня же засмеют, если узнают”. Так я и не взял тогда молитву. А сейчас бы взял, в возрасте пятидесяти лет до меня дошло, что без Бога в душе нельзя жить на этом свете. А тогда мама хотела как лучше сделать. И, провожая меня до ворот, каждый раз говорила: - “Ну ладно, сынок, айда с Богом!” – и крестила троекратно.

Только в пятьдесят лет я сходил в церковь. Решил стать крещённым. Целую вечность прожил безбожником. Хотя в душе теплилась тяга к прекрасному, а значит и к Божественному.

С этим напутствием “Айда с Богом!” мама стала провожать меня и в школу, и в техникум, и в армию, и в другие пути-дороги, каждый раз. Учился я легко. До пятого класса был отличником. До седьмого – ударником. В техникуме – после школы-семилетки всегда сдавал на стипендию, т.е. на “четыре” и “пять”. И в институте на художественно-графическом факультете тоже с огромным желанием учился, так как это было моё призвание – быть художником, прикасаться к образам прекрасным и божественным, то есть, сущности, общаться с Богом...

МЕСТА КУПАНИЯ

В нашем краю, где была наша землянка, сразу за деревней открывалась поскотина. Вдоль этой лужайки тянулся глубокий ров – овражек, по дну которого бежал ручей. Вёснами, когда плотина переполнялась водой и вода размывала дорогу, по этому овражку бешено неслась талая вода. Как говорила моя мама: “Вон чё лога-то нонче шумят”. Отшумят вешние воды, прогреется весенняя земля, потеплеет, зазеленеет лужайка. В этом овражке, в вымытых ручьём яминах скоплялась рыба, то ли скатившаяся из плотины, то ли зашедшая по большой воде из омутов возле кирпичного завода. Самая пора наставала ловить карасей и гольянов. Мы всё больше ловили решетом. Хорошо получалось. Сбросишь рубашку и штанишки и с решетом по этим скользким от глины полноводным колдобинам ползаешь весь в глине. Вода мутной станет. Заведёшь в ямку или под кочечку, то обязательно не один золотой карасик и куча извивающихся чёрных гольянов будут в решете трепескаться. А то и мяскозоб провернётся. Так мы звали пескарей усатых, чешуйчатых – чуть покрупнее гольяна. Но и гольяны попадались очень хрушкие да пузатые. А у кого решета не оказывалось с собой, а рыбки поймать не терпелось, пока её много, то снимали с себя майку или штаны и, завязав с одной стороны узлом, начинали заводить под кочки и в ямы. Или же делали плотину из глины, ставили в узком месте свои завязанные штаны и держали, а кто-нибудь из ребят начинал сверху загонять рыбу – шлёпать по воде, бултыхаться, чтоб рыба шла к плотинке. Поднимет паренёк завязанные штаны, а вода плохо процеживается через плотную материю, потому другие ребята начинают шурудить руками внутри этих штанов, вылавливая карасей руками. Извожжаемся в глине, на руках и на ногах “цыпки” запишат – кожа растрескается, заболит, что аж спать невозможно от боли. Значит это “цыпушки” запопиковали. Матери наши хоть и ворчат, но смазывают “цыпки” салидолом. Довольные уловом, не очень ругают, так как на уху, на две всегда налавливали. А это всё-таки еда...

Мама накладёт в чашку рыбы и пошлёт бабе Дуне отнести. Баба Дуня сварит уху, а дедко хлебает горячую, с огня да нахваливает, что очень хороша уха “Вот, Лёнька, молодец! Накормил нас!”, - скажет баба Дуня. “Давай лови больше!” Я такой довольный, что похвалили меня. Рад, радёшенек. На завтра опять бежим с ребятами на “Переходы” карасей да гольянов решетом да штанами ловить. Слева и справа от

этого овражка были глубокие и широкие ямины с водой. Справа называлось “Парничье”. Тут мы учились плавать – переплывали эту ямину метра в три шириной. Поначалу было страшновато и эти три метра преодолеть. Поэтому больше возле берега булькались. Вода станет мутной, жёлтой. Вылезем, обсохнем, согреемся и опять рыбу ловить. Так пролетали первые летние дни.

Научившись тут плавать, уже шли на “Плотину” - огромный котлован, затопленный водой и перегороженный плотиной. Тут когда-то был кирпичный завод, из ямы брали глину. Мы с ребятами даже дна не могли на середине водоёма достать. Да и вода на глубине от ключей была очень холодная. Страшно было опускаться в этот тёмный, казалось, бездонный холод.

На плотине было два красивых места для купания. Это “Камешки”, где было и на берегу, и в воде много красного битого кирпича. Тут берег резко уходил в глубину. Поэтому тут купались ребята постарше и взрослые мужики. Кругом ивовые кусты, возле которых хорошо клевали голяны. А на другом берегу был “Островок” - там дно было песочное, твёрдое, сам “Островок” зарастал кудрявой травой, как пружинистый ковёр был. Там приятно было позагорать. Но на «Островок» надо было переходить по няше (вязкий ил), загнув штанины выше колен. Там обычно купались подростки с девчонками, с которыми они дружили, а дети – малышня возле берега на мелководье бразгались. Завидев девчонок на “Островке”, мы переплывали с “Камешек” к ним, чтобы купаться вместе, подурачиться, поподныривать, задевая их рукой. Сколько визгу и страху от этого прикосновения у очумевших девчушек. А ты выныриваешь где-нибудь подальше и, улыбаясь, наблюдаешь, как они вертятся, пытаясь заподозрить кого-нибудь в этих шалостях. Или в одних трусах побежим в сад, который находился неподалёку, нарвём яблок под самым носом у сторожа и обратно на “Островок”, угощать кислятиной своих подружек. Они морщатся да едят. Так мы ухаживали за своими избранницами, уделяя им знаки внимания.

БАНЯ ПО-ЧЁРНОМУ

Девки в баню,
Я на баню, -
Провалился потолок.
Через каменку скакали
Подпалили хохолок.

Вспомнил я частушку из детства, когда меня брали с собой мыться в бане. У деда Семёна с бабой Дуней было семь девок и один сын – Сергей. Я его не видел ни разу. Его на войне убили под Сталинградом в 1942 году. А я родился в 1944 году. У бабы Дуни в горенке висел портрет дяди Сержи в военной лейтенантской форме. В рамке в овальном паспорту, под стеклом. Я часто слышал от своей родни, что я сильно похож на него. “Ты, Лёня, вылитый наш Серёжка! И нос и губы как у него”. Я очень гордился, что похож на дядю Серёжу. Он был для меня героем в нашей обыденной неказистой жизни.

Тётка Прасковья была старшая дочь в семье Задорина Семена. Замуж её отдали рано, за Юрина Ивана из деревни Любимовой. Он с финской войны пришёл раненный. У него лёгкое было проткнуто штыком. На Отечественную войну его уж не взяли.

После они тоже переехали в совхоз им. Будённого из Любимовой. Построили тоже землянку. Близко от центра не было места. Они построились туда к Понькинской дороге, за логом. В логу чистая вода текла. Кругом били ключи. Это сейчас все загадили поросычье парашей. Вонь одна от логов-то идёт. И всё засыхает в округе – и берёзы, и осины, и кусты черёмухи, и тополя.

У дяди Вани была длинная землянка. Зайдёшь в сенки – все полки заставлены деревянными колодками для обуви. Он чеботарь был. Обувь шил. И ремонтировал. Дальше заходишь – его мастерская со столом у окна. Пахнет кожей, варом, резиной, клеём резиновым. За ней – кухня и горенка. Вот это в земле. Но окна выходили на юг. Тепло было, уютно и просторно. Даже не замечалось, что это землянка в горе вырыта. Землянки крыли пластами – земляным дёрном. Рядом был колодец, огуречные гряды с морковью, луком, с капустой, редькой, горохом, бобами, калягой и подсолнухами. У лога всё хорошо росло.

Каждую субботу вся семья деда Семёна и бабы Дуни шли мыться в баню к тётке Прасковье и дяде Ване. Почему дедо Семён долго не мог построить свою баню для такой большой оравы, я так и не знаю до сих

пор. Когда всех дочерей отдал замуж, только тогда и построил. Баня у тётки была тоже в горе, тоже землянка. Топилась по-чёрному. Даже предбанника не было. На крыше росла высокая трава-лебедя.

Двери и косяки были чёрные от дыма, валившего из бани через дверь. В первый жар ходил – Иван Павлович – муж тётки Прасковьи. Париться любил. Или шёл дедо Семён с бабой Дуней. Часто меня брали с собой. Я сидел внизу на лавке, а дедо на полке. На каменке были наложены всякие чугуны, на которые баба Дуня плескала воду – подавала жару дедку. Он тоже очень любил париться. До изнеможения хлестал своё худощавое, изробленное тело, свои косточки.

Мама рассказывает: “Наш тятя пил чай ли, хлебал ли похлёбку – всё с пылу, с жару – с огня, крутящий был мужик, особенно в работе. А есть любил только горячее. Всё с огня чтоб. То и зубы то и выжгал. А у бабы Дуни все зубы до единого были целы, допоследу. Она восемьдесят годов прожила. Она всё говорила: “Пусть остынет, пусть охлынет немного”.

Даже пельмени не ела горячие, остужала. И у меня все зубы. Ты вот тоже по мне. Береги зубы-то”.

Предбанника в баньке не было, поэтому, осенью и весной неудобно раздеваться и одеваться – холодно. Всю лопоть – одежду с обувкой оставляли на улице. А зимой скидывали только верхнюю одежду. После бани шли к тётке Прасковье. Сидели, ждали, пока дедко напарится да намочится. Потом выбирались из лога по скользкой горе, еле, еле заберёмся. И в дождь, и в слякоть – когда первый мокрый осенний снег идёт. И в летние благодные вечера, и в зимнюю неуютную стужу, и в бураны ходили в эту баньку по-чёрному. Заметёт все переулки вровень с огородами, вот и лезешь по сугробам по колено, торишь дорожку. И баньку заметёт, сравнивает вровень с землёй. Откопают, огребут. Истопят. И опять можно мыться да париться. И так до следующей субботы.

Зимой рано темнеет. Мылись при “мигушке” – лампа керосиновая без стекла. Когда я в школу стал ходить, то стал мыться в бане с мужиками. Ничего не осталось от тех мест, где жили люди в землянках. Одна гора осталась горой, да высокие тополя густо разросшиеся напоминают о том, что тут когда-то кто-то жил... И никто никогда не навещает их, одиноких...

Лишь мой друг детства, тоже выросший в землянках – Пётр из Омска, как святой апостол, раз в десять лет бродит ночью порой при усмехающейся полной луне, тревожа чуткий сон ворчливых грачей, отдыхающих на старых тополях перед отлётом в дальние тёплые страны.

РЕМОЖНИК

Из детства мне очень ярко запомнился такой праздничный день, когда в деревню приезжал “реможник”. Это ездил по деревням на лошади, запряжённой в телегу, пожилой мужик и собирал ремки, цветной металл – какие-то пришедшие в негодность предметы быта – самовар ли, котелок ли. С его приездом мир будто расцветал. Все обычные дни начинали сверкать яркими красками. Привычную тишину будили звонкие свистульки – “пташки-пикушки”. Мужик сидел на сундуке, а сзади возвышался ворох всякого тряпья. Откроет свой сундучок сказочный и засветится округа переливами разноцветных шёлковых ленточек – девчонкам, цветных резиновых шаров – ребятишкам помладше. А старшим – цветные “пташки-пикушки”. Женщинам – клеёнку с различными узорами или платки с чёрным полем и яркими малиново-красными розами да зелёными листьями. Мужикам – диковинные городские тонкие папиросочки – в пачках или на штуки. Или крючки рыболовные всяких размеров.

Таским ему всякое ненужное тряпье, а порой ещё и могущие послужить вещи, лишь бы пикушку получить или крючок рыболовный настоящий – “базарский” (“сглотыш”) и кусок лески. А то мы ловили гольянов, сделав крючок из булавки, но без зазубрины, поэтому гольяны часто срывались. А вместо лески была обыкновенная нитка.

Всем находился у “реможника” предмет по душе. На следующее утро в разных концах деревни раздавались соловьиные трели “пташек-пикушек”. Праздник для ребятишек продолжался.

Вот и я решил изготовить такие свистульки. Только каждую надеть своим видом необычным, чтоб запоминалась ребёнку. У меня тут собрались все домашние животные, больше преобладают круторогие и норовистые бычки, барашки бляющие, потерявшие свой дом, и кони златогривые, и русалки волоокские, и коты-котовичи, ухмыляющиеся в усы, и самодовольные индюки, и птички попугайчики, и петушки с курочками. Всего насочинял, нафантазировал, да только никто не берёт мои поделки. Нет денег у рабочего человека. Товары же всё больше иностранные – заполонили рынок. Разные супермены с автоматами и пистолетами, коих по телевизору показывают, где одни жестокости да убийства. Почему это нравится современным детям?...

А вот изделия современного “реможника”, то есть мои, почему-то не привлекают их. Нет спроса... Поэтому меня можно с твёрдой уверенностью назвать настоящим реможником без кавычек...

ВСТРЕЧА С РОДНОЙ СТОРОНОЙ

“Икарус” идёт на повышенной скорости. Кажется, что это не автобус мчится, а лента асфальтированной дороги летит навстречу ему, падает под колёса и снова взлетает сзади, скрываясь за поворотом в берёзовом перелеске.

Не доехав до конечного пункта, выхожу из автобуса на остановке в Максимово и последние пять километров иду пешком через лес, напрямую, по полевой дороге. Как в юности, когда автобусы к нам в «Буденное» не ходили. Утро бодрит прохладой. Шагаю сквозь поросль стройных берёз. Их чистые, белые с розоватым оттенком стволы, кажется, излучают прохладный свет. Эту тишину нарушают только мои шаги. Воздух, словно эликсир жизни, распирает взволнованную грудь радостью скорой встречи с родной стороной. Иду мимо набухших весенней влагой полей.

И вот я стою на высоком бугре, а внизу, вдоль речушки, цепочкой растянулись белые шиферные крыши, вперемежку с железными, крашеными суриком. Возле старых полузаброшенных избушек на окраинах высятся великаны-тополя. То приближаясь, то удаляясь идет по деревне утренняя переключка петухов. Изредка незлобно пролает собака да протяжно замычит бурёнка.

Нынешняя весна и начало лета не балует нас теплом и ясным солнышком. Постоянно бороздят небо низкие облака. Бывает пролетают “белые мухи”.

Переживает хлебороб, как уродит земля в этом году? Хоть и говорится в пословице “Май холодный – год хлебородный”, но как-то будет на самом деле?

Вдыхаю запах родной земли. Он словно поднимает меня на крыльях и уносит в далёкую страну детства, где по вечерам витали мечты и сказки возле горящего в темноте костра. Уносит в светлый мир, наполненный теплотой материнской ласки, прикрывающей нас своей шершавой ладонью и оберегающей от лихолетья Времени.

МАМУ ЖАЛКО

Шёл 1955 год. Первый год мы живём в молдаванском домике. Распрощались с землянкой. Переехали в молдаванский край. Тут я никого не знаю. Скучновато в незнакомом месте. Все мои дружки “Земляновцы” остались там, в землянках. Я заберусь на тёсовую крышу

нашего беленького домика и сию, посматриваю с высоты, - где ты там, мой край “земляновский”. Тоскую по заветным местам. Смотрю, смотрю – не бежит ли кто ко мне из приятелей в гости.

...Начало марта. Нас, третьеклассников учительница заставила обшивать свой галстук чёрным материалом. Принесла иголки, нитки, чёрную атласную материю, настригла полоски и велела снять галстуки и обшить этими полосками и ушла куда-то. Мы, особенно мальчишки, никогда не державшие иголки в руках, взобрались на парты с ногами и принялись за портняжное дело. Корпим, соплями швыркаем. Девчонки куксились, слезу пускали да размазывали. А ребята стойко хмурились только, обшили галстуки и на улицу.

...Умер Сталин. В трауре висели обшитые чёрным красные флаги на школе и конторе. Занятия отменили, но домой не отпускали. Возле школы, на солнечной стороне уже подсохла земля. Мы с ребятами стали тут играть “об стенку”. На пятаки. Ударяешь пятаком об стенку – пятак отлетает. Потом другой ударяет своим пятаком. Если заденет твою денежку, то забирает твой пятак, а если рядом упадёт так, что растопыренными пальцами можно достать, то тоже исчезает твой пятак. Если не дотянется, то третий метает. И так далее. У кого-то хорошо получалось, метко. Много пятаков навыйгрывает - очень заразительная игра. Затягивает. До спора бывало, а иной раз и до драки доходило.

Смотрю, моя мама идёт ко школе. Я увидел её и подбежал к ней. Лицо бледное, а рука забинтована до локтя и подвешена на чёрном платке. Погладила меня по голове здоровой рукой и заплакала. Я тоже в рёв.

— Поживи пока у бабы Дуни, - сказала она, я в город сейчас поеду, в больницу.

Потом уж узнал, что у неё руку в силосорезку затянуло. Подхожу к ребятам зарёванный. Они подумали, что я в поддержку девчонкам. Из-за Сталина...(Что наш “Отец родной” умер. “Спасибо за наше счастливое детство”...). А мне маму сильно жалко было. Мы же с ней вдвоём жили.

ШАЛОПАИ

В нашей школе училось много молдаван – девченок и мальчишек. Они быстро научились русскому языку. Были они очень понятливы, учились хорошо. Не то что наши деревенские шалопаи – безотцовщина. Едва дотянув до четвёртого или пятого класса, они уходили работать на ферму – “говно ворочать”. В школе их не держали больше, т.к. они были уже переростки. В каждом классе просиживали штаны по два да

по три года. Поэтому к пятому классу у них выросли усы, прорезывался басок – грубый мужской голос, а иные просто не вмещались за школьную парту. Учителя всё посмеивались над такими оболтусами, что пора вас женить, а вы всё ещё штаны даром протираете. (“Женилка уж поди выросла?” – подшучивали они, чем вгоняли лица великовозрастных в густую краску.).

Почему-то таких переростков всегда ставили на ноги за какую-то провинность или совсем удаляли из класса. Особенно не хотелось сидеть в классе им по весне. Когда припекало солнышко, дремалось, а на улице воздух был свежий, дышалось легко, солнце сверкало вверху и на земле – в лужицах. Перемигивались сосульки. Громко переговаривались воробьи. Под крышей ворковали голуби. Единственным занятием было в удовольствие – это пострелять из рогатки по воробьям.

В другие пасмурные и холодные осенние дни они проказничали меньше, чтоб не выгоняли их из класса, а только поставили к круглой горячей печке. Где им было тепло и уютно, а главное не донимала учительница со своими задачками. Не надо было «напрягать извилины». Тут, за печкой у них были свои пристрастия. Привязав к нитке кусочек сухарика, ученик опускал его в щель между половицами. И сидел, ждал “поклёвки”. Как рыбу удил. И ждать приходилось не очень долго. “Рыбак”, почувствовав “поклёвку”, тянул за нитку и ко всеобщему визгу девчонок выуживал из щели серенькую мышку. Она заглатывала сухарик и попадалась на удочку. После такого улова “рыбаку” приходилось распрощаться с тёплым местечком и отправляться в холодный коридор, а то и домой за родителями. Что он делал с великой неохотой, растягивал время, собирал свои тетрадки и учебники в холщовую тряпичную сумку на лямке, которую на выходе отбирала учительница.

Бывали и для таких ребят интересные минуты на уроках. Когда на уроке зоологии учительница заставляла резать лягушек, то отчаянные взрослые ребята это делали с удовольствием. Правда, внутри у лягушки ничего не видели и не понимали. Им важен был сам процесс. Девчонки отворачивались, верещали, тряслись брезгливо, отмахиваясь руками, а ребята с ухмылочкой занимались экзекуцией, видя, как лягушачьи лапки, пришипленные к парте булавками, продолжали конвульсивно подёргиваться. Порой лапки так напрягались, что вот-вот лягушка сорвётся с булавок и запрыгает, потянув за собой вывалившиеся серо-зелёные внутренности.

Дни за днями пролетали длинные зимы. К лету великовозрастных

ждала совхозная работа на ферме и на сенокосе – вилы, топор, лопата, самый распространённый рабочий инвентарь деревенского мужика – советского работника.

Иные ребята, закончив семилетку, отправлялись в город учиться дальше, кто в техникум, кто в ремеслуху на токаря, на столяра, на слесаря и т.д, чтоб любым способом вырваться из деревни. Больше всего этого хотели родители, чтобы их дети не горбатились день и ночь. Кто не заканчивал школу-семилетку, родители отправляли оболтуса в школу механизации учиться на тракториста и комбайнёра. Самой престижной профессией тогда была специальность шофёра. Почти что интеллигент в деревне. Да если по благу где-нибудь пристроится на тёллом местечке – начальника возить или кмбикорма из города, или на бензовоз, то считай, что как сыр в масле будет кататься... Но такие места обычно занимали по большому благу и пожизненно...

А кто хорошо учился в школе – уезжали продолжать учёбу в городе. В десятилетку или в техникум. Редчайший случай – кто-нибудь один из ребят совхозных начальников – поступал в институт. Потом сменяли родителей на доходном месте.

На моей памяти ни один из отчаянных ребят-безотцовщины не дожил до преклонного возраста. И не умер своей естественной смертью. Кто-то спился, кто-то повесился, кого-то убили.

Очень многие хоть и уехали из деревни искать лучшей доли, но так её и не нашли. Мало кто вернулся обратно, а кто-то погинул на чужой стороне...

О ДРУЗЬЯХ ДЕТСТВА

Приехал нынче ко мне друг детства – Пётр Блюденев. Не виделся десять лет. Съездили на родину, где мы родились, где наши землянки были. Пригласили ещё одного нашего друга детства Витю К. Посидели у пруда.

Пётр начал меня агитировать, чтоб я написал новую книгу о нашем детстве неприкаянном. О наших друзьях, о военной и послевоенной братве-безотцовщине. О светлом о чём-то, как мы на природе играли, учились в школе. О землянках, в которых родились и выросли. Описать все мечты наши, которыми мы грезили.

1957 г. Шестой класс.

1 ряд слева: Черных П., Мехонцев А.
2 ряд слева: Шамонин А., "молдованка", Александра Игнатьевна, Галина Гурьяновна, Фаминах Е.
3 ряд слева: Шамонина Г., Рычкова В., Воложанина Л., Голубева Т., Заложных Ю., Манакова Г.

Сидим мы на "Плотине" - три друга и вспоминаем детство. Только и вспомнить-то толком ничего не можем. Витя К. наотрез отказался рассказывать: "Ничего не помню. Кого я - хромой да слепой. Да неучёной...". А в детстве был самым главным рассказчиком.

И память-та никуда не делась. Должен помнить. Но не хочет, видимо. Комплексует. Жизнь прожита. И ничего хорошего он в ней действительно не видел. Горбатился всю жизнь в деревне. На себя - дома, на государство - на ферме. Попивал, конечно. В детстве мы любили его слушать, как он рассказывал интересно. Он хоть и мало читал, но то, что он слышал когда-то и где-то, он очень умело пересказывал. Особенно разные страшные притчи об оборотнях.

Пётр тоже что-то ничего толком не вспомнил. Уехал давно из деревни - больше сорока лет назад. И вот встретившись с друзьями, подвыпив, он находился в том блаженно-размягченном состоянии, когда и вспоминать-то особо ничего не надо. Надо просто смотреть в лица друзей и трогать их руки, ощущать их тепло, смотреть вокруг на всё и знакомое, и уже чуточку как бы чужое. Как будто бы находился во сне, а не наяву, когда многое ещё узнаётся сквозь рельеф местности, через высокие тополя, через плещущуюся о берег волну. И то и не то. Много воды утекло за сорок лет. Чуть не вся жизнь...

Пётр пытается убедить нас, что советская власть дала ему всё: и образование, и квартиру, и работу. Что он, простой паренёк из деревни, тоже безотцовщина военных лет рождения, добился кое-чего в жизни. Вначале работал кочегаром на паровозе после школы. Потом закончил институт. Его оставили на кафедре преподавать. Защитил кандидатскую диссертацию. Преподаёт. Получил квартиру. Вырастил детей. Нянит внуков. Достойную жизнь прожил. Даже изредка приезжает на родину. Не теряет корней. Почему же жизнь не удалась у Вити? Или у других?

Кому-то повезёт, а кому-то нет?.. Почему не нужно никому моё творчество? Ни четыре книги, ни сотни картин, ни десятки скульптур? Где ответы?

...Но неожиданно пошёл дождь, и мы вынуждены прервать наше полусонно-разнеженное состояние и ретироваться обратно домой. К моей маме в избу. Пока шли, дождик почти перестал, охладил немного наши хмельные головы, и мы решили, что пока светло, надо пойти с Петром на поиски его землянки, его места рождения. В том районе остался один домик. Бродили в зарослях мокрой крапивы, репья и лебеды, нас не видно было в зарослях этой двухметровой дурнине. На голоса вышла баба - хозяйка этого домика, приезжая из города. Думает, чего это надо тут трём пьяным мужикам возле её усадьбы. Мы ей объяснили свои проблемы, в которых она помочь нам ничем не могла, так как была нездешняя. Пётр настойчиво стал пробиваться сквозь эти крапивные джунгли. Опять пошёл дождь. Мы с Витей не решились идти за ним по мокрой траве. Стояли, о чём-то толковали, мокли. Витя ма-тукнулся, плюнул на все наши фантазии и удалился по-английски, не прощаясь. Больше мы его не видели. Я ещё постоял немного. Промок до нитки и тоже пошёл домой. Пётр скоро пришёл ко мне. Говорит, что нашёл он то место, где их с матерью землянка была. Ну и слава Богу! Довольный. Теперь он может опять лет десять не ездить на родину. На следующий день мы на утреннем автобусе уезжали из деревни. Пётр в свой Омск, а я в Шадринск. Мама, как всегда, провожая нас, промолвила: «Айдайте с Богом!»

Так мы расстались с Петром. На днях получаю от него письмо, в котором он настойчиво уговаривает писать новую книгу о нашем детстве. Ведь не забыл. Я думал, что это была просто фантазия хмельного ума. Ни там, на берегу, ни позже, я не признался ему, что я уже пишу эту книгу. И пишу давно.

Ещё в 70-м году я начал собирать материал о своём роде Задори-

ных. Бабушка рассказывала мне первые свои воспоминания тридцать лет назад. Когда я пришёл из армии. Другие позднее. Вот есть такая запись – В декабре 1995 года:

“...В этом месяце меня до глубины души потрясли две смерти. Я случайно услышал от мамы, что умер Коля Ю. Тоже дружок детства. Уехал из деревни в город. Женился. Вырастил дочь. Но как-то случилось, что жена ушла от него. А шестнадцатилетняя дочь осталась с ним. Он часто и подолгу болел. Часто ездил к сестре в “Красную звезду”. Последний раз я его видел этой осенью на вокзале. Он ждал встречи с некой незнакомкой. Дал объявление в газету, что ищет спутницу жизни. Одна ответила. Договорились встретиться на вокзале. Она должна была приехать из Ольховки. Он был бодро одет, взволнован... Но худющий – кожа да кости. Трезвый. Гладко выбритый. Но женщина не приехала. И вот его нет... Сорок восемь лет прожил на этом свете.

Многих моих сверстников давно не стало. Лёнька Б. умер в сорок лет. Жил в совхозе, работал механизатором. Тоже попивал. И болел. Саня Г. (“Галун”) давно сгинул – где-то поездом зарезало. Тоже, наверное, нетрезвого. Пашку Ч. убили, кажется, он жил в городе Гурьеве. Толька Р. в шестнадцать лет умер на операционном столе. У него был порок сердца. Вовку К. ещё встречаю в городе. Этот почти всегда “под хмельком”. На первой группе инвалидности – глаз выбило на заводе. Говорит, что денег хватает – пенсия по инвалидности да и завод за глаз платит. Не болеет. “Разве, только с похмелья”, – рассказывает, ухмыляясь. Где-то ещё живёт Витька В.. Отсидел. Ездит на “Волге”. Сашка Ш. не знаю где. Уже больше тридцати лет не виделись.

Вот такая доля досталась моему послевоенному поколению...

И совсем недавно, на днях – мама позвонила и сказала, что Вова Д. руки на себя наложил. 39 лет. Этот не пил. Повесился прямо в больнице. В туалете. Последнее время тяжело болел. Семьянин был хороший. Дома всё обустроил хорошо. Плотничать любил. Охотничал. Общественным егерем выбирали. Вот такие дела...

Никто не доживает даже до пятидесяти лет...

В МОЛДАВСКОМ КРАЮ

Рассказывает моя мама:

“Когда ты перешёл в пятый класс, я продала нашу землянку, а купила саманный беленький домик в молдаванском краю. В 1951 году много молдаван раскулачили и выселили к нам в Зауралье. В совхозе им. Будённого целый молдаванский край вырос из белых хат-мазанок.

Райляны, наши соседи, рассказывали, что у них был свой магазин. Но власти всё конфисковали и отправили их в Сибирь, т.е. к нам. А жить негде у нас. Квартир нет. Свои рабочие жили в землянках. Молдаванам давали ссуду на самостоятельную постройку дома. Они, народ был умный и работающий. Семьи у них большие были. Но строили они себе дома не из рубленого лесу, какие в Сибири строят, а такие, как они у себя в Молдавии делали. Нарубили жердей, из них сделали хату, да с обеих сторон глиной уляпали. А деньги (ссуду) на скотину истратили. Завели скотины всякой: корову, овец, кур, гусей, уток и т.д. Работающие были, особенно для себя никаких сил не жалели. Они же к единоличному труду приучены там у себя, в Молдавии-то.

А то опять саманные дома делали. Это они смешивали глину с соломой, перемешат всё это и этой глиной наполняли формы. Получались большие кирпичи. Их сушили на солнце в штабелях, а потом строили из них дома.”

Вот в таком домике мы с мамой и жили. Очень холодный он был. Не для наших сибирских морозов. Промерзала глина и не держала тепло. А летом в нём прохладно было, не вспотеешь. В нём была маленькая кухонка с камином и русской печью. Лежанка маленькая – одному взрослому человеку и то не поместиться. Мы с ребятами грелись на печи попеременно. Одни согреваются, потом другие залезают.

Витя Кулаков и другие ребята частенько ходили к нам ночевать, когда моя мама на конном дворе в ночь дежурила. Он любил рассказывать нам страшные байки об оборотнях. Много их знал.

С вечера мы обитали в конюховке у камина и пекли печёнки или помогали маме раздавать корм лошадям. Напоим их, а потом уж убежали к нам домой. Истопим печку, нажарим картошки, наедемся. Вначале тепло станет, но потом тепло куда-то быстро исчезало, особенно зимой в сильные морозы. Не знаю, как молдаване десять длинных зим выдержали в своих саманухах. Мы забирались вчетвером на кровать, размещаясь «валетом», закрывались одеялом с головой. Рассказывали

разные байки да страшные истории. Так и засыпали.

Бывало, только уляжемся на кровати, как кто-то застучит в окно. Мы дрожим, спрятавшись под одеяло. Это кто-нибудь из старших ребят пугал нас, зная, что мы дома одни.

Мама, нет, нет, да вспомнит:

— Я часто вижу во сне этот наш саманный домик, что опять переезжаю в него. Он хоть и холодный был, а я почему-то часто во сне его вижу. Там сейчас строят новые дома на нашем-то месте. Все наши сады, что мы с тобой садили – и яблоню, и черёмуху, и вишню – всё бульдозером сравняли с землёй... Ничего не осталось... А домик этот беленький так и стоит у меня в глазах... Мне тятя потом сенки к нему пристроил, а сенок-то не было вначале. Камолый какой-то был. У меня там и землянка была для коровы с курицами. И огород хороший. Всё хорошо росло. Потом, ты ушёл в техникум учиться, дак я продала корову-то. А потом и в армию тебя из этого домика провожали. Ты девок приглашал и ребят. Вечеровали. Пластинки на радиоле крутили. Наверное, всё ведь помнишь? На другой день пошли тебя провожать. Сашка Задорин был гармонистом. Здорово пели частушки.

Эх, матаня, встань поране,
Вымой лавочку с песком,
Повезут меня в солдаты,
Ты заплачешь голоском.

Из армии-то ты уж пришёл в эту вот избу-то, в деревянную.

...Из молдаван-то мало кто остался здесь. Один разве Митя Чорной. Ему у нас прозвище дали – “Грязной”. Все на прозвищах. Его уж нет в живых. Он в двух квартирах совхозных жил и везде сады наоставлял. Он на Валентине Гурьяновне, на учительнице был женат. Молдаване все любили сады разводить. Он и пчёл держал. И скотину всяку. Хорошо жил. Которы в городе остались. Вот Сурканы. У них много сыновей было. В Понькиной один живёт. Или вот в симаковской-то землянке жил. Да как его... Вот забывать стала. Парнишечко – у него был, Исик звали. Девка ещё Ольга. Он ещё еврей был. Фу ты – Абрам Исаакович. Воду возил из пруда на свинарник, или с водокачки потом. Да парашу со свинарников.

Прицекарь был где-то... Райлян Федя и Автеника, что напротив нас жили. У них два парня было. Один учился в Кургане в институте. Вон Слоновских – наискосок от нас. Потом все поужезжали, когда их отпустили домой. По десять лет им ссылки давали. Я потом переписывалась со

В молдавском краю 1960 г.

Верхний ряд вторая слева – моя мама – Задорина Анастасия Семёновна.

Светкой Слоновских. Родители у ней там померли, и брат Женька. Хорошие люди были. Женька здесь у нас в деревне киномехаником работал.

Ерудей молдаван на быках тут робил. Ему конюха на конном дворе сказали, что как двенадцать раз на “пожарке” пробьют (была у нас каланча построена и наверху подвешена труба. На “пожарке” всегда дежурили день и ночь. И время отбивали.), то выпрягай. Пробили двенадцать часов, а он по плотине ехал. Остановился, выпряг. Ведёт быка в поводу. Смеху было. А бричка там осталась, у пруда. Они научили быков своему языку. “Цоб” – направо, “Цобе” – налево. Быки хорошо их понимали. Кормить-то быков они кормили, но почему-то забывали их напоить. До плотины доедут, быки-то их вместе с зерном, с бестаркой в воду завозят.

Жили они очень обособленно, даже между собой мало общались. Много трудились. Честно, добросовестно отбивали свой срок. Хотя Сталин давно уже умер.

В космосе летали спутники с собаками Стрелкой и Белкой, побывал там и первый человек – Гагарин.

А молдаване всё ещё жили в холодной Сибири, вдали от своей виноградной Молдавии.

Вначале мы шибко радовались, что купили с мамой новый светлый, чистенький домик, красивый. Это после землянки он нам таким

показался. Молдаване такие домики очень быстро делали. Намешают саману – глина с соломой, завернут штанины и топчут, или быков заведут и ходят с ними по глине. Изготовят стены из жердей и обляпают эти жерди с двух сторон саманом. Выравниют стены гладенько, подведут крышу, покроют камышом или соломой опять же. Живи – не хочу. Только почему-то полы деревянные не настилали. Пол был земляной. Печку не из кирпичей, а тоже из глины сляпают, с низкой лежанкой на одного человека.

А как они появились у нас в Сибири? Это товарища Сталина надо было спрашивать. А охотников на такие вопросы не находилось почему-то... Он - "Отец наш..." очень любил эти перестановки: евреев – в Биробиджан – на Дальний Восток, татар из Крыма, немцев из Поволжья – в Казахстан, Чечню – в Сибирь. Русских на Колыму и в Магадан. Молдаван из Молдавии в Зауралье. Так они оказались в нашей деревне. И по всей Курганской области были расселены по деревням.

Домики у них у всех были разные по размеру, в зависимости от величины семьи и от состава работников, т.е. строили по своим возможностям, но все мазанки были чисто выбелены, всегда опрятны, сверкали аж, особенно к праздникам. Люди они были верующие, набожные, спокойные.

В северной части совхоза им. Будённого вскоре по ту и другую сторону лога засверкали белизной молдаванские хатки. Земли у нас было много. Чернозём. От молдаван мы научились выращивать и кукурузу, и кабачки, варить мамалыгу, садить сады – яблони, сливы, вишню. Соседи они были очень добрые, отзывчивые на чужую беду, скорые на помощь. Угощали нас своими посылками, приходившими им из Молдавии – урюком, грецкими орехами.

Почти все уехали, когда их отпустили домой. Теперь они приезжают строительными бригадами в наш совхоз. Строить нам свинарники. Мы сами, видимо, так и не научились. Они зарабатывали денег за лето на машину или на дом.

Сосланные молдаване работали больше на быках. Возили на них брёвна, сено, солому, зерно от комбайнов, картошку в мешках. У них такие необычные нашему глазу повозки были – арбы, с высокими перекладинами из жёрдочек. В семьях они всегда говорили только на своём языке. А ребята ихние в школе хорошо научились по-русски говорить. Учились прилежно. Родители дома говорят что-нибудь ребятам по-своему, а те отвечают им по-русски. Родители ругаются, так как плохо понимали ещё русский язык.

Я в пятом классе сидел за партой с одной молдаванкой. Она в совхозе им. Демьяна Бедного жила – это в соседнем совхозе, в четырех километрах от нашего. Демьяновцы учились в нашей семилетней школе, а жили в интернате, на выходные дни домой бегали, школа у них была только начальная.

Молдаванка очень красивая была. Черноглазая, как омут глаза, бездонные. Волосы как смоль. Лицо белое, белое. У ней ноги плохо ходили. Инвалид была... Всегда в белой отутюженной блузке ходила и в чёрной юбке. Очень умная девочка. Хорошо училась.

После 1967 года молдаванский край исчез...

Весной, и по ту, и по эту сторону лога, где когда-то белели выбеленные хаты, теперь буйно растёт крапива, репейник, кое-где еще цветут старые кусты черёмухи да буйно-белоснежные яблони.

Кто оказался сосланным в Сибирь? Молдаване на десять лет? Или мы на вечное поселение?

Они уехали, а мы остались... Здесь... Навсегда... На своей исторической Родине...

МЕДАЛЬ

После окончания техникума меня в армию забрали. Отслужив три года, я вернулся домой. Совхоз уже назывался не им. Будённого, а участок №4 "Октябрь" совхоза "Красная звезда". Все деревни объединили в один совхоз – Фрунзе, Таволжаны, Просвет, Октябрь, Демьян Бедный, Погадайку, Погорелку с центром в Максимово — в Красную звезду»

Знаменитый совхоз "Красная Звезда" под руководством директора – Ефремова Григория Михайловича гремел на весь Советский Союз, сдавал государству восемьдесят тысяч центнеров свинины в год. Построили первую асфальтированную дорогу в деревни, загородили плотинной речушку Барнёвку. После смерти бразды правления самого огромного совхоза перешли к его сыну – Михаилу Григорьевичу Ефремову, который ещё больше присоединил деревень – и Дёмино, и Зевакино, и Понькино, и Ермаково, и Полевою – почти половина Шадринского района посевных площадей теперь у него. Но и такой совхоз-гигант начинает разваливаться от нынешних реформ...

Когда я вернулся из армии, молдаванского края уже не было. Все уехали домой в Молдавию. Осталось несколько домов, где жили рус-

ские. Соседка Кланыя Зайцева техничкой в школе работала. Повесилась. Чуть дальше жил тракторист Коля Медведев. Тоже пытался повеситься, но вытащили из петли. Вскоре его переехал гусеничный трактор. Ноги ампутировали. Он ездил на ручной коляске. Но недолго пожил после этого. Помер. Мама забоялась там одна жить, рядом с лесом. Решила переехать поближе к центру, к народу. Купила старенькую избушку, но деревянную. В саманной мы сильно с ней намёрзлись. Одной ей стало жутковато, хоть и не пакостили в те годы, нечего у ней было воровать. Ничего не нажила, хоть и весь век на свинарнике горбатилась. За военные годы, правда отметили её. Вручили медаль за доблестный труд в Великой Отечественной войне (1941 – 1945 г.г.). С профилем товарища Сталина... Как жила на задворках, так и осталась там. Сейчас тот заулок, в котором мы жили, завален поросычьим навозом, не пройти, не проехать. Осталось всего два дома. Ветеран Великой Отечественной войны Григорий Иванович Бирюков и моя мама Задорина Анастасия Семёновна – ветеран труда. Забывать стали ветеранов. Один раз в году, осенью, пригласят в столовую, накормят обедом, рюмку водки нальют. А кто хочет выпить, тот и не одну выпьет. Пожалуйста. Этот праздник стали называть днём пожилого человека. Единственный праздник остался у изробленных на государство ветеранов. Живут они теперь больше своим трудом, питаются со своего огорода – что Бог пошлёт... В основном картошечка. А начальники в двухэтажных коттеджах со всеми удобствами поживают... Теперь они настоящие хозяева стали... узаконенные... А трудовой народ как был рабом, так им и остался... Даже денег не платят за каторжный труд месяцами...

НА ПРОПОЛКЕ

Чтоб мы по деревне не болтались попусту и не бездокурили, нас, ребятню и девчонок, начинали приобщать к государственному труду. В то время у моей мамы пальцы у правой руки оторвало силосорезкой. И её поставили бригадиром над ребятнёй, кою она должна организовывать на прополку ячменя и пшеницы. Почему-то тогда хлеба очень сорные были. Много осоту особенно было. Мы должны были взять дома варешки, а то осот - растение очень колючее. Голыми руками немного его надёргаешь. Моя мама ставила ребят у края поля на рядки, и мы шли до другого края поля цепочкой, пропалывая хлеба от сорня-

ков. Девчонки дёргали осот руками. А ребята, народ более сообразительный, поэтому после первого же дня обзавелись орудиями труда. Сделали дома секиры. Что-то среднее между саблей и серпом - короткая металлическая пластина, заточенная на наждаке. И на второй день мы уже как будто чапаевцы на резвых конях “гарцевали” вокруг “беляков”, срубая им головы – осоту и молочаю. И романтично, и забавно, и в то же время заняты делом. Хоть какая-то да польза. Так занимались прополкой несколько дней. Обедали где-нибудь на краю поля на опушке берёзового леса. Шуму и визгу прибавлялось. Дурачились и донимали девчонок, опуская им за ворот разных мохнатых гусениц или букашек. А то приносили с собой ножи и в лесу вырезали из дедилек брызгалки. На поле всегда привозили бочку с водой. Летом в жару особенно хотелось пить. Но вода шла не по назначению, а для брызгалок.

Устав от беготни друг за другом, залезали на вершины берёзок потоньше и спускались с “парашютом”. Не думали, что берёзка может сломаться, весили-то мы как пушинки. Были худюшие. Когда я ходил в баню с бабой и дедом, да с их девками (бывало в баню ходили всей семьёй) – Нюра всё говорила: “Ну, ты, Лёнька, и “шкелет”. Одни кости”. А дед отвечал: - “Ничего, были бы кости, мясо нарастёт”. А дедо Семён был тоже худой, сутуловатый. Но в любой работе очень проворный. Он говорил: - “Ты не смотри, Лёнька, что я худой, зато я жилистый и вёрткой”. Вот и я тоже старался никому не поддаваться из своих сверстников, даже тем, кто на год, два постарше меня. Во время обеда устраивали борьбу. Кто кого оборет. Или играли в третий лишней. А после обеда снова шли в кавалерийской атаке “рубать неприятеля” - сорную траву – колючий осот.

ПОРА СЕНОКОСНАЯ

Где-то классе в пятом нас уже “запрягали” в настоящую совхозную работу. Увозили в болота под Ворошилово – в “Девятое” или “Одиннадцатое” - возить волокуши. Утром рано будят. Вставать не хочется. Глаза точно склеил кто-то. Маме надоест кричать: “Лёнька, вставай, на работу надо!”. Наберёт в рот воды и фуркнет на меня. Мигом сон обдирает. Выскочишь во двор, умоешься из бочки обжигающе холодной водой и за стол. Наешься горячей целой картошки с молоком, а мама как всегда скажет: “Айда с Богом, сынок. Пора на работу”.

В конюховке найдешь сбрую-узду, хомут, дугу, седелко, еле выво-

локешь всё это на улицу и пойдёшь ловить в выгульное свою лошадь, которую тебе дали на время сенокоса. У меня была кобыла – “Волга”. С этого дня ты рабочий человек в совхозе. Может ещё не очень уважаемый. Много ещё придётся услышать насмешек, ухмылок и ехидных подвохов со стороны более старших ребят, мужиков и баб. Но это будет сделано не со зла, а для того, чтобы ты знал своё дело и не подводил остальных. И чтоб был всегда начеку, чтоб сбруя была всегда в порядке. Чтоб не случилось чего-нибудь во время работы, каких-то неполадок по твоей вине. Тогда обсмеют, что тошно станет. Вот и приходилось всё делать на совесть, добротню и аккуратно.

Покажет конюх твою лошадь, поймает тебе на первый раз. Покажет, как запрягать. А на завтра – будь добр, всё сам сделай. Вот и ходишь по выгульному за своей лошастью, а она никак такому мальцу не хочет ловиться. Пока не узнает тебя, да пока ты её не прикормишь, да не поговоришь ласково. Доброе слово, говорят, и кошке приятно. Вот тут-то и начинается твоя самостоятельность. Ездить на лошади да запрягать наука вроде бы не такая уж мудрёная для деревенского мальчишки, но когда это дело у тебя впервые, да поручают тебе как взрослому рабочему это ответственное дело, когда ты уже не сам по себе, а часть коллектива, когда от тебя дело зависит и другие люди, то сразу как-то становишься старше, ответственнее. Волнуешься. А вдруг да сделаешь что-нибудь не так.

Оденешь хомут на шею лошади, повесишь дугу, застегнешь седелку и, подведя лошадь к изгороди, запрыгнешь на её худющий хребет. Твой костистый задочек на её хребте никак не совмещается. Передвинешься на один бочок и наблюдаешь, чувствуя себя взрослым. Сверху тебе всё хорошо видно, как люди суетятся, готовясь к сенокосной поре, собирают грабли, вилы, топоры, косы, грузят в кузов грузовика, сами залезают. Шутят, хохочут. Парни-холостяжник, да армейцы присосеживаются к одиноким бабёнкам, прижимаются к их грудям как бы невзначай. Женщины повизгивают от удовольствия, нехотя отталкивают ухажёров – бывших солдат-дембелей...

Мы, ребятня, отправляемся на стан первые. Кто-нибудь с нами постарше. Отъехав от деревни и скрывшись из виду, переходим на галоп. При такой скачке сливаешься с туловищем лошади и не ощущаешь боли в копчике. Только ветер шумит в ушах, да утренняя прохлада ударяет тебе в лицо. Да брякотня дуги о хомут или седелку никак не дают себя представить сказочным героем-богатырём, летящим на бой с Кошеем бессмертным. Что ты просто мальчишка на захудалой совхоз-

ной лошащёнке – кобыле или мерине скачешь вместе со своими сверстниками среди пашен, полей, берёзовых перелесков в утреннем тумане росных лугов. И ты совсем не подозреваешь, что эти минуты неповторимы и навсегда останутся в твоей взволнованной душе. Этот ветер в лицо, стук копыт, запах луговых трав смешанный с запахом лошадиного пота, и улыбающиеся ребячьи лица будут навсегда отождествляться с тем пониманием малой и милой Родины, которая у тебя и есть самое заветное на этом свете...

Прискачем на стан, сбрую снимем, лошадей отпускаем пастись. Пусть отдохнут. На завтра начнётся у них рабский труд. Без выходных, на солнышке при сорокоградусной жаре, при скоплении кусачих до крови сотен оводов.

Стан обычно делали возле воды – озера или болотца, в котором водился карась и гольяны. Ставили морды и сетки, ловили рыбу на уху. Это километрах в 8–10 от деревни. Кругом были обширные поляны, не годные на пахоту. Косили даже осоку.

Бывало, что “газон” (ГАЗ-51) с народом обгонял ребятню на лошадях, обдавая густой пылью. Лошади шарахались от машины, сильно боязливые были; бывало взрослому мужику не поддавались, если машина возле проходила, так рвались из рук, что могли разбить по кочкам или колдобинам телегу или ходок. Как с ума сходили от страха – глаза бешеные, кровавые, в удилах пена. Это сейчас никто и ничего не боится... А тогда и лошади и люди всего боялись... Всё на страхе было поставлено... Хотя Сталина в живых уже не было...

Возле стана устраивали шалаши, в которых спали. После скачек ходишь с непривычки нараскорячку – будто в штаны наклал. В кровь избита задница о лошадиный хребет. Долго не заживали коросты. На другой день надо опять садится – волокуши возить, а весь зад болит. Вот и вертишься на хребте лошади так и сяк. Пока коросты не сойдут.

На стану уже молоточек постукивает, литовки отбивают. Завтра чуть свет мужики помоложе уйдут косить. Повариха начнёт готовить завтрак, обед, ужин в огромном котле. Вьется дымок костра, вкусно пахнет едой. Нам приказано вырубить две волокуши – это значит надо найти пушистую и достаточно длинную берёзку толщиной чуть потолще оглобли, в которые мы будем запрягать своих лошадей. Натаскать сушняку к кострищу. Другие парни готовят морды, наполняя их жмыхом и лезут подальше ставить в камыши, чтоб побольше гольянов и карасей зашло в эти морды.

Когда наши лошади остынут немного после скачек, мы поведём их к кочковатому болоту на водопой. Вода кажется чёрной, на самом деле она чистая. Это земля на дне чёрная. И сами пьём из этого же болота.

Первый день кажется нам, ребятне, самым радостным, оживлённым, взволнованным, лёгким. И счастливым. Всё уже видно не раз, каждое лето это повторяется, но эти приготовления всегда желанны и трепетны. Все запахи другие, чем в деревне, чище, ядрёнее - волнующе пахнет свежескошенным сеном на шалашах, пахнет луговыми травами, запахи дурманят, кружат голову молодухам и парням-дембелям. Они ходят по пояс голые, загорелые, мускулистые, самоуверенные в своей неотразимости и вечной молодости. Вечерами долго не могут уснуть, собираются группами, курят, насказывают и надахатывают. Проходятся первые парочки, вскоре исчезающие от людских глаз...

Эх, матаня, ты кудерек,
Я не сам тебя завлёл,
Ты ко мне ластилася,
Рядышком садилася...

С вечера бригадир разделит всех по звеньям, по бригадам — кто с кем будет работать и объявит норму выработки сколько надо накопить, сколько тонн сена сметать. А пока все весёлые, сильные, не уставшие. Завтра вставать с солнышком, часа в четыре, поэтому ребятню отправляют спать. Ночью не дают спать комары, шпигуют. Так что сон не в сон.

Утром бригадир будит — ходит от шалаша к шалашу. Вставать ужасно не хочется. Дома привыкли вставать поздно. Лежи, не лежи, а вставать придётся. Тем более, что это твой первый день. Ты раб-очий. (Работать за похлёбку — это было в те годы в порядке вещей во всей тогдашней России или вернее Союзе. Будь малец или взрослый человек. Я не помню, чтобы мы, ребятня, зарабатывали какие-то деньги. Так, копейки какие-то платили).

Выбегаем из балагана и к болоту умываться; вода прохладная. Бегом к костру, там теплее. Туманище стоит — в двух-трёх шагах уже плохо видно. Кони как в молоке, где-то рядом фыркают и хрустят свежей травой. Возле костра уже сидят с алюминиевыми чашками взрослые. Едят кашу. Проглотив кашу, берёшь узду и бежишь искать свою лошадку, приготовив ей кусочек хлеба с солью. Распутываешь ей передние ноги, накидываешь уздечку и ведёшь её на водопой. Запрягаешь в волокуши. Ребята-армейцы будут накладывать, а кто-нибудь из девчат подскребать за волокушами. А ты должен везти эту копну сена к месту,

где стоит зарод. Мужики, что у зарода, сваливают сено, уперев вилы черенком в землю. Самое главное искусство — это правильно подрулить к месту, которое тебе укажут мужики у зарода. На первых порах и тебя и лошадь твою окрестят “фольклерно — многоэтажно”, если что-то не так. День за днём ты осваиваешь это нехитрое мастерство и уже не переживаешь, как в первый раз, услышав многоэтажный фольклор в твой адрес. Ко всему привыкаешь. А вечером всей ватагой гонишь на желанный стан во весь галоп, рассекая горячий летний ветер и полыхающую огнём зарю. А потом в балагане долго обсуждаешь с ребятами новости дня.

Один раз возили волокуши из самого болота, но вода в нём высохла. С кочек осоку скашивали и вывозили, чтоб план по сему выполнить. Я на кобыле ездил по кличке “Волга”. Умная лошадка была, хорошо бегала. Но худая, заезженная да изрубленная... Видно на середине болота между кочками не затянуло трясины травой. Вот моя “Волга” и провалилась в эту няшу. Я напугался, соскочил с лошади.

Старшим в звене был тогда Павлик Константинов, маленького роста мужик, но крепкий, накаченный, чернявый, похожий на татарчонка, тёртый в жизни мужик. (Уже побывавший в “зоне”. Он один фокус такой показывал, что все ахали от ужаса и удивления. Брал топор и с размаху ударял остриём лезвия по своему животу. Топор только отскакивал. Ничего себе фокус? А?) Недавно в районной газете читаю о происшествиях в деревнях. Того самого Павлика зарубил топором собственный сын. Вместе пили. И подрались... Тоже фокус получился... Но очень грустный...

...Провалилась моя “Волга” по самое брюхо. Её Павлик черенком от вил по голове и по хребту лупит, а она ворочает испуганным большим глазом, в котором отражается как в кривом зеркале мужик с огромными вилами с большущими кулаками и разинутой зубастой пастью - ртом. Матерится мужик, орёт, с размаху бьёт это беззащитное животное, а она не может ничего ни сказать, ни ответить, ни увернуться от удара. Только невыразимая боль в её большом чёрно-красном глазу... Наконец-то кто-то догадался распрячь лошадь да просунуть жердь под живот. Собралось много народу, подняли лошадь, вытянули из чёрно-коричневой жижи.

Почему-то я себя в это нынешнее жесткое время ощущаю вот такой же утонувшей лошадью... Сердце разрывается, а поделать ничего не могу...

СЛАДКИЕ ЯБЛОКИ

Мы с ребятами, военной и послевоенной безотцовщиной, эти яблочки от “сладких яблонь” первыми начинали пробовать. Дома-то не шибко каких сладостей видели. Только-только завяжутся яблочки, и мы их уже пробуем. Эти “сладкие яблони”, видимо, специально посадили в центре сада, а возле их вышку поставили. Там сторож день и ночь находился. Мы же, насмотревшись фильмов о войне, о партизанах, видя как они немцев отвлекают, тоже решили, разбившись на группы, заходить в сад с разных концов. Одна группа идёт на край и там шумит, будто рвёт яблоки. Сторож услышит и туда бежит. А вторая – в это время налетает на “сладкие яблони” и набивает карманы и за рубаху, зелёных, ещё горьковато-сладеньких небольших яблочек. Вокруг же все яблоки были такие кислые, аж глаза на лоб выворачивало. Потом они тоже вкусные станут, но это позже.

Сторож иногда сторожил сад с берданкой. Это такое ружьё-переломка, двадцать восьмого калибра. Как звезданет по ребятне солью. Не дай бог кому попадёт в зад – будешь весь день в пруду сидеть да соль растворять. А если Миша Шушарин – яростный повелитель порядка – на коне прихватит – не одобровать его кнута-плётки. Не жалел никого из ребятни. Жиганёт по спине, аж рубаха лопаётся. Пацан упадёт, заверещит от боли, а Миша до того злющий был, поймаёт пацана, вытряхнет яблоки из-под рубахи и давай их толкать ребёнку в рот. Чуть рот не разорвёт или не задушит. Витька В. это на себе испытал.

Но ничем не остановить братву от жажды романтических приключений; на всё готова пойти ради сладеньких яблочек.

Один раз я своего двоюродного брата Тольшу зачем-то с собой утянул в сад. Опять одна группа отвлекает, другая рвёт яблоки. Я попал с братишкой в команду, которая отвлекает. А на краю сада был березовый колочек, густо поросший шиповником и бояркой. Ребята, что пошли в середину сада, смотрят, с вышки никто не уходит, как мы там не шумим. Хоть и боятся, а всё равно подбираются поближе к “сладким яблоням”. Настолько приблизились, что стало видно этого “сторожа”! Им оказался сноп из травы, и будто с руками – тоже снопом, только привязанным поперёк. Этот «сторож» был подвешен на верёвке. Ветерок его покачивает, а издали кажется, что кто-то шевелится на вышке. Ребята довольны, что сторожа нет; а он, оказывается, спрятался в лесочке и подкараулил ребят, которые отвлекать пошли. Да как выскочит.

Мы в рассыпную. Я с братишкой замешкался. Схватил его за ручонку и за собой. Ему года четыре было. А сторож с вилами за нами. Вот страху-то натерпелись. Несусь всю прыть, да ташу за руку братишку, который до земли ногами не достаёт почти. По воздуху летит.

Вначале мы быстро от сторожа оторвались. Может со страху. Но сторож не попускался. Всё бежит за нами. Да вилами над головой грозит. Это было как в страшном сне, когда тебя преследуют бандиты, а ноги не слушаются, словно ватные стали. Бегу, а сил уже нет. Ребята увидели, что отстаём, подмогли, схватили брата за другую руку. Бежим, да оглядываемся, а сторож не отстаёт. Уже задыхаемся. Страх ещё сковывает. Километра три он за нами тянулся. Но старость сдалась первой. Мы убежали в далёкий лес, а домой этой дорогой боимся возвращаться. По лесам, да по лесам, такой круг дали, чтоб прийти домой с другой стороны. Уже темнеть начало. Родители не хватились нас, так как мы почти каждый день летом допоздна играли где-нибудь.

То в прятки по шишебаркам-репейникам, да по дурбетнику в крапиве, в конопле или лебеде прятались. Все изжалимся в крапиве, а сидим тихо. Пока глядящий уйдёт подальше, чтоб потом выскочить и наверняка застукаться. Летом долго светло. До двенадцати ночи бывало всё играли. Придешь домой, кружку молока с хлебом навернешь и спать мёртвым сном. Так убегаешься, что хоть из пушки пали, не разбудишь. А утром шанежек картовных или творожных с молоком намякаешься и опять бегать на целый день. То в овраги уберёмся. Там на ягодах – землянике и клубнике питаемся. Или луковицы саранок копаем, да камышинные шилышки едим или мучку – корень камыша. Или гранатник чистим да едим. Только его осторожно надо, чтоб губами не задеть, а то волдыри будут. Или за пучками уйдём, а там и наврезаем трубок из дедилек и наделаем брызгалок. Вот и брызгаем друг друга. То кислятку на угоре за “Кирпичным” ползаем едим, то ягоды какие-нибудь охобачиваем за обе щёки. То чеснок дикий ищем. Всяко место ели, лишь бы желудок набить. Всё вкусно казалось.

ПТИЦА — ОРЁЛ

Саманные молдаванские хаты не очень-то годились для сибирских морозов, но другого жилья у нас с мамой не было. И в землянке мы уже досыта нажились. Хотелось вылезти из земли, выпрямиться. Вздохнуть свежего воздуха, увидеть свет...

...Я часто забирался на тёсовую крышу нашего нового домика и сидел там, разглядывая с высоты молдаванские хаты, их дворы, скрытую за заборами жизнь. На чердаке у меня жили голуби. Поэтому я лазил на крышу каждый день, кормил их.

...Один раз мы с ребятами заприметили гнездо в лесу. На толстой сухой без вершины берёзе. В гнезде кто-то шевелился. Берёза была высокая, и ствол почти без сучков. Но я всё равно полез, воспользовавшись ремнём; так добрался до сучков. Что-то ребята загалдели и показывают руками вверх. Я оглянулся — к гнезду летела большая хищная птица с огромными крыльями. Я чуть не свалился от страха. Ребята стали кричать, свистеть, кидать в неё палками. И птица отлетела в сторону. Мне оставалось подняться на два-три сучка, чтобы запустить руку в гнездо. Боюсь, всё посматриваю по сторонам — где же та птица, а сам подбираюсь к гнезду. Поймал птенца за лапу и кинул его ребятам, чтоб ловили. Птенец расправил крылья и плавно спланировал. Ребята мигом его изловили, хоть он и попытался от них удрать вприпрыжку. Летать он ещё не умел.

Мы принесли птицу ко мне домой. Привязали верёвкой в огороде за ногу. Чем кормить-то тебя будем? Читал в книжке, что таких молодых птенцов можно было обучить охотиться на зайцев и лисиц. Мне так хотелось приручить этого орла, как мы его стали называть. Узнал, что орла надо кормить сырым мясом, чтобы он стал ручным. Где взять мяса? Сами-то мы мясо видим только зимой, когда курицу сварим. А орлу надо сырого мяса. И каждый день не по разу. Ребята придумали, что будут стрелять из рогаток по воробьям. Но попадания были очень редкими.

А орёлик наш пищит — есть просит. Клюв свой орлиный, крючкато-острый шерит, из которого острый маленький язычок торчит. Страшно! Аж мурашки по коже пробегают. Додумались пойти на зерносклад, где в соломенных крышах внутри сараев, мы частенько находили воробьиные гнёзда с яйцами или с птенцами. Принесли воробьят, и орёл стал глотать их целиком. На писк птенчиков взрослых воробьёв слете-

лась целая туча. Все верещат, а орёл — всех громче. Хоть уши затыкай. Кто-то из ребят начал отрубать воробьятам головы и мы этими безгласными частями стали кормить нашего повелителя-орла. Писку поуменьшилось.

Случилось в ту пору гостить у нас моей двоюродной сестрёнке из Свердловска. Она была лет на пять помладше нас. Городская. Воспитанная, не то, что мы — шалопаи деревенские. Белобрысая, худюшая, но ростом на равнее почти что с нами. Правда, мы её как бы и не видели и не слышали, хотя от себя и не гнали. Это потом, когда она подросла, то все мои друзья — и Лёнька Р. и Сашка Ш., и Пашка Ч. — все влюбились в её по уши. Тут уж она стала королевой и её право было выбирать...

А пока... Нам надо было что-нибудь придумать — чем же всё-таки кормить орла-обжору.

Увидев казни над воробьятами сестрёнка как закричит на нас, как наскочит, чуть не с кулаками: “Что же это вы делаете, изверги, проклятые! Да неужели вам, бесстыжим рокам, не жалко этих маленьких птенчиков! Вы слышите! — показывает она на кричащих на прясле воробьёв, — вы слышите! Нет? Как это их отцы и матери ревут — по своим птенцам, которых вы у них утащили! Да скармливаете этому идолищу проклятому! Утробе этой ненасытной, которая не жуёт их, а целиком глотает! Ну, не стыдно ли вам, оболтусы вы бессердечные! (Отцов-то у нас военных и послевоенных ребят никогда не бывало).

Мы опешили, не ожидали такого натиска от девчонки. Остановились. Это был не взрослый окрик, более менее привычный, а крик души ребёнка “малого”, увидевшего и понявшего раньше нас, что все наши затеи — выкормить одного орлёнка за счёт смертей многих других, малых птах — это просто-напросто убийство. Дошло ли это до нас тогда? Видно, дошло. Мы прекратили продолжать это кровавое месиво... А птице-орлу всё мало, всё не насытится никак и разевает свою хищную пасть да пищит устрашающе.

Очумев от шума, криков и крови, ребята будто очнулись и стали нехотя расходиться по домам. Каждый придумал свою причину. Кому надо дрова колоть, кому воду таскать.

И я полез на крышу к своим голубям сизокрылым, вспомнил о них наконец-то... Что голубей мне надо накормить. Вечером подзывает меня мама и говорит:

— Лёня, ты снеси эту большую птицу в лес. Нам не надо её. Нельзя её держать дома. Может беда приключится... Она закричит по-своему, а её отец с матерью прилетят сюда и тебя могут утащить вместо этого

птенца... Они же большие – эвон какие у них крылья-то. И сильные шибко. Чтоб счас же снёс. Понял? А то я сама стащу.

Что делать? Вздохнул я глубоко. Надо в лес орла тащить. Да отпустить. Замотал его в большую тряпку. Понёс. Иду и оглядываюсь. А если и вправду он сейчас громко запищит? Как прилетят большущие птицы-орлы.

Внушение матери подействовало. Солнышко уже село.

Несу орла в ближайший лес, за песочные ямы, где кладбище виднеется. Не доходя до леса, отпускаю птенца. Он подскочит, да подлетит немного. Уже лучше стал летать. Посмотрит на меня и как-то боком, боком заулепётывает. Насиделся на привязи.

Где он сейчас? Выжил ли?

ОБЛАКА – МОНСТРЫ

На следующее лето, когда у нашей курицы-паруньи появились жёлтенькие цыплятки, то высоко в небе обязательно начинала кружить большая хищная птица. Орёл или коршун. Мы их называли мышеловками. Я любил залезать на тёсовую крышу нашего саманного домика и, приложив руку ко лбу, наблюдать за парением этой, с огромными крыльями, птицей. Петух тут же гортанно кричал об опасности. Куры разбегались. И парунья уводила цыплят под сарай, упрятав их под своими крылышками. Птица всё кружила и кружила, на фоне синеющих кудлатых облаков. Мне казалось, что это была та птица-орёл, которую я пытался приручить, чтоб охотиться с ней на зайцев и лисиц. И вот она, встав на крыло, и прилетев с юга, кружила и кружила надо мною, может быть, узнав знакомые места. Птица то улетала, то снова прилетала и кругами парила в свободном полёте. Однажды я помахал ей рукою, и она стала, кажется, круг за кругом приближаться к нашему огороду. Но раздался выстрел... (Рядом с нами жил охотник). И птица рухнула к его ногам. Я видел сквозь слёзы, как он победоносно поднял её окровавленное тело и растянул крылья. Их размах был шире человеческих рук. Довольный охотник приколотил эти крылья к деревянной поперечине, распял орла на кресте и выставил у себя на огороде для устрашения... Всем высоко и свободно парящим в небе...

С тех пор я с грустью сидел на крыше и смотрел только на облака. Мне чудилось, что иные летние кучевые облака бывают очень похожи

на страшного старика с большой кудрявой бородой. (Это было то время, когда наша страна стала обладателем устрашающего, опустошающего и разрушающего все оружия... В то же самое время и случилась авария на “Маяке” под Челябинском. И вся атомная отравка пришла в р. Течу, а из неё в нашу речку Исеть...).

Порой июльские облака выглядели вполне мирно и только к вечеру они начинали напряжённо алеть грозовой синевою. Я любил наблюдать за этими облаками-чудищами. Они были все такие разные: то напоминали морды собак-бульдогов, то какие-то огромно-бородатые карлики сердито ссорились между собой, то драконы какие-то доисторические выползали на свет божий... И другие страшные звери грезилась...

Как-то мы с мамой идём к бабе Дуне через огороды. Картошка уже зацвела бело малиновыми райскими цветами. А по небу громоздятся синие тучи и ярко выделяются кучевые огромно-тревожные облака. Я глянул на небо, а там такие два великана шевелятся едва-едва и готовятся к схватке друг с другом... Ссорятся. Вверху громыгнуло, тучи сгустились... Я показываю маме и говорю, что вон они опять появились. Сейчас драться начнут.

Иногда я даже ночью от этих видений просыпался и в страхе дрожал и кричал, махал руками, стараясь защищаться от этих надвигающихся зловредных великанов-облаков. Мама тоже испугалась за меня. Я рассказал ей, что я долго наблюдал за небесными чудищами. Видимо, фантазия моя до того разыгралась, что я поверил в жизненность этих облаков-монстров. И они продолжали меня мучить во сне.

Мама повела меня к бабушке, которая умела “ладить” детей от испуга – к Шуплецовой Наталье. Лечила она и от сглазу, и от анурезу и других болезней, кои наши учёные врачи не признавали. Привела меня мама к бабушке, посадила на табурет поближе к красному углу, под иконы. Бабушка достала из печи воды с угольками, пошептала молитву и ещё что-то, перекрестила и побрызгала на меня этой водичкой. И мне легче стало. Сразу стал спать спокойно. Перестал кричать ночами и вскакивать в страхе.

Облака превратились в обыкновенные белые безобидные куски ваты, плывущие в голубом безбрежном просторе. Они меня почему-то перестали интересовать и волновать. Так я постепенно разучился и отвык смотреть на небо.

Поступил в техникум, зубрил технические науки. Учился хорошо. Всегда на стипендию сдавал, то есть на четвёрки и пятёрки. Отслужил в армии.

И, кажется, лишился в своей душе чего существенного, то есть самого себя, что ли... Может моей неуёмной фантазии? То есть бабушка Наталья вернула меня с небес на грешную землю...

И когда я стал жить в Свердловске, то полюбил ходить на выставки художников, которые рисуют природу. Меня это сильно взволновало, я вспомнил детство. И тоже начал учиться рисовать. Сначала в изостудии, потом в институте; мне нравилось до самозабвения рисовать небо, землю и цветы... Так я стал художником. Значит, полностью меня "отключить" всё-таки не удалось. Техническую специальность пришлось забросить, страсть к рисованию победила.

В армии, я снова заскучал по небесам, так как я служил в ПВО и охранял небо. Порой я даже грущу теперь, что мне перестали грезиться те фантастические виденья-облака. Но и полностью земным и практичным я всё-таки не стал. Так витаю всю свою жизнь между небом и землёю – во взвешенном и неприкаянном состоянии...

Но с тех пор, как я стал художником, я уже никогда не расстаюсь с небесными фантазиями, которые я люблю наблюдать в любое время года. Облака в моих картинах несут очень эмоциональную нагрузку. Окрашивают пейзаж то лирической гаммой, то наполнены движением и драматизмом времени...

...Видимо, до конца дней моих мне не расстаться со своими видениями. Каких только зверей там нет: и фантастических, и вполне реальных, земных. И собаки, и медведи. А сколько разных людей там! И старики бородатые – то ли божеества какие, то ли ангелы, то ли апостолы. В последний раз я видел такого огромного Бога в обличии древнего старца – пророка в 1992 году, стоя на волнорезе черноморского побережья Кавказа. В Адлере. Во время шторма в феврале месяце небо низко-низко громоздились огромные сизо-чёрные тучи... Морем хлестало о волнорез, обдавая солёными брызгами. Гудел шторм, яростно с чем-то не оглашаясь. С грохотом ударялись волны о неприступный бетон. Белая пена разлеталась водяной солёной пылью. По небу тяжело ползли бесконечные тучи.

Я стоял и смотрел на небо, а сердце сжималось от щемящего одиночества. Я просил Всевышнего о милости...

Тут я увидел этого старца...

Хмурого, сердитого. Я не отрываясь смотрел и смотрел на него пока он не уплыл и не истаял у горизонта, будто погрузился в морскую пучину возле Кавказских гор.

Это, видимо, его сердитая энергия налетала на берег морской волной, гремя гальками, хлётко ударяясь о бетонный волнорез. Море кипело и негодовало на весь белый свет. Правители готовили против народов Кавказа очередную зачистку...

ОБЩЕНИЕ С НЕБЕСАМИ

После того как мама сводила меня в детстве к бабушке несколько раз, а та, пошептав, опрыснула меня водой, облака в виде разных великанов и огромных фантастических зверей стали совсем нестрашными. С тех пор я подолгу рассматриваю их, сидя на крыше своего саманного домика. И забросил эти занятия совсем, когда поступил в Шадринский автомеханический техникум. Не до этого стало. Надо было много и упорно учить по разным предметам. Там мы изучали больше технические науки. Там места божеествам не оставалось. Учились мы в бывшей Николаевской церкви (теперь действующая церковь, в которую иногда захожу и ставлю свечку Богоматери).

Приходила весна, а с ней и сессия – надо было готовиться к экзаменам и сдавать всякие науки: электротехнику с физикой, высшую математику с тригонометрией, сопромат с механикой, металлорежущие станки с технологией инструментального производства и многое другое. На литературу и историю внимания почти не обращали.

Мы с ребятами из "общаги" (общезитие во дворе техникума) заберёмся на колокольню с учебниками и конспектами. Всё честь по чести. Думаем, что будем учить уроки...

(...Хрущёв развенчал культ личности Сталина. Клич – на целину! На ударные стройки Сибири! Страна сдвинулась с оседлого образа жизни. Молодёжь едет искать романтику и лучшую долю...

Никто не хотел оставаться в деревне.)

Жизнь для нас только начиналась. Мы были бессовестно невежественны и глупы от своей молодости. Ничего не знали и знать не хотели. Свобода для нас означала возможность быть одетыми по моде. Это узкие брюки, которые мы сами перешивали. Клетчатые пиджаки и полуботинки на платформе. Да ещё галстучек – какой поцветастей и ещё лучше, если с пальмами... Или пластмассовый, на резиночке. И, конечно, танцы под джазовую музыку, от которой мы просто балдели.

Джамбул Джабаев
Стилягой стал.
Свою бандуру
На сакс сменял.

Пели мы под аккорды гитары популярную тогда частушку. Мы по несколько раз ходили на иностранные фильмы в клуб “Красный пимокат”. Особенно на американские. Такие как “Серенада солнечной долины”.

В техникуме была своя джаз-банда – эстрадный оркестр. Квартет или октет. Гитара бас, гитара соло, ударник и аккордеон (Саксофона не было). На вечерах отдыха по субботам танцевали под музыку оркестра или под самодельно записанную на рентгеновских плёнках джазовую музыку. Изгибались и дёргались в такт джазовым негритянским ритмам. Провожали девчонок до дому. Дрались из-за них с городскими.

Бомбы рвутся в штате Невада,
Бомбы рвутся под землёй,
Негр кричит: “Войны не надо!”
“Войны не надо!” — кричит ковбой.

Это были шестидесятые годы...

Гитарные аккорды, бряканье ладонями по столу в “общаге” техникума (в подвале), да хрипло-звериные вопли в такт мелодии заменяли нам порой целые джазовые оркестры. Мы сами себе были оркестром-исполнителем и слушателем одновременно.

Ко всему этому мы любили свою учёбу, отдавались ей честно и самозабвенно. Готовились к экзаменам всегда группой. Проверяли и перепроверяли друг друга, чтоб знать все вопросы по билетам, чтоб сдать на стипендию наверняка. Матери, конечно, помогали, чем могли, то продуктами, то деньгами. Но сдать на стипендию – это была наша честь.

Сидим мы на колокольне, отложили пока конспекты в сторону. Науки нам пока не идут в голову. Сначала полюбуемся, поглазеем с верхотуры на панораму Шадринска. С колокольни открываются чудесные виды на окрестные пейзажи, на Исеть с лугами-рёлками, с полями и пашнями, с берёзовыми перелесками да дальними деревеньками – откуда мы родом, где остались наши друзья детства, наши родители, наши родимые места и наш отчий дом. Повздыхаем, повспоминаем, да за науки примемся.

— С Богом! — как бы сказала моя мама...

Один раз сидим на колокольне, под вечер уже. Тучи надвигаться ста-

ли. Синие-пресиние. Аж до черноты. И громыхать начало. Но мы сидим. Не слезаем. Потемнело. Всё ближе раскаты громыхают. Засверкало уже вокруг колокольни. Мы будто ошалели от этого наэлектризованного воздуха или от счастья быть молодым, или от этого пронзающего и очищающего тебя небесного света. И как расколется почти над самой головой, как даст, даст, что аж присядешь от страха. Так бабахнет, что думаешь – ну всё, сейчас при следующем ударе колокольня развалится.

Мы что-то кричим друг другу, но наши голоса растворяются и тают в этом чёрном, распоротом молниями небе, в этом грохочущем мире, в этом шуме беспросветного ливня, в этом чуде и аде...

Серьёзный был тогда разговор у Всевышнего с нами юнцами – антихристами, безбожниками. Он попытался нас вразумить своей величественно-божественной стихией. Только мы этого тогда так и не поняли. Может просто не хотели ничего понимать. Мы были запрограммированы... На молодость... Мы хотели стать хозяевами своего положения. И не сдавались. Поговорили на равных...

...Шла хрущёвская оттепель. Народ немного воспрянул духом. Но не надолго. Система оставалась прежней...

САПОГИ СТАЛИНА

Днём в общежитии техникума никого не найдёшь. Все на занятиях. Зато вечером – настоящий шалман был:

И фиксы блеск
И чёлки воровские
Нахально сдвинуты
На блудные глаза...

Где всё перемешалось – и город, и деревни, и блатные “ботающие по фене” и поклонники иностранщины – клифтов, джаза, музыки на рентгеновской плёнке-рёбрах.

В шестидесятых, при Хрущёве, начались амнистии. В городе процветала приблатнённо-уркагановская мода на поведение, на песни, на одежду. Носили кепки восьмиклинки с козырьком в один палец, а наверху пипочка-нахлебничек. Полупальто-москвичка из верхней одежды. На ногах сапоги, большие кирзовые. У самых модных – хромачи, но не гармошкой, а с прямыми голенищами.

Приходили с занятий и падали на свою кровать прямо в сапогах –

это считалось верхом независимости и шика, хотя за это могли выгнать из общежития, если увидит кто-нибудь из больших шишек – комендант или сам “АХЧ”.

Самым любимым инструментом конечно была гитара. Не было человека, который бы не научился на ней бренчать хоть одну песенку. Я тоже пытался брать несколько аккордов, но не на слух, а по памяти — запомнил куда надо ставить пальцы и напевал иногда:

Оля сорвёт василёк,
Низко головку наклонит.
Милай, смотри василёк
Твой поплывёт, мой потонёт...

Или вот другую:

Еду я в вагоне мягком,
Кондуктор нажми на тормоза,
Я к маменьке родной,
С последним приветом
Спешу показаться на глаза.

Вот на таком фольклоре мы и воспитывались. Нетрудно догадаться, что из этого получалось. Каков духовно-культурный уровень специалиста среднего звена. Книжек художественных почти никто не читал, за редким исключением. Разве что Лёха С. И Витя К. У Лёхи была большая голова, но сплюснутая с боков. Его звали “полтора затылка” вначале, а потом приклеилась кличка “Кузя”. А Витю звали “Васей”. Может потому, что он всегда вращался в кругу девчонок. Вечерами любили ходить в столовку финансового техникума (сейчас физкультурный колледж), там были самые дешёвые обеды. За тридцать копеек можно было взять полпорции супа, котлету и компот. Это был очень приличный обед. Так питались только очень денежные ребята, у кого родители были “шишками”. А кто сидел часто “на мели”, то обычно довольствовались кабачковой икрой по сорок две копейки, или селёдкой с булкой хлеба по шестнадцать копеек. Такого обеда хватало на три-четыре человека. “Общага” находилась в подвале. А наверху учебные аудитории. В комнате стояло двенадцать синих кроватей с коричневой тумбочкой на двоих. И длинный коричневый стол. На нём зелёный чайник с водой.

В окна мы видели только ноги прохожих. Потолок доставали рукой. Висело две лампочки. Вот и вся немудрёная обстановка. Да ещё коричневый шкаф для пальто. Булку с кабачковой икрой съедали мигом, запивая водой из рожка чайника по очереди. При виде хлеба народу

присоседиться “на халяву” прибегало много. Особенно нагтели парни старших курсов. Вначале мы пытались привозить продукты из дома. Но это всё моментально расхватывалось и разлеталось. Такую ораву никогда и никому не накормить. Было три комнаты – вот тебе сорок восемь человек. Вечером такой гам стоит, друг друга не слышно. Да и светили лампочки тускло. Наверное ватт по сорок были. Поэтому мы, первокурсники, решившие учиться добросовестно, то есть сдавать на четвёрки и пятёрки, чтобы получать стипендию, брали конспекты и уходили учить уроки куда-нибудь в свободную аудиторию. Одной и той же компанией.

Два окна в нашей комнате выходили в сад между зданиями. В центре его стояла на пьедестале скульптура Сталина в рост, выкрашенная серебрянкой.

По весне яблони благоухали, дурманя и так дурные головы наши. На танцах в общежитском коридоре знакомились с девчонками с младших курсов. Танцевали под радиолу, на которой крутились рентгеновские плёнки с записями фокстротов и танго. Вальсы почти никто не умел танцевать, кроме опять же “Васи”. Он один летал по коридору с кем-нибудь из девчонок и блаженствовал.

Проскакивала весна. Приходило лето. На “носу” была сессия, сдача экзаменов. Но мы выбирали иногда тёплый денёк, чтоб поваляться на тёплой траве, позагорать на речке Исети пёстрой и шумной ватагой, подышать свежим воздухом. Пройдя по деревянному мосту с гитарой, конспектами под мышкой, мы располагались где-нибудь отдельной группой и загорали, и купались. Тетради лежали рядом нераскрытыми до самого вечера.

Прошла уже авария на Челябинском “чернобыле” (то есть на “Маяке”), но нам об этом не говорили. Все горожане тоже купались, загорали. Мы ловили раков, жарили их на костре, ели. Один раз у тех ребят, которые родом с речки Теча проверяли кровь. Почему это делали, тоже не говорили. У некоторых ребят во время занятий кружилась голова, но фельдшер объясняла это переутомлением от занятий или от недоедания. И мы верили им. Мы были молоды, глупы, полны оптимизма, что жизнь прекрасна, что молодость вечна. Влюблялись и терзались от безответной любви. В тёплые весенние ночи простаивали в благоухающем саду до самого утра.

Один раз услышали рокот и дребезжание стёкол. Выглянули в сад и обомлели - рабочие обвязывают туловище Сталина стальным тросом.

Думаем – что же натворил он, вроде не буянил, стоял мирно, никому не мешая, даже влюблённым. Но всё равно мы его стеснялись почему-то. Он будто бы подсматривал за нами. Не делаем ли мы чего предосудительного, запретного. Как наши перволюди – Адам с Евой... В то время такой дикой пропаганды секса не было, но мы, семнадцатилетние, знали всё... И откуда дети появляются. Поэтому на всякий случай прятались от взгляда Иосифа Виссарионовича куда-нибудь в уголок погуще и потемнее.

В этот раз мы во все глаза удивлялись такому вандальному и решительно бессмертному поступку работяг. Обмотав Сталина и прицепив трос к огромному трактору С—100 (Сталинец—100, наверное, мощностью сто лошадиных сил) рабочие махнули рукой. Трос натянулся, Сталин заскрипел (но не зубами), затрещал его китель – бетонный, посыпалась серебряная краска с его усов. Связанные руки были беспомощны сопротивляться. Трактор ещё поднапрягся и монумент с грохотом рухнул на землю. Утащил волоком трактор “Сталинец” товарища Сталина. Осталась глубокая борозда... Белый яблоневый сад продолжал цвести и источать ароматы. Посреди сада, на пьедестале, ещё долго торчали сапоги Сталина...

Вечером к нам в комнату прибежали девчонки из женского общежития, окна которого тоже выходили в этот сад. Ребята чаще ходили в гости к ним через окна, а они на это не решались. Объявили, что будет проверка чистоты самим “АХЧ”! А не какой-то там комиссией из девчонок. Хотя и эти девчонки были не в меру придиричивы и не уступали “АХЧ” ни в чём. Эти же девчонки и оповестили нас. Мы начали мыть полы, вытирать пыль, заправлять кровати, расставлять тумбочки. Чтоб всё было как по линейке. Иначе достанется всем. Особенно дежурному по комнате.

“АХЧ” вкатывался в комнату первым, руки за спиной. За ним толстушая в два обхвата баба – комендант. Мы рассаживались вдоль стола и раскрывали учебники, искоса наблюдая за происходящим. Он пошевеливал маленькими волосистыми кистями рук с цепкими, холёными пальчиками, с аккуратно заточенными ногтями-коготками. Приказывал дежурному кивком головы открыть тумбочку, сощуривал глаза. И не находя за что бы зацепиться, начинал нервничать. У него краснело круглое лицо. Щёки ещё сильнее свешивались на воротник кителя. А если смотреть на него с затылка, то щёки казались двумя гениталиями породистого быка, подвешенными к ушам. Мы с ребятами знали об этом и всегда не могли сдержаться от смеха, затыкали себе рот ладонями.

В “общагу” он приходил чаще в гимнастёрке, а не в парадном френче. Подпоясанный широким офицерским ремнём, сзади “АХЧ” был похож со своим широким задом на толстую бабу в платье, потому что галифе почти не было видно. Из-под гимнастёрки торчали коротенькие кривоватые ноги в хромачах гармошкой.

Он долго искал карман галифе под гимнастёркой и доставал чистый носовой платок. Начиналось самое страшное. Все знали об этой его прихоти и придури. Вылизывали пыль везде. Но он находил каждый раз новые места, где пыль была.

Дежурный прощался с общежитием. Или родители “провинившегося” “АХЧ” как-то умасливали и паренёк оставался ещё на неопределённый срок пожить в общежитии.

Так “АХЧ” готовил место своему новому жильцу, у которого родители что-то могли или занимали важный пост...

“АХЧ”

Кто-то из литераторов говорил, что все они вышли из гоголевской “Шинели”... А про всех нас советских - можно сказать твёрдо, что мы вышли из “сталинской шинели”, а если ещё точнее, то пока что пытаемся вылезти из-под “сталинских сапог”...

...Он всегда был одет в китель цвета “хаки” сталинского покроя. Ворот едва сходил на его толстой шее, но всегда был застёгнут наглухо, отчего с гладко подстриженного шишковатого затылка на воротник свешивались розовые и жирные складки кожи. На шарообразном пузе, будто он был на сносках, сверкали золотисто-надраенные пуговицы. На коротких поросычьих ножках то синие, то зелёные брюки-галифе, в начищенных до блеска сапогах гармошкой. Личико кругленькое, красненькое. Как сказал бы нынешний артист-сатирик Михаил Евдокимов – “Морда красная, такая...”. На голове матерчатая фуражка тоже по военному покроя, одного цвета с кителем, только козырёк не блестящий, а обшит материей. А рук будто и нет – одно пузатенькое туловище. Сам малюсенький, чуть больше карлика или лилипута и катится как колобок из сказки...

Глазки узенькие, заплывшие, близко расположенные к переносью и смотрят то режуще стальным холодком, то хитро ухмыляющимся добродушием, но с надменностью... Носик маленький, вздёрнутый и не

видно его совсем, будто состоит из одних дырочек. Щёчки лоснящиеся, чуть не лопающиеся. Губки – узенькие ниточки с приподнятыми вверх уголками. Он не ходил, а мелко переставлял ножками, перекатывался шариком.

Когда я поступил в техникум, то стал обивать пороги руководства, чтоб мне дали общежитие. Меня направили к заму. Перед кожаной дверью я в недоумении остановился, прочитав надпись на ней – АХЧ. Открыв дверь я увидел красную физиономию без признаков шеи, насаженную на серо-зелёное паукообразное тулово, держащееся за ярко-зелёное сукно объёмистого стола с блестящим на нём стеклом.

Я объяснил цель своего прихода. Он долго и витиевато выспрашивал меня, где и кем работает моя мать. Я ответил, что в совхозе им. Будённого, выращивает свиней. Он начал мне толковать что-то про поросят. Но я тогда так и не понял – куда он клонил. Никаких намёков не дотункал. Деревня... А только сейчас, почти через сорок лет дошло, чего ему было нужно от меня. Как теперь выражаются – простимулировать его нужно было. То он всё тянул резину и тянул с общежитием. То завтра приди, то через неделю. Полгода, наверное не давал мне общежития. А я так и не понял... Он, видимо, тоже видит, что от меня, дундука непонятливого, ничего не добиться. Махнул рукой и подписал моё заявление. Но открытым текстом всё-таки побоялся высказать своё вымогательство. Так я поселился в “общагу”. А другие ребята, как “Мухаммед” или Частных с Коростелёвым и Самыловым сразу получили общежитие. У “Мухаммеда” мать в Канахах в сельсовете работала, у Коростелёва с Самыловым отцы в председателях, а Частный – этот самый смыслённый парень был у нас в группе. Сразу лаборантом сделался по физике. А после окончания техникума работал на заводе в Хабаровске, где быстро в парторги пролез. Рано понял, как жить надо...

Партократы и теперь, при капитализме, не растерялись. Многие у власти остались да у кормушки...

ЦВЕЛА ЧЕРЁМУХА

Переехав из землянки в саманный молдаванский домик, мы с мамой посадили под окнами черёмуху и яблоньку, да две бухарских вишни, на которых бывали крупные бордовые ягодки. Яблоки были хоть и не большие, но ярко-красные и вкусные.

Кустик черёмухи выкопали в лесу. Цвету вначале было немного, но соцветия были крупные. По весне заблагоухают аж голова кругом. С каждым годом всё пышнее и пышнее цвела наша черёмуха.

Я заканчивал техникум.

Как-то мы, послевоенная безотцовщина, собрались у одного нашего дружка отмечать Первомай. Тогда все советские праздники обязательно отмечали компанией. Родители – своей компанией. И мы – пацаны – тоже решили отметить своей. Собрались. Кто бражки принёс, кто бутылку вина. Девчонок мы тогда ещё не приглашали. Стеснялись их вроде. Собрались в бараке у одного из друзей. Длинный коридор, а направо и налево – комнатухи, где жили одинокие свинарки. В комнатах обычно стоял стол, кровать и каминчик сложен. Собралось нас человек шесть-семь, нажарили картошки. Только приготовились в стаканы наливать, стучится к нам кто-то. Это оказалась молодая женщина. Она напротив жила. И одинокая...

Ой, мальчики, как у вас хорошо! – Хоть бы меня пригласили, – посмеивается она, покуривая тоненькую папироску “Прибоа”.

— Слушай, Соня, а что, давай приходи к нам! – говорит хозяин квартиры. – Если у тебя ничего не намечается”, – а сам ухмыляется и подмигивает ей.

— Я что пришла-то. Дай-ка мне, Толик, пару луковичек. Потом отдам.

— Да брось ты. На. Давай, приходи!

— Ладно, подумаю, – уже в дверях отвечает она.

— А она ничего, а? – потирает один из нас, хлопнув в ладоши, будто большой специалист по женской части. А сам, наверное, ещё ни разу в жизни не целовал ни одной девчонки. Мы улыбаемся. Вроде всё понимаем, на что он намекает...

Через несколько минут опять появляется наша соседка в нарядном платье. Красивая...Притягательная...Она несёт в двух алюминиевых чашках закуску: винегрет и студень. Комната наполняется запахом дешёвых духов, щекочущих наше юношеское воображение.

— У-у-у, - гудим мы в голос. Довольные. Убегает ещё на секунду и заходит с бутылкой вина.

— Тебя, Соня, сейчас поцеловать или потом, - подкатывает к ней хозяин комнаты.

Можно потом, - поддерживает она, подёргивая плечиками. Но будто тут же передумав, отвечает: “Ладно, Толик, давай сейчас!” - и подставляет щёчку. Толян от неожиданности немножко опешил. Смущённо вытянул губы и едва прикоснулся губами к женской щеке... Соня подошла к столу.

— Ну-ка, мальчики, потеснитесь, — и раздвинув наши юношеские костистые плечи, стала садиться в середину между мной и Вовиком. У меня от прикосновения женского тела кровь прилила к лицу. Будто током обожгло. Я не помню, как мы пили вино, играли в карты. Меня жгло это жаркое тело, как железная печка-буржуйка. На которой в землянке мы с ребятами пекли резаные ломтиками картофельные печёнки. Тем более, когда Соня подвыпила, она стала запросто обнимать нас, товарищески. Мы для неё были ещё пацаны. Нам где-то по 15-17 лет было, а ей около тридцати. Как она заразительно смеялась. Её тело дышало жаром, окутывая нас какой-то необъяснимой вязкой паутиной. Она-то знала это... А мы, чуть захмелевшие от выпитого ещё сильнее хмелели от этих искристых глаз и милой улыбки, от её жара и свободы. С нами так запросто обращались впервые...

— Ну, что вы за мужики! — Ещё сильнее разжигая страсти, говорила Соня. — Ну хоть кто-нибудь меня обнял бы, а? А то сидите как железные! Не додумаетесь.

И она брала чью-нибудь руку, рядом сидящего, и запросто клала себе на бедро.

— Вот так! Вот молодец! И покрепче держись! Чтоб я никуда не убежала! А то обижусь на вас. И пойду искать кого-нибудь посмелее!

А мы сидим рядом с нею, потеем. Пот чуть с носа не капает. Но руку не убираем. Хотим выглядеть мужчинами.

— Ну всё, мальчики! Хватит сидеть! Состаримся когда, тогда и наиграемся в карты! Давайте-ка лучше в “офанаса” поиграем! Пойдёмте ко мне. Здесь стол оставим, не будем убирать. А мы не были против. В “офанаса” так в “офанаса”. Пацаны и есть пацаны — лишь бы во что-нибудь поиграть. Одному завязали глаза платком и он стал ловить нас. Визгу, шуму стало. На весь барак. Вот это был праздник. Впервые такой шумный, весёлый.

А вместо одной Сони, как-будто бы стало пять... То тут она, то там. И никак её не поймаешь. Каждый галящий обязательно старался только её поймать. Осмелели. Подвыпили, да ещё глаза завязаны. Не стыдно. И огромное желание поймать Соню, хотя бы дотронуться до её упругого тела. Но она увёртывалась, взвизгивала, когда до неё дотрагивались.

Бывали и счастливые секунды, когда удавалось поймать Соню. Приходилось её крепко-крепко держать, иначе она тут же вырывалась. А чтобы удержать, прижимаешь её так, что аж разгорячённое тело вибрирует всё, пытаясь высвободиться. Это что-то было неопишемое. Каждая клеточка твоего тела трепетала от какого-то ещё неизведанного ранее чувства близости женщины. Твоё тело вспыхивало от её тела как спичка. А когда развязывали тебе глаза — то ты не знал куда девать свой взгляд... И руки ещё долго дрожали...

Было раннее весеннее утро. Пышно цвела черёмуха, дурманя ароматом своим. Через два года, когда меня провожали в армию, также собирались у нас. Под черёмухой. Уже с девчонками. Играла радиола. Мы танцевали, прижимаясь к своим девчонкам. Я провожал Аннушку. Возле её дома остановились Она пригласила меня домой. Родителей не было дома. Я не решился. Мне нравилась другая девчонка. Так и распрощались мы с ней...

Теперь часто встречаемся в городе. Она уже бабушка. Няничит внуков. Улыбаемся заговорщицки, вспоминая тот вечер.

“Нельзя, нельзя черёмуху зелёную ломать...”

Нельзя, нельзя девчоночку несватаную брать...

Не сватану, не венчану, не обручённую...”

Вспомнил я любимую песню, которую пела моя мама.

ГАРМОНИСТ

У нас под окнами пышно цвела в тот год черёмуха. Подошла и мне пора в армии послужить. Проводины решили сделать под черёмухой. Поставили стол, скамейки.

...В этот вечер я провожал до дому Аннушку. Остановились на мостике через лог...

Ручеёчки протекали
Через мосточки малые
Я последний раз целую
Аню в губки алые.

...На следующий день вся моя родня и знакомые пошли провожать меня. (После окончания Шадринского автомеханического техникума меня направили работать в город Комсомольск-на-Амуре. Оттуда меня и в армию забрали). Я прилетел в родные края в отпуск и попрощаться перед уходом в армию. Сегодня меня провожали в солдаты. Шли по деревне большой ватагой, обнявшись. Кто с кем. Родные, друзья. Гармонь ревела...Раздирала душу на части... Аж мороз по коже. Пели всякие частушки.

Скоро, скоро нас забреют.
Скоро, скоро увезут.
По шинелочке наденут,
По винтовочке дадут.

Эх, матаня, встань поране,
Вымой лавочку с песком.
Повезут меня в солдаты,
Ты заплачешь голоском...

Эх, матаня, ты кудерек,
Я не сам тебя завлѣк.
Эх, ты ко мне ластилася,
Рядышком садилася...

Гармониста я любила,
Гармониста тешила,
Гармонисту на плечо
Сама гармошку вешала...

Под гармонь пели все: друзья, подружки, знакомые.

Всё это видение всплыло в моей памяти недавно, когда я услышал, как играла гармонь в центре города. На базаре. Где теперь торгуют с лотков современные бизнесмены. Я увидел гармониста в ярко-красной клетчатой рубаше. Черные брюки заправлены в короткие резиновые сапоги. Он был чуть под хмельком. И как он ловко разворачивал малиновые меха! Залюбуешься! Короткие, отрывистые, звонкие переборы бередили душу своей откровенно-надрывной интонацией. Будто человек стоит на самом краю пропасти. Ещё миг – и он сорвется... Но он идёт, ничего не замечает, будто слепой. И играет на своей гармонии...

Такое состояние рождает гармонная игра, аж холодный озноб пробегает по спине. Гармонист играет “Улочную”. Потом её окрестили “хулиганской”. Даже запрещали играть... Или называли её ещё по номеру статьи в уголовном кодексе “шестьдесят четвёртая”, которую за хулиганку давали.

— Давай шестьдесят четвёртую! – забурев в загуле, просил тот или иной пьяный мужик. – Под котору рубахи-те рвут!

— А ну-ка, давай поздёрни, друг!

И гармонист разворачивал меха на полную мощность. А гармонь, кажется, задыхалась от невысказанной боли и тоски. Ревела почти человеческим голосом...

Пьяный мужик хрипло взывал:

— У-у-у, мать твою, перемать... И скрежетал зубами. И размазывал по лицу сами собой навернувшиеся слёзы. А бывало под эту игру дрались, рвали на себе и друг на друге рубахи, под неё напрашивались непрошенные, скрываемые в трезвом состоянии в глубине души слёзы...

Эх, сороковочку на стол,
Забегат милиция,
Если будете стрелять.
Откроется позиция.

Я недавно из Кабанья.
Хулиган молоденький.
Засажу по рукоятку
Свой кинжалчик новенький.

Эх, где мои семнадцать лет,

Куда они девались.
В исправдоме я сидел
Наверно там остались.

Скоро я не запою,
Скоро не услышите,
Скоро здесь меня не будет
Тяжело завздышите...

...Гармонист, высокий сухопарый мужчина лет пятидесяти с гаком, шёл вдоль базара. То к одной группе людей подойдёт, то к другой, развернёт меха. Взревёт гармошка трепетно-тревожным аккордом, как задыхается... Да только зря он старается. Нет ему понимания. Нет поддержки. Нет уважения... Все почему-то отворачиваются от него. Не хотят послушать да подпеть. Не говоря уже о том, чтобы сплясать под эту неугомонную залихватскую мелодию. Как ни старался гармонист, как надрывно не плакала его гармошка, всё было без толку. Никому он был не нужен со своей русской буйно-отчаянной душой...

И брёл он среди праздношатающей толпы молодых людей, никому не нужный...

...Нет, нашёлся-таки один человек. Наконец-то встретил он родственную душу. Это был инвалид. Лицо серо-землистое, кудрявая взлохмаченная голова. Правый пустой рукав был засунут под ремень сереньких, мятых с заплатами брюк. Увидев гармониста, он широко заулыбался, шустро подкатил в своих стоптанных башмаках. Оживлённо и быстро задвигался возле гармониста в такт плясовой мелодии. Гармошка с болью вздохнула, увидев это серое, кущее, похожее на человека, привидение среди ярко разряженного люда в иностранных шмотках и, набирая темп, запричитала будто, заревела, запела русскую плясовую.

Инвалид резко заприплясывал под эту безудержную музыку, под которую ноги сами просятся в круг, захолапывал единственной левой рукой по коленку с заплатой...

Гармонист, гармонист,
В кухне поварёшка.
Не бывать тебе на моде
Кабы не гармошка.

Запел инвалид, кругами обхаживая и приплясывая вокруг гармониста. Их брезгливо обходили. Иные просто не обращали внимания, как будто этих людей для них совсем не существовало. Другие, наоборот —

с какой-то даже самодовольно-сытой ухмылкой, одетые в “кожу”, считали ниже своего достоинства останавливаться и слушать, обращать на них внимание. Шли с поднятым носом, гордо и демонстративно дефилировали мимо, даже не поворачивая головы. Лишь изредка, взглядом оценивая прищурились к развешенным в лотках товарам. Дамы-лоточницы, в свою очередь, презрительно ухмылялись, глядя на гармониста с пляшущим инвалидом. Кривя ярко накрашенными губами и попыхивая дорогой сигаретой. Иные были рады развлечься, поглазеть на бесплатных артистов.

Подойдя к чернявым молодым ребятам с Кавказа, группой стоящих на отшибе, гармонист вновь начал демонстрировать свои аккорды. Но и тут он не пробудил никаких эмоций. Уж на что кавказцы народ “горячий”. А гармошечная игра, особенно “плясовая” мелодия даже чуть напоминает плясовые других народов. Есть что-то в ней общее у всех. Ноги так и просятся ринуться в пляс, пройтись по кругу. Ощутить себя под облаками молодым, красивым... Ощутить себя плывущим выше горных вершин, над кишлаками и русскими деревнями. Но, увы, время настало не для плясок...

Время — деньги.

Как выразился один знакомый:

— Хватит плясать. Пропели, пропили и проплясали и так Россию-матушку! “Да прохлопали в ладоши...” — поддакиваю и добавляю ему. Теперь бизнес всё затмил. Доламывает все наши традиции. Кои коммунисты не доломали...

И как не пытались гармонист с инвалидом завлечь благопристойных спекулянтов и самодовольных мещан, так у них ничего и не вышло.

Эти двое здесь были не нужны. Они были из русского мира... А в этом новом, нарождающемся торгашеском мирке, в мире иностранных товаров, человек с гармонью и человек без руки никак не вписывались. Они не гармонировали в этом мирке и казались совершенно лишними. И не находили ни участия, ни сочувствия. Они казались изгоями...

Что-то с болью отозвалось в душе от этого ярко-цветастого современно-рационального и безучастного ко всему базара-рынка. То ли от этих неприкаянных двух русских человечков.

На этом крохотном пяточке базара правили вкусы молодого поколения, новой нарождающейся жизни... Неужто России будущего?

Неужто частушка и гармонь отслужили своё? И останутся теперь как реликвия нашего прошлого? И которое так не хочется забывать...

Эх, сколь гармошка пела важно,
Не могла развеселить.
Эх, пошла матаня замуж,
Я не мог разговорить...!

ДОЖДАЛАСЬ!

Только когда двигатели запустили и их свистящий гул заставил думать о происходящем, я, наконец, ясно ощутил, что лечу домой. Сколько времени мечтал об этой минуте! Если честно признаться, то всё время службы в армии.

Город Николаевск – на – Амуре. 1967г.
Скоро «дембель».

Первый год пролетел незаметно, весь в “тревогах” и хозяйственных армейских заботах, учёбе и тренировках. Бывали минуты отдыха или, как отмечалось в распорядке дня, личное время, когда можно немножко помечтать, сыграть в домино или шахматы, написать родным и друзьям письмо. О доме вспоминалось, как о далёкой звезде.

Друзья—однополчане:
1966 г. слева - Мехонцев А.А.,
справа - Иванов В. С.

Второй год прошёл относительно спокойнее. Появились новые друзья-однополчане. Главное – служба начата. Но ночные “тревоги” – и учебные и боевые – продолжали беспокоить. Приходилось бдительно охранять дальневосточные рубежи. Иностранцы самолёты-разведчики то и дело шныряли вдоль нашей воздушной границы.

На третьем году армейской службы стали стариками”. Собираясь по вечерам в курилке, перед отбоем всё чаще и чаще думали о доме, о своих любимых, спорили о новой жизни на гражданке. Сны были продолжением этих разговоров.

Но вот всё позади. Я возвращался в родную деревню. Можно даже вздремнуть. Нет, не могу. Впереди встреча с домом. Поднялись выше облаков. Всю жизнь смотрел я на них, на этих “небесных монстров” снизу, а сейчас вот, впервые – сверху. Ослепительное зрелище! Будто летишь над безлюдным снежным простором. Иногда в просветах покажется земля. Речка блеснёт голубенькой змейкой, извивается ниткой дорога, а домики возле неё – крохотные кубики.

— Интересно, чувствует ли мама, что я возвращаюсь сегодня? Наверное, чувствует.

Загорелось табло “Не курить”. Пристегнуть поясные ремни”.

— Ура. Приземляемся. Совсем немного и дома!

Автобус дребезжит на неровной дороге. Замелькали за окном родные места.

— Дома! Уже почти дома!

Сумерки всё плотнее окутывали колки, дорогу, стога на пашнях. Люди в автобусе сонно покачивались. Я вспомнил: мама писала, что

она переехала из молдаванского края, из саманухи поближе к народу. Все молдаване, отбыв десятилетнюю ссылку, уехали в Молдавию. Купила себе небольшую старенькую избёшку.

— Ну вот, вроде подъезжаем, последний поворот пошёл.

— Да, да – подтвердила рядом сидящая женщина. – А мать-то твоя уже заждалась тебя, - продолжила она. – Каждый день ходит встречать на остановку. Ездил даже в город, была на вокзале. Много, говорит, демобилизованных видела. И сейчас, наверное, стоит ждёт...

Впереди замелькали огоньки родной деревеньки.

Автобус остановился.

— Вот и приехал... - подумал я.

Взял чемоданчик и вышел последним. Сердце стучало. Огляделся, глаза не привыкшие к темноте, ничего не видели.

— Здравствуй, Лёня! – услышал я. Передо мной стояла моя тётка Прасковья. Обнялись, расцеловались.

— А где же мама? Что с ней?

— Всё хорошо. Жива, здорова. Только поздно отработались сегодня. Дома уже, наверное. Того и гляди прибежит. Ну, пойдём, а то ты и не знаешь, где теперь твой дом.

Только мы успели отойти от остановки, как я увидел, что впереди кто-то бежит нам навстречу.

— Мама!

Я выпустил чемодан, бросился вперёд.

— Сыночек, родненький!

— Здравствуй, мама! Ну, не плачь. Я же вернулся.

— Это у меня от радости, Лёня. Давно тебя жду. Каждый день встречаю. Наконец-то приехал! Дождалась. Думала не дожждаться...

— Мама, ну пойдём домой, а то вон тётка Прасковья уже озябла. Тётка стояла чуть в сторонке. Тоже утирала слёзы. Она, может быть, вспоминала дядю Серёжу – брата, погибшего под Сталинградом. Или своего мужа — дядю Ваню, который пришёл израненный, а вскоре умер. Или сына Виктора, который живёт на Севере, далеко. Я взял свой чемоданчик, обнял маму за плечо и мы пошли домой. Каждый думал об одном и том же, и всё же о чём-то своём.

Дедо Семён уже тяжело болел, а баба Дуня ещё пожила пять лет после моей свадьбы.

ПРОЩАЙТЕ БЕЛЫЕ ЛЕБЕДИ...

Прошёл год, как я вернулся из армии. Живу в г. Свердловске. Работаю на заводе в конструкторском бюро. Инженер-конструктор. Вечерами хожу в изостудию. Очень захотелось научиться профессионально рисовать. Стать художником.

Приехал домой в деревню. В отпуск. Написал несколько первых этюдов акварельными и масляными красками. Затягивает это увлечение. Не ем, не пью – всё на природе нахожусь. Высматриваю видочки. Брожу. Размышляю. Весна будоражит и мысли и чувства.

Выспросил у мамы где они жили до переезда в эти края. Она рассказала, что в деревне Лебяжье. У озера. Там была красивая церковь. Я загорелся посмотреть родину моих предков с красивым названием – Лебяжье. Что-то, видимо, связанное с лебедями, с белыми, красивыми, гордыми птицами, улетающими на юг и обязательно возвращающимися в родные края. Так мне захотелось побывать на этом озере, а Бог даст, может и увидеть этих божественных птиц.

Одел свои дембельские брюки, солдатские сапоги, курточку из болоньи – весна уже тёплая стояла. Зазеленели деревья первой пушистымчатой нежной зеленью. Середина мая. Птицы перелётные почти все прилетели. У меня к тому времени отросла небольшая рыжеватая бородёнка. Этюдник на плечо и пошагал по просёлочной дороге на гору – в сторону д. Белоярка. Я эту дорогу как свои пять пальцев изучил. В детстве с ребятами часто бегали в эти края, на Берсулез, так называлась ферма, где коровы жили. Где матери наши работали. Примерно посредине между Будённым и Белояркой, что возле Куликова болота.

И за грибами сюда хаживали и за вишеньем. Недалеко тут я волокуши возил в болоте у Дубровой, где дедо Семён сена за одно утро по тонне накашивал. “Доброе-то сено не давали косить-то, - рассказывает моя мама, - одну осоку приходилось косить - резунью. Её что есть и скотина не хотела есть-то. Он пойдёт утром в четыре часа и до одиннадцати часов накосит один тонну. С этой тонны можно было брать одну копну себе, то есть центнер. Если накосит три тонны, то себе три копны. Но за это маленько оплачивали. (Но больше соломой коров-то кормили). Осоку-то в кочках, в болоте косили. Володька Гурьев – зять – на заре стоял, да большой пласт толкнул, да сшиб деда Семёна. Он заматерился: “Слезай – говорит. Оттудова. Володьке-то. – Иван, залезай”. Много было зятьёв-то у Задорина Семёна. Иван Павлович – тётки

Прасковьи муж, Иван Петрович – тёти Таси, Евгений – Ньюры, Сано Самылов—Шуры, Володька Гурьев, — Валин. Да внучата подрастали. Ты, Лёня, уже волокуши возил. Прасковьины ребята – Маша с Виктором, тоже помогали. Мария-то уж робыла, а Виктор в техникуме учился.

А косить в жару молодым неохота. Сломают черенок у литовки. Думают – не заставят косить-то. А может ненарочно ломают. Кочки были, пеньки, да чаща. Дедо делает им черенок из сырой берёзы. Новый. Подаст, косите дальше. Тяжело косить-то, осока твердущая. И пока дедо Семён не скажет на обед идти, никто не смел самостоятельно бросить работу. Вот так строго держал нас. Слушались отца-то. Хоть и у самих уж семьи были. Не то что теперь. За человека не считают отца-то, как пустое место. Одной матери маленько подчиняются.

А часов у деда никогда не бывало. Он на солнышко посмотрит и скажет, что рано ещё обедать. А минут через пятнадцать: - “Вот счас пора”. И точно – по часам сверят – времени два часа. Как он отгадывал, не знаю. Мне бывало на смену надо бежать. Я дежурила на конном дворе. Он говорит, что рано. Никогда не отпустит пораньше, главное, я из ночи приду да там, ещё с ними, на сенокосе роблю целый день. А вечером опять в ночь заступать. Не давал нисколько отдыхать-то. Раз вместе косим, то потом он сена нам с тобой, Лёня, давал. У нас тогда ещё корова была, когда в саманухе-то жили. Потом ты ушёл в техникуме учиться, дак я продала корову-то. Вот это я бегу ещё около “Плотины”, а уж семь часов бьют на “пожарке”. Раньше на “пожарке” часы отбивали. А мне на смену-то к семи надо. Я сразу на конюшню бегу. Домой некогда забежать.

...Счас избы-то тятиной нету там. Вон она сколь маленька была, а лико какая семья: восемь человек жило. Счас она у Никитиных на конюшню перевезена. Маленькая вовсе стала”.

...По этой дороге мы с ребятами и в Белоярку ходили, на Белый Яр – гора такая белая, большая и крутая. Прямо в речку Барнёвку скатывались. Да “чёртов палец” в этой горе рыли. Кристаллы такие прозрачные. Они легко стругаются ножом. И помогают залечивать всякие ранки. Настрогаешь и посыплешь на больное место. Или любили пескарей да щурят майками ловить в омутах. Бродили по округе в пяти, десяти километрах от дому целыми днями и питались чем придётся. Вот я и пошёл теперь той же дорогой. До Белоярки дошёл. Порисовал у Белого Яра. Потом поближе к центру ещё раз раздвинул треногу этюдника. Видочек карандашом рисую. Подходит ко мне пожилой хроменький

мужичёк, маленького росточка – где-то метр с шапкой. Скособоченный – одно плечо выпирало из шерстяного чёрно-серого мятого однобортного пиджачка, купленного явно навыврост. Чуть виднелись синеватые галифе, заправленные в выдавшие виды, нечищенные никогда и такие же скособоченные яловые сапожищи с загнутыми вверх носками. В одной руке у него была деревянная трость. То ли инвалид где покалеченный, то ли с детства такой. Никаких медалей и орденов на пиджаке не было. Видимо с детства ушибленный. Может с печи пал. Даже побрякушки – “Ударник коммунистического труда” не было – самой распространённой награды. (Сейчас бы “ударник капиталистического труда” - что ли?)

Видимо, научившись кое-как грамотёшке – читать и писать, он прочно вошёл в обойму руководителей старого пошиба. Он представился председателем местного сельского Совета и попросил у меня документы. И разрешение снимать местные виды. Я опешил. У меня в первый раз в жизни незнакомый человек спрашивал документы. Хотелось послать его подальше... Чтоб не мешал работать.

Но мужичёк так серьёзно был настроен, что шутить с ним становилось опасно. Какой-то холодок пробежал по спине и переместился в область живота. Под ложечку – в солнечное сплетение. У меня даже голос перехватило. Язык будто присох во рту. Я не знаю, что ему ответить. Какие могут быть документы в деревне. В деревне и паспорт-то люди вовек не видали. Но я-то в городе живу. Я в отпуске. И документы с собой никогда не ношу. Тем более, что я в родных с детства краях. К чему весь этот балаган? Будто сон страшный снится...

Не понаслышке знал, что деревенские начальники, те что кое-как выбивались во власть, занимали эту должность почти всегда пожизненно и держались за неё “зубами и когтями”. И где основной обязанностью своею считали повелевать всем и вся, а особенно – бдить! Не дай Бог, чтоб какой-нибудь в его владениях враг народа не объявился или там какой-нибудь шпиён-диверсант, снимающий их деревенские планы! Молодец, мужик! Зри! И бди! И всё будет в порядке. И будешь в почёте, должность при тебе, а страна в процветании! Чтоб соблюдалось всё согласно и в свете решений...

Все увечные и туповато-наглые начальники очень рьяны и дотошны, а вернее, настырны и упрямо-прямолинейны в выполнении возложенных на них обязанностей. Готовы в лепёшку разбиться, но выслужиться. А может быть возвыситься...

Я с улыбкой рассказываю ему, что документы с собой не ношу. Он

осматривает мой этюдник, меня бородатого и моё полувоенного вида обмундирование, на цыпочках стараясь разглядеть – чего это я там снял – какой план ихней деревни. Крутит головой – сравнивает рисунок с оригиналом. И не изменяя бдительной серьёзности на лице командует мне: “Пройдёмте, гражданин”.

Но этого я опять никак не ожидал. Думаю: “Пошутил мужик с документами и хватит”. Так нет ему надо ещё дальше продолжить эту комедию.

— Куда пойдёте? Ты чего, папаша? Того что ли? Рехнулся уж совсем. Крыша что ли поехала?

— Разговорчики, гражданин. А будете выражаться – я при исполнении.

— О, боже! В какой же тёмный угол я попал! Время-то на дворе, посмотри, старый хрыч, какое! Тысяча девятьсот семьдесят первый год! А не пятьдесят первый. Сталина-то уж давным-давно нет.

— А будете сопротивляться, я сейчас созову народ, - всё чеканит скособоченный сельсоветчик. – Пройдёмте, пойдёте, гражданин. Не задерживайтесь.

Внутри у меня всё кипит. Но я собрался путешествовать на родину предков. Вот она родина! Вот они предки. Система жива! И действует, работает беспрекословно. Все шестерёнки крутятся, все “винтики” на своём месте... Прощайте белые лебеди...

КОНТРА

Когда я приезжаю в родные края, то обязательно иду рисовать деревенские мотивы, ухожу в поля или в МТМ (машинотракторная мастерская), наведываюсь побеседовать с мужиками о жите-бытье. Раз пришёл в кузницу. Хотел нарисовать кузнеца – Петра Колпакова. Он такой приземистый, небольшого роста (ниже среднего), крепко сбитый, коренастый. На лице всегда будто отсветы пламени кузнечного горна. Кажется, что здоровьем так и пышет от него. Жил он в своём доме, построенном собственными руками. Вся усадьба была лично обустроена – дом, конюшни рубленые, сад разведён, колодец в саду. Словом – хозяин первейший, каких ещё поискать в нашем зачуханном участке, где одни люмпены остались – ни кола, ни двора. Работать Пётр пошёл рано. В войну, ещё пацаном. Везде переробил. Досталось, конечно. Всё

“на пупке”, всё голыми руками пришлось поворачивать...

Пристрастился к ремеслу кузнечному. Пошло дело. Мастерской мужик – золотые руки, как говорят. Любил он своё дело делать на совесть, а не шалляй-валяй, как некоторые “пролетарии”. Пролетали и ни за что не отвечали... Сыновья выучились, в армию сходили. Он их стал к своему ремеслу приучать, к кузнечному делу. Сначала молотобойцами. Они ребята тоже были не высокие, ладные, кудрявые. Так бы и звенела железная музыка кузнечная до сих пор, если бы не один случай, которому я стал свидетелем.

Петро всегда говорил то, что думал и прямо в глаза, а не под одеялом дома. Тем начальникам, которые “породили или городили хреновину”, то есть нагло ввалили или загибали “на холодно”, или несли ахинею и откровенную демагогию, т.е. “вешали лапшу на уши”, что тошно слушать. Эта пустопорожняя трепотня с серьёзной харей из уст “политруков” страшно расходилась с делом, с жизнью. Эти начальники жили как бары, а работяги горбатились на них и ничего почти не получали за свои труды.

Раз Петро и высказал это вслух на так называемой “политинформации”, когда парторг проводил её с механизаторами, зачитывая газетные передовицы. Этому политикану ужасно не понравилось, что Петро имеет своё мнение, и он взбеленившись, обозвал Петра “контрой”. Сколько дикой ненависти вылилось в лицо рабочего человека. Это был 1975 год. Период брежневского застоя. Проходило “мероприятие” и политическое притом. Накачивание политической трескотнёй, а по-другому – воспитание личного состава механизаторов в духе верности родимой коммунистической партии.

Это попросту – словоблудие, дикий обман уже взрослых и пожилых мужиков, повидавших жизнь, которые сами умели читать, слушать и видеть...

Петро, конечно, вспылит, не мог сдержаться, не смог стерпеть такого оскорбления при всём народе. Схватил железяку и замахнулся на политикана... Кто-то из сидевших рядом удержал его от криминала... (и от лагеря).

Это была и видимая и невидимая гражданская война. Победителем в которой были “верха”... И чтобы исключить дикий и беспощадный бунт, через десять лет была придумана перестройка. Опять же там – “наверху”.

Хоть и не сталинские были времена, но власти всё ещё пытались удержать в людях страх и непрерываемое подчинение и единомыслие.

После этого случая Пётр крепко запил. Напропалую... Затосковал

шибко... Хотя и раньше прикладывался. А тут и вовсе «по-чёрному». Вскоре и помер. До пятидесяти лет не дожил.

Опустела кузница... И я перестал туда заглядывать. Остановилась музыка труда. Сыновья не захотели горбатиться на тех, кто сидел на их шее. И понукал... Разъехались из деревни.

Но помыкав горе в других местах, через несколько лет вернулись. Нет, видимо, роднее места там, где человек родился и вырос...

Потом злые языки наговаривали на Петра и на других мужиков, которые умерли, что их Бог наказал за то, что они ловили голубей и, сварив их в мастерской или в конюховке, ели, закусывали, нещадно потребляя “бормотуху” - красное дешёвое вино по рубль две копейки за пол-литра.

Сейчас хоть и скинули некоторых нахлебников и горе-воспитателей, но на их место много новых появилось... А Петра уж не вернёшь... Как и многих других спившихся мужиков...

ЖИВЫ БУДЕМ – НЕ ПОМРЁМ

Третий день идут проливные дожди. Днём темно и сумрачно, как вечером. Осень наступила с началом сентября. Первого сентября даже снег пошёл – слекиша. Холодно стало. Пришлось печку топить. Чуть перестал дождик и я решил в огород сбегать. Одел сапоги, штормовку. Дождь будто увидел меня и припустил с новой силой. Я нарвал моркови, огурцов, что остались из последних, кочан капусты скороспелой – аж треснула. Один кабачок. Тыквы ещё растут. Но такие громадные, что одному не поднять наверное. Еле дотащил до дому ведро с подножным кормом. Опять заболел позвоночник – огород у нас далеко от дома – километра за полтора будет. При новом режиме – при капитализме – я стал безработным. Творческие люди оказались не нужны. Время требует хапуг, ворюг, бандюг, “крутых” всяких, да наглых и хамовитых, хитрых и бессовестных бизнесменов, т.е. “новых русских”, которых раньше называли просто – спекулянт, наживающийся на перепродаже государственного товара. Производители нынче не в моде. Всё производство уже почти встало. И подъёма не предвидится. Грустное время. Вот я и занимаюсь выращиванием подножного корма, чтобы выжить в дико безденежное время. Доллары всё затмили. А тем, кто честно работает на заводе, фабрике или учит детей, денег не дают по полгода и больше. Попробуй, выживи без огорода, без своей картовочки, морко-

вочки, луковки и свёколки.

Тут мама позвонила на днях. Говорит, что помидоры наспели. Я там у ней теплицу сделал. А у ней нынче две курицы выпарили цыплят самостоятельно, где-то в крапиве. И привели домой. Время к осени. Поздние цыпушки. Надо за ними ходить, кормить да выхаживать. Теперь ей никуда не выбраться будет из дому. Даже в лес не убежать – по грибы или по ягоды, по вишенье, боярку или шиповник. Она мне полную сумку всего наклала. И помидор, и ягод, да грибов солёных, да яичек.

Я приехал к ней утром. Утром же и обратно уехал. Опять она меня провожала до остановки. Говорит: “Айда с богом!” Про новую книгу спросила. Я подал ей. Она посмотрела картинки, ничего не сказала. Собака Цыган у ней потерялась. Она его по всей ограде и по деревне выискала. А он в садике, где смородина, лежал несколько дней. Он такой старый стал, что ослеп и оглох. И нюх потерял. Куда уйдёт, то сам уже не может вернуться на прежнее место. Мама уж говорит, что задавить бы его, чтоб не мучился, но жалко, да верёвки, говорит, нет тодельной... Одна яблоня возле окон посохла, я спилил её. Черёмуха тоже посохла. У тополя ветки на вершине появились сухие. Всё умирает...

Перед дождями я убрал лук, два мешка привёз. Лук крупный вырос. И картошку выкопал, тоже хорошая. Хоть и рано считают, но не захотелось мне в грязи да холоде ковыряться. Мешков восемь накопал. И сухую спустил в погреб. Теперь радуюсь, что не послушался на уговоры не копать рано.

Грязь стоит непролазная, уже неделю мочит каждый день.

...Вспоминаю как весной я всё сажал в огороде. Посадил я огурцы на землю. Уж все сроки прошли. У людей-то на навозных грядах уж цветут огурчики всюю. Думаю, не дожждаться мне своих огурчиков. Только взошли, смотрю – кто-то стал их съедать. И соседи тоже замутились их высаживать. Кто-то съедает, то ли мыши, то ли козявки какие. Много их нынче развелось. На чужое-то. На “халяву” - на соседское да на государственное. А я всё подсаживаю, да подсаживаю. Смотрю – начали отрастать огурчики. Только дождусь ли плодов? Начали цвести и всё пустоцвет. Стал поливать каждый день. А такая жара да сушь настала, что на земле трещины появились. Уж пора окучивать картошку, а дождя всё нет и нет. Но смилостивился Господь – таких ливней послал, что у меня три луны с огурцами смыло. Свеклы полгряды только осталось. А по картошке такой овражек вымыло, что и земли неоткуда взять, чтоб засыпать. Я раза три принимался после ливня

окучивать картошку, но дождик как припустит опять, я с поля бегом под кусты. Пересажу. Как перестанет – я опять продолжаю окучивать. Да такая картошка наворотила, что соседи позавидовали.

— Добрая у тебя картошка выросла, - говорят. А они почти не окучивали, да не пололи. Да семена неурожайные посадили. Картофлик у них весь в траве рано посах. А я ещё не раз окучивал, да пропалывал. Если с душой, да любовью, да с Богом работаешь, то и результат будет иной. Уж сентябрь наступил, а огурцы у меня и растут, и растут. У многих уж засохли. Видимо росой холодной обожгло. А у меня они за кустами тальника спрятались, поэтому, слава Богу, обошлось. Мы с женой уж двадцать банок засолили. И знакомым в город давали. Зина говорит, что у дяди Лёши рука лёгкая. Что ни посадит, всё растёт. Аж дурит.

Мы сидим с женой ужинаем – едим жареную картошку. Философствуем: “Вот, всё надо делать с любовью, с радостью. Тогда и всё получится будет. И с Богом”.

Вспоминаю мамины слова, когда я в школу в первый класс пошёл. Она вышла из землянки за мной, проводила до ворот. И перекрестив меня в спину, сказала: “Айда с Богом!” Я довольный, побежал в школу. На боку холщёвая из мешка сумка болтается. Так она провожала меня всегда. Может поэтому я и учился хорошо. С любовью, со старанием, с прилежанием, с Богом.

...Вот только оказалось всё зря. Не надо было учиться... А надо было болтаться, лодырничать, пропускать занятия, воровать, хамить, наглеть, ругаться... Тогда бы я может преуспел в этой жизни, как многие теперь... Ни «бе», ни «ме», а устроились на “доходном месте” и живут припеваючи.

Да только мне их жизнь не по нутру. Не уважаю я таких людей, хоть и живут они всем на зависть. А корчат из себя пуп земли, якобы “уважаемые люди”. Осоловелыми глазками, будто замороженными, уставятся на тебя и нос кверху – “сопли пузырьём”. И глотка словно лужёная. Если что не по ним – готовы тебя с потрохами сожрать. С пеной у рта рвут “кусоч пирога” хоть у соседа, хоть у государства.

Да Бог им судья... Пусть они наполняют свои жирные пузы. Только бы не мешали. Но они утверждают свой стиль жизни, своё мировоззрение. Как противостоять этим “новым русским”? Наворовавшим народных денежек да разбогатевающим на наглости и спекуляции, да около властной кормушки. И утверждающих свои дико-эгоистические интересы своего клана, своих бандократических структур.

СЛЕЗИНКИ ВЕСНЫ

Приехал я на выходной к маме в деревню. Сидим за столом. Солнышко пригревает сквозь стекло.

За окном тихий зимний пейзаж: дома, сараи в белых шапках, заборы увязли в сугробах, тополя стоят безучастно ко всему на свете. Лишь воробьишки спокойно переговариваются да ерошат пёрышки, сидя на кустике черёмухи.

Бывает, сидишь вот так и с нетерпением ждёшь чего-то...

Чуда, что ли?..

Солнце многоцветно помигивает искорками снежинок.

Хотя и не чудо, но умиротворение приходит... Невольно улыбаешься увиденному. Огромный лохматый соседский пёс Мишка тянет под утор поваленные набок санки, а за ним весь в снегу неуклюже ковыляет мальчишка лет пяти и старается ухватиться за санки; падает, спешит подняться. Пёс неожиданно останавливается у большой желтоватой глыбы снега, обнюхивает её.

Тут и настигает его наездник; ставит санки на полозья, подходит к собаке – головы их оказываются на одном уровне. Мишка пытается лизнуть мальчишку в лицо, но мальчик отворачивается и, поправив ошейник, тащит пса с великим трудом обратно в горку.

Совсем как в моём детстве. Где ты, дружная и вольная послевоенная безотцовщина?..

Вдруг точно клинком кто-то взмахнул. Пролетела одна, а затем другая сверкнувшая капелька.

Не поверил, стал ждать. Неужели капель?

Но так и не дождался... “Показалось”, - думаю.

Наверное, две слезинки весны скатились; как будто из глаз моей мамы что сидит за столом напротив меня и задумчиво-озабоченно смотрит на своего непутёвого сына-мечтателя...

ЦВЕТЫ ВДОВАМ

На девятое мая я всегда старался приехать к маме. К этому времени и нынче огороды уже вспахали. Пошли садить с ней картошку. Садить не копать. Быстро разбросали. До обеда поправились. Смотрим – тётка Прасковья с дочерью Марией всё ещё сажают. Пошли с мамой к ним. Я взял лопатку. Мы с Машей копаем ямки, а мама с тёткой бросают картофелины. Хорошо, когда много помощников. И тут быстро поправились.

Тётка давай на стол собирать. Всё-таки праздник сегодня – День Победы! Хоть и не радостный. Пришёл её Иван с войны израненный – да вскоре и умер. Опять она одна с ребяташками осталась. Но вырастила, выучила, хоть и одна работала.

Отужинали. Праздник отметили. Пошли по домам.

А мне что-то в мозги вдарило. Уже темнеть зачало, я вспомнил, что за “кирпичным” у нас всегда подснежники росли. И побежал. Не ближнее место на ночь глядя в лес бежать. Хмель в голове. А про клещей энцефалитных даже и не вспомнил. В наших краях их сильно много по весне бывает. Всё нервное отделение заполняется “клещевиками”.

Дошёл до “кирпичного”, с километр примерно. Уже еле различаю полевую дорожку. Чуть не на ощупь иду. А до лесу ещё столько же, где подснежники цветут. Это за Понькинской гранью. За большой поляной. Возле омутов на бугре, где мы в детстве с ребятами целыми днями купались в этих холодных и чистых, да глубоких омутах. Разбежишься с крутого берега и ныряешь в эту холодную бездну. А вода чистая, пречистая. Всё дно видно, как гольяны и пескари там резвятся. А мы тоже вроде гольянов были. Купались без одежды, голенькие. В лесу никто не видит. Носимся по поляне нагишом, а потом сигаем в воду. Аж обжигает тело от холодной родниковой воды.

Тут, возле этих омутов и цвели по весне подснежники. Я вспомнил детство, цветы и поперся, на ночь глядя... “Дурная башка – говорят, ногам покою не даёт”.

Прихожу на эту поляну уж в темноте. Хорошо, что каждый кустик, каждое дерево с детства знаю. Почти наугад иду. Темень...

Какое-то трепетное волнение охватило. Тут должны подснежники цвести. Опустился на колени, стал чуть ли не ползком осматривать этот бугор. Мне уж под пятьдесят.

И точно! Засветились, будто фонарики теплятся, горят слабым внутренним светом. Вот они сердешные! Красавцы пушистые! Стал рвать.

Вот ещё группа. Вот ещё. Уж ничего не вижу кроме цветов. Мгла опустилась на землю. Да ещё кругом берёзы. Неба не видно. Нарвал цветов – окружился. Не знаю в какую сторону идти. Еле сориентировался. Пришёл в деревню часа через два. Как слепой иду. Ничего не вижу. Стучу к тётке Прасковье. Они уж закрылись. Спать ложиться собираются.

— Ты это откуда? — спрашивают. Я захожу с цветами.

— Вот, говорю, — решил Вас с праздником поздравить. — С Днём Победы Вас! И подаю им половину. Остальные маме”.

— Ты чё, сдурел? Небось за “кирпичное” сбежал?

— Ага, — говорю. — Туда.

— С ума сошёл! — А сами улыбаются и довольные. — Не боишься клещей-то.

— А я и забыл про них.

— Ну, спасибо, Лёня... За цветы! За поздравление. Садись, посиди.

А мы уж спать собрались.

— Нет, я пойду. До свиданья.

И вышел опять в ночь. Со свету и вовсе чёрную... Лишь подснежники в руках да россыпь звёздной пыли вверху едва светятся в этой кромешной тьме... Будто это были живые души тех, не вернувшихся с войны солдат — наших родных и близких, погибших за нашу непутёвую жизнь...

За нашу многострадальную Родину! Слава Вам, Сыны Отечества! И вечная Память! Ваши светящиеся души, точно эти подснежники, указывают нам праведный путь в нашей океанной жизни!

Мы помним о Вас.

РОДНИКИ ДЕТСТВА

Проснулся рано, в избе пахнет тестом; на столе корчага с мукой. Мама хлопочет возле печи. Пощёлкивают берёзовые поленья, озаряя её лицо светом пламени...

Выхожу на крыльцо. За перелеском, на востоке, истаивают чуть алеющие облака. Тихо. Собираю рисовальные принадлежности и за околицу – утро встречать.

Навстречу попадается знакомый пенсионер, едущий на лошади; бренчат на телеге пустые фляги – он молоко у хозяек собирает. Здороваемся, улыбаемся друг дружке, понимающе подмигиваем.

Сворачиваю к пруду, что зеркалом лежит возле деревни; иду вдоль нежно-зелёных шлейфов тальниковых зарослей и, завернув в молодой берёзовый колочек, останавливаюсь; разворачиваю этюдник, достаю акварельные краски, кисти.

Молодая звучная зелень, запахи цветущей земли, великаны тополя, взметнувшие свои руки-ветви – всё это в каждом новом и бесконечном своём обновлении радует взор, волнует и одновременно тревожит – слишком быстро течёт неумолимое время – не успеешь налюбоваться – глянь, а уж отцвели и черёмуха, и сирень; белым снегом осыпались на землю лепестки яблонь.

...Рядом со мной и по всей опушке разбежались огоньками-солнышками ярко-жёлтые цветы горичвета. Они самые первые встречают восход солнца, повернули свои золотистые венчики к огромному малиново-красному светилу, показавшемуся из-за тёмно-синей кромки леса.

Ну, с Богом! Пора начинать работу. Зачерпываю воды из родника, что рядом размывает берега, образуя омутки, где мы со сверстниками голянов да карасей ловили кто решетом, а кто майкой, завязав её с одной стороны узлом... Теперь этот овражек стал каким-то мелким, заросшим осокой; и воды в нём только на самом дне чуть поблёскивает, но вода чистая – каждую травинку-былинку видно. Зачерпнул я ладошкой этой прозрачной искристой влаги и попил... Вода оказалась очень вкусная. Поплескал на лицо, – как обожгло вначале, но потом разлилось приятное тепло. Даже и душа как будто оттаяла...

Попьёшь водицы да умоешься из родника детства и снова ты полон сил. Будто и не прожита добрая половина жизни.

Снова хочется верить и жить...

СОЛНЕЧНЫМ ДНЁМ

Прошёл вдоль застывшего, укутанного снегом пруда и заиндевшего сада. Добрался до старого птичника, что на середине между Октябрём и второй фермой, которой сейчас нет. Раньше там жили люди в бараках, ухаживали за коровами. Доили вручную. Молоко перегоняли сепаратором на сливки и обрат. Там работала тётя Шура наша.

На старом птичнике моя мама работала, когда мы в землянке жили. Дежурила там. Кур поила, кормила, выращивала. Яички собирала. Чистила клетки. Ничего теперь нет. Ни сада, возле которого прошёл.

Одни дички стали. А раньше всяких яблок много было и ягод. Мы, ребята-подростки по восемь-двенадцать лет всегда пытались полакомиться яблочками, хотя его и охранял сторож. Какой-нибудь старичок. Я остановился, залюбовавшись мощными старыми берёзами. И на берёзах, и на снегу – кругом рассыпано зимнее серебро. Всё искрится, подмигивает на солнце разноцветными огоньками: все цвета радуги переливаются в морозных драгоценностях, усыпавшие и деревья, и кусты, и каждую травинку.

Смотрю – зайчишка беленький с серенькими ушками промчался от тальниковых зарослей в логу, от болотца – вверх к лесу, что возле сада. Мне дорогу пересёк. Я остановился. Птицы перелетают от одного куста боярышника к другому, лакомятся ягодками, то перелетят в сад, там много мелких яблочек-дичков.

Вон и охотники показались – двое парней идут по следу обезумевшего зайчишки.

В валенках, без лыж, снегу-то ещё не толсто, он мягкий, и пушистый. Легко ходить. Взобрались на бугор, остановились перевести дух. Рюкзаки за спиной поправили, да ружья и разошлись. Один вокруг леса пошёл. Другой – по заячьему следу.

По разным причинам возвращаемся мы к малой родине. Кто просто прикоснуться к духу её, к детским впечатлениям, полюбоваться, отдохнуть душой на природе, у родного камина, маму попроведать... Другие – поохотиться, побродить по родным косогорам, болотцам и колочкам, где каждая кочка, каждое дерево, каждый кусточек знаком с детства. Да и потешить свои охотничьи страстишки, а повезёт, то разжиться свежей зайчатинной, добычей. Кому до чего охота есть...

ГРИБНАЯ ОХОТА

Приехал я к маме картошку копать. А у ней в гостях её младшая сестра Валя из Асбеста. Раньше меня приехала. Не стали меня ждать. Выкопали, пока дождя нет. Бабье лето наступило. Тепло, сухо. Солнечно. В лес так и тянет.

Грибов поискать да ягод побрать шиповника да боярки. Они с Валею накануне оббежали знакомые места. Валя набрала ведёрко шиповника и уехала. Пошли мы с мамой по Понькинской дороге, свернули в колочек. Нет ничего. Мы обратно. Пересекли дорогу и зашли в другой

лесочек. Да спустились по угору к тому месту, где наш дядя Ваня из Свердловска отдыхал на полянке. Ходили мы как-то раз с ним и с тётей Тасей по этим с детства знакомым местам. Тоже грибы искали. Дядя Ваня фронтовик, уж на восьмой десяток перевалило. В Великую Отечественную ему пришлось почти всю Европу пешком протоптать. Он связистом был. Связь устанавливал, таскал катушку с проводом на передний край. Чудом остался жив. Только голова стала белая-белая...

Он больше с удочкой любил на бережке посидеть, да гольянов подёргать. А тут с нами пошёл. Притомился. Устал. Ну и прилёг на шелковистую траву-мураву. Развалихнулся на обе лопатки, наслаждается чистым воздухом и золотистым пламенем осенних берёз на фоне изумрудной и беспредельной вечности. Улетели мысли от бренного мира в космические дали...

Тётя Тася подошла, ворчит на него, что грибы перестал искать. А он улыбается добродушно и отвечает: "Да я уж нашёл их. Вот они – подо мной". Тётя Тася откатила его как полено в сторону и давай ощупывать мягкую травку. И как обрадуется, да засмеётся громко: "Ну ты, Ваня, у меня молодец какой! Валяйся ещё больше, повсюду. Может ещё под тобой грибы наростут! А мы будем их собирать".

Долго смеялись, довольные. И наискала там тётя Тася до десятка молоденьких да крепеньких сухих груздочков. Мы с мамой теперь каждый раз заходим на это место, где дядя Ваня отдыхал на грибах. Там всегда нам попадают сухие грузди.

В этот раз мало нашли. Ходили, ходили, еле пятилитровое ведёрко набрали вдвоём. Они с Валею недавно тут были.

В лесу такое чудо. Шуршит под ногами сухая листва. Солнце играет, переливается на жёлтых, зеленовато-лимонных, красноватых, малиновых и бордовых, листьях. Много ягод боярки и шиповника. Вишенья уже нет. Его ещё впрозелень обирают, когда чуть-чуть прозовет один бочёк. Бывает попадают редкие ягодки вишенки – спело-чёрные, вино-сладкие, сочные. Мама рассказывает, что они с Валею баню истопили после уборки картошки. Но Валя не пошла. "Что ли я на корячках в вашу баню заползть-то буду?" И смеётся. "Вон я какая туша. Низкие и узкие двери-то. Да и не повернёмся в бане-то. И в рост не встать. И как вы в ней только моетесь? Нет, не пойду. Дотерплю до Асбеста. Дома вымоюсь в ванной. Отмокну. Отпарюсь".

А мы с мамой и тёткой Прасковьей ничего, моемся. Согнёмся, сгорбатимся и протиснемся в двери. А в бане можно и сидя на лавочке

мыться, не вставать во весь рост. Даже попариться в другой раз потянет. Хороший дух, вольный в такой бане. Потому что каменка из кирпича сложена. А не из железа сварена – пока топится тепло, а прогорит и не попаришься. Опять надо подбрасывать дров.

А эта выстоится, и заходи парься. Хорошо разопревает с берёзовым веничком. Всю усталость после работы снимает.

Мама опять баню затопила, а я пошёл к ручью, к роднику, где решил глину на пробу взять. Бело-серая такая. Попробовать обжечь – какая потом по цвету будет. Кругом всё красно-жгущиеся глины попадают. В последнее время я мало рисую красками. Керамикой увлёкся и рассказами о природе. Да вот грибная охота настала. Тоже своего рода почти нестерпимая страсть. Источник радости. На природе побывать – это ли не прелесть, особенно осенью. Тут и грусть, и очарование, всё вместе. Так и тянет в лес. Сухих груздочков поискать. Или других каких. И ягод побрать. И, конечно, полюбоваться и наполниться духом щемящее-увядающей красоты...

ВСТРЕЧА

На автовокзале я заметил давнего знакомого – друга детства, когда ещё в землянках, в пятидесятых годах жили рядом. Я подошёл, поздоровался, но себя не называю. Он смотрел, смотрел, но так признать и не смог. Я был с бородой, с которой уже не расстаюсь лет двадцать пять. А с Петром мы не виделись с тех пор, как разъехались из деревни после окончания семилетки. Лет тридцать прошло. На автовокзале я увидел мужчину с крупной головой, с некогда пышной шевелюрой, но теперь с глубокими залысинами. Лицо полное, с умными добрыми серыми глазами. Роста он был выше среднего, ширококостный, плотный, твёрдо стоящий на ногах, но с чуть заметной сутулостью. И какой-то немного потерянный... Одет он был в пиджачную пару коричневатого серого цвета, в тёмно-синей рубашке. В руках уже ставший немодным, объёмистый кожаный портфель. Сели в автобус. Он на сиденье, а я стоял рядом. Так и ехали мы до своей малой родины, до своей родной деревни, называемой когда-то совхозом им. Будённого, которую теперь переименовали в участок Октябрь. Я стоял, храня тайну о себе и слегка улыбался, вспоминая наше детство в землянках...

После, когда я привёл его к моей маме, он узнал её — это тётя Настя!

А ты, значит, Лёнька Задорин! Меня до школы звали все ребята и взрослые Лёнькой. А фамилия матери была Задорина. И у бабушки с дедушкой тоже была фамилия Задорины. Отца у меня не было... Вот поэтому меня все звали Лёнькой Задориным. И в первом классе учительница мне подписала тетрадки – Задорина Лёни. Витя Кулаков – тоже друг детства, и теперь меня Леонидом навеличивает. Потом всё-таки раскопали метрики и из них узнали мою настоящую фамилию – Мехонцев Алексей. Ребята в деревне так до окончания школы звали Лёнькой. Это уж в техникуме я стал Лёхой.

Вот так мы с Петром и познакомились через тридцать лет снова. После путешествия к родным черёмухам, берёзам и тополям, что остались на месте наших землянок, мы договорились писать друг другу. Но судьба свела нас только через десять лет...

...Девять лет назад Пётр приезжал в Шадринск в командировку, но встретив в городе мою маму, которая обсказала всю мою семейную трагедию, так и не решился приехать ко мне в тот тяжкий и дико страшный для меня час... Как я пережил его... Да и переживу ли... Не знаю... В прошлом году я послал Петру свою первую книжку. Он ответил мне письмом и пообещал приехать. Я ходил по вокзалу, всматривался в лица прибывших из Омска пассажиров, но Петра не нашёл. И он мне не написал – почему не приехал. Прошёл год. Подхожу к автобусной станции, смотрю – наш автобус в Полевую уже стоит. Вижу Пётр стоит. Как не пролетело и десяти лет. Всё тот же крепенький и коренастый мужчина. Но чуточку сутулее. Но с тем же объёмистым портфелем. Обнялись. Он приехал опять в командировку и решил заглянуть ко мне. Вот так и встретились. Поехали ко мне домой. Долго говорили. А утром рано он пошёл на гору, чтоб уехать в Октябрь на родину. А я, сделав свои дела в городе, тоже погнал его догонять на попутных. Взяли Витю Кулакова, третьего нашего друга детства и пошли на пруд, вспомнить прошлое. Потом ночью ходили искали в зарослях свои землянки...

Всё как-то не очень душевно получилось. Всё быстрее, быстрее. И разъехались на другое утро. Что осталось в памяти. Ничего! И вот недавно получаю от Петра письмо. Он просит меня написать новую книжку – о нашем детстве. За эти годы, пока он обещал приехать, я написал ещё две книги. У меня, конечно, была своя задумка написать о детстве. Она просто совпала с нашим общим желанием, после наших бесед и воспоминаний. Чем я теперь и занимаюсь, возвращаясь памятью в свое и наше такое недавнее прошлое. Раз нет ничего святого в будущем...

СУДЬБА ЕМУ БЫЛА УГОТОВАНА С ИЗЛОМОМ

Щедр на талантливых людей край шадринский. Мы по праву гордимся именами Бронникова, Шадра, Носилова, Мальцева. Однако рядом с нами живут не менее интересные люди, о которых в будущем наверняка будут писать с любовью и восхищением. Так давайте их ценить при жизни, отдавать должное творчеству одарённых земляков.

...За всем многогранным творчеством А.А.Мехонцева видится труд, ежедневный, кропотливый, порой мучительный, но такой вдохновенный. Выставки картин художника, представленные серией пейзажей, натюрмортов, так и светятся любовью к отчему краю, греют душу своей искренней и неброской красотой. Л.Овчинникова, В.Иовлева, Л.Осинцев, Г.Медведева, Ф.Русакова, А.Бритвин и др. единодушно отмечают, что литературное творчество Алексея Мехонцева наследует лучшие традиции М.Пришвина и К.Паустовского. С теплотой вспоминают невыдуманные рассказы А.Мехонцева “Всё пережили”, вышедшие в 1996 году. В них колоритно переданы Шадринский говорок, все нюансы нашего зауральского быта и, право, жаль, что книга не востребована широким кругом читателей, особенно молодыми, да и учителя словесности и истории в школах могли бы с успехом взять её в свой багаж.

Вся личная и творческая судьба Алексея Андреевича – это преодоление и устремлённость в будущее. Идёт он через настоящие тернии к своей Мечте: Чтоб на земле, в том числе и Шадринской, появилось как можно больше родственных душ, тогда создастся огромное положительное биополе и приблизится эпоха Света, Любви и Гармонии. А пока утверждением красоты поэт А. Мехонцев приближает эту мечту:

...О Русь! Ты Родина моя!

Мне Бог тебя с любовью дал!

И чтоб нам Родину понять –

Три слова надо вспоминать:

Любовь, Россия, Святость...

Самой большой оценкой благодарных почитателей таланта Мастера можно считать признательность за то, что он возвращает нас в детство: будь то бабушкины рассказы или новые стихи о лугах и плёсах, картины с натуры или разноцветные игрушки из глины. Спасибо Вам, Алексей Андреевич, за лучезарную радость таких встреч и новых Вам творческих озарений!

О. Осипова

**Автор вступительной статьи составитель
каталога Чудинов Ю.В. — искусствовед
Екатеринбургского музея изобразительных искусств**

Выставка «Шадринские были» знакомит с творчеством Шадринского художника и литератора Алексея Мехонцева. На ней экспонируется сто двадцать одно произведение керамики, живописи и графики.

Искусство керамики в последние годы становится приоритетным направлением в творчестве А. Мехонцева, поэтому на выставке широко представлены керамические работы. Интерес художника к глине оправдан. С этим материалом связаны детские воспоминания мастера, поскольку лепка из глины была излюбленным развлечением деревенских ребят... Без темы малой родины невозможно представить творчество А. Мехонцева. Если в живописи и графике художника прежде всего увлекает красота природы Зауралья, то искусство керамики позволяет ему приблизиться к фольклорным истокам. Несомненно, близость к стихии народного творчества определяет облик керамики мастера. Традиционно сохранена связь с утилитарным назначением работ; художник создает детские игрушки (преимущественно свистульки), подсвечники, горшочки, вазы, при этом он прибегает к нарочито грубоватой лепке. Крупные локальные мазки гуаши или темперы образуют нарядное пестроцветье росписных работ («Гусь шадринский», «Дама с собачкой», «Дама с корзинкой»). Во многих произведениях художник отказывается от цветовых решений, и, тогда, особая роль отводится естественной окраске самого материала. Тонко чувствуя выразительные возможности глины, А. Мехонцев выигрышно использует ее различные оттенки. Применение лака позволяет придать глине большую визуальную плотность («Музыкант с бубном», «Девушка в травах», Свистулька «Материнство»).

Ряд работ А. Мехонцева тяготеет к станковой скульптуре малых форм. Необычное пластическое решение отличает статуэтки из серии «Старик со старухой». Автор лепит тела персонажей соединяя их спинами, составив единую фигуру. При этом лица-маски старика и старухи являются оборотными сторонами друг друга. В фактуре лепки и выборе пропорций «Ангела», «Скорбящего» и других виден отход от фольклорной пластической трактовки. При создании женской фигуры («Похищение Европы») художник ориентировался на классические образцы, используя выразительные средства, адекватные мифологическому сюжету: гладкая лепка, античный тип модели.

Обращает на себя внимание и многообразие тематики керамики А. Мехонцева. Представлен портретный жанр с элементами шаржа («Портрет друга», «Автопортрет») и анималистика. В трактовке образов зверей преобладает декоративность (Свистульки «Лебедь», «Петушок»), иногда она носит гротескный характер (Свистульки «Волчица на баране», «Корова на коте»). Если в «Царе» присутствует сказочное начало, то лишённые голов, нарядно украшенные бронзовой краской фигуры в мундирах («Генерал», «Всадник без головы») несут в себе заряд язвительной сатиры. Для создания гротескного образа, через который выражено ироничное отношение к попыткам монархической реставрации, автор вводит атрибуты самодержавия (Подсвечник «Россия»). Шаржированная форма жанровых сенок (Композиция «Мужики», «На пороге светлого будущего») не скрывает авторское сочувствие к человеку.

Тема малой родины, как было отмечено выше, занимает ведущее место в живописи и графике А. Мехонцева. 1980-е годы были для художника временем особенной увлеченности масляной живописью. Пейзажи «К вечеру», «Травы», «После грозы» написаны энергичными пастозными мазками в сдержанной гамме синих, зеленых и коричневых тонов. Порой художника увлекает самый повседневный мотив («Сентябрь. Сарай»). В «Руси» немаловажную роль играет подбор характерных примет отечественного ландшафта (сельская церковь, озеро с мостками).

Среди живописных работ, безусловно, выделяются «Подсолнухи» и «Натюрморт с татарником». Оба натюрморта мастерски написаны сочными яркими красками и словно обобщают достижения автора этого периода. Выполненные в теплой цветовой гамме, поникшие от жары подсолнухи еще сохраняют солнечную желтизну лепестков, а приобретенные в результате увядания, фиолетовую окраску цветы татарника хорошо гармонируют с холодными красными драпировками, на которых лежит череп архара- своеобразный символ быстротечности времени.

Графические работы, выполненные в технике акварели, гуаши и пастели достаточно полно представлены на выставке. Просвечивающая сквозь красочный слой фактура бумаги подчеркивает сумрачность облаков в акварели «по-сырому» «Дыхание осени». Разноцветье листвы деревьев приглушено серым дневным светом, что усиливает графичность работы. Пасмурная погода особенно хорошо удаётся художнику. Таков пейзаж «Луч солнца» (акварель «по-сырому») где световой эффект усиливает драматичность ненастья. Гуашь «Пейзаж с бань-

кой» и акварель «по-сырому» «Оттепель» изображают пасмурный день ранней весны. Полупрозрачной, с размывами, акварелью выполнены бесформенные облака и потемневшие от влаги, подтаявшие сугробы. Более плотная и материальная гуашь, нанесенная энергичными лессировками, сближает «Пейзаж с банькой» с театральной живописью. Интересно композиционное решение «Пейзажа с сорочьим гнездом» (гуашь) - крупные неяркие пятни крыши деревенских домов показаны с высокой точки зрения, отчего дома кажутся предельно сближенными между собой. Пастель «Дым Отечества...» выделяется изысканностью колорита. На смену обычно сдержанной гамме приходит сочетание синего, голубого, светло-коричневого, розового с отдельными включениями штихов алого и оранжевого.

Нестандартное композиционное решение найдено в натюрморте с элеметами жанра «Цветы из карьера». Если в работах «Астры» и «Астры со свистулькой» А. Мехонцев пишет гуашью достаточно обобщенно, стремясь, прежде всего, разработать цветовую нюансировку, то здесь он изображает цветы с аналитической тщательностью искусства 1970-х годов. Поставив их на передний план и сделав вид работающего карьера лишь фоном для букета, художник явственно выразил свою позицию, утверждающую приоритет живого над индустриальным. В отличие от натюрмортов с садовыми цветами, где преобладает насыщенный холодный колорит крупных пятен бордового, красного, сиреневого и белого «Астры со свистулькой», либо различных оттенков красного «Астры», данная работа выглядит светлой и словно выгоревшей от солнечного света. Художник любит полевые цветы, бережно выписывая каждую деталь. Корни цветов, опущенные в стеклянную банку, изображены на охристом фоне разрытой земли, а преимущественно желтые, головки устремлены к небу.

Пастельные работы А. Мехонцева последнего времени свидетельствуют об усиливающемся интересе художника к портретному жанру «Портрет Юрия Юдина» и осмыслению духовной сущности бытия «Апостол». «Общение с Небесами». Возможно, обе наметившиеся тенденции получат развитие в будущем.

Выставка «Шадринские были» знакомит с различными сторонами творчества А. Мехонцева. Трудно предсказать его дальнейшую эволюцию. Наиболее сильным качеством этого художника является непрерывный поиск новых средств выражения своего внутреннего мира и передача красоты внешнего.

Участие в выставках Мехонцев Алексей Андреевич

Родился 20.04.1944 года в селе Понькино Шадринского района Курганской области. Два года занимался в изостудии ДК им. Горького г. Свердловск у Губернаторова Федора Васильевича.

Учился на художественно-графическом факультете у Багаева И. и у Мальчикова И. в Нижнее-Тагильском государственном педагогическом институте (1971-1976).

12 лет преподавал в Шадринской художественной школе живопись, рисунок, композицию.

С 1998 г. преподаёт живопись и композицию на художественно-графическом факультете Шадринского государственного педагогического института.

Участие в выставках:

1969 г. г. Свердловск. ДК им. Горького. (3 акв.)

1974 г. Городская выставка г. Шадринск (7 работ).

1975 г. Выставка преподавателей художественной школы г. Шадринск (5 работ).

1976 г. Городская выставка г. Шадринск. (4 работы).

1976 г. Выставка «трех преподавателей» художественной школы г. Шадринск (12 работ).

1977 г. Областная осенняя выставка (С/х) г. Курган. (2 работы).

1978 г. Областная выставка рисунка (с/х) г. Курган. (2 работы).

1978 г. Областная молодежная выставка (с/х) г. Курган. (3 работы).

1979 г. Городская выставка г. Шадринск (10 работ).

1979 г. Областная весенняя выставка (с/х) г. Курган, (2 работы).

1979 г. Областная осенняя выставка (с/х) г. Курган. (3 работы).

1980 г. 7-я городская г. Шадринск (5 работ).

1981 г. Областная весенняя выставка (с/х) г. Курган (3 работы)

1982 1981 г. Выставка графики г. Шадринск (7 работ).

1981 г. Областная осенняя выставка (с/х) г. Курган (3 работ), с этой выставки Областной художественный музей приобрел две работы.

1982 г. Областная выставка преподавателей художественных школ области г. Курган (3 работы)

1983 г. Городская выставка г. Шадринск (5 работ)

1984 г. Областная весенняя выставка (с/х) г. Курган (4 работы)
1984 г. Областная выставка "Наше Зауралье" (с/х) (1 работа - пейзаж "Август" г. Курган)
1989 г. Персональная выставка в Шадринском драмтеатре г. Шадринск (30 работ)
1989 г. Персональная выставка в краеведческом музее г. Шадринск (35 работ, есть каталог)
1990 г. Персональная выставка графики в драмтеатре г. Шадринск (20 работ)
г. Городская выставка объединения "Сурикова 31" г. Екатеринбург (4 работы)
1992 г. Городская выставка объединения "Сурикова 31", г. Екатеринбург (3 работы)
1993 г. Городская выставка объединения "Сурикова 31", г. Екатеринбург (3 работы)
1994 г. Персональная юбилейная - 25 лет творчества и 50 лет со дня рождения. Краеведческий музей г. Шадринск (120 работ, есть каталог)
1995 г. Международный фестиваль народного творчества г. Челябинск (3 работы)
1995 г. Городская выставка в центре русской культуры "Лад" г. Шадринск (15 работ)
1995 г. Персональная выставка в магазине "Книжный мир" г. Шадринск (21 работа)
1995 г. Городская выставка акварели в краеведческом музее г. Шадринск (5 работ)
1995 г. Персональная выставка в школе №7 г. Шадринска (10 работ)
1995 г. Персональная выставка в библиотеке села Демино (12 работ)
1995 г. Персональная выставка в столовой села Барневка (10 работ)
1995 г. Персональная выставка в клубе села В. Полевая (15 работ)
1996 г. Персональная выставка в училище №14 для художников-оформителей г. Шадринска (12 работ).
1997 г. Персональная выставка в городской библиотеке г. Шадринска (20 работ)
1998 г. Персональная выставка в школе села Ключи. Проведение праздника 12 июня — "День защиты детей" (рисунок на асфальте) (15 работ)
1999 г. Персональная выставка в Шадринском пединституте (30 работ)
1999 г. Персональная выставка в музее изобразительного искусства г. Екатеринбург (121 работа - живопись, графика, керамика), с этой

выставки музей приобрел 4 работы.

1999 г. Выставка преподавателей художественно-графического факультета к 60-летию пединститута г. Шадринск (30 работ)
1999 г. Персональная выставка в школе №15 г. Шадринск (10 работ)
2000 г. Выставка работ студентов и преподавателей художественно-графического факультета. Шадринский пединститут (3 акварели)
2001 г. Персональная выставка к 105-летию юбилею со дня рождения Терентия Семеновича Мальцева. Село Мальцево (30 работ, масло)
2001 г. Выставка работ студентов и преподавателей художественно-графического факультета. Шадринский пединститут (7 работ, акварель)
2002 г. Персональная выставка в Шадринском краеведческом музее. (33 работы, акварель «Мой край родной»)
2003 г. Май. Персональная выставка в Шадринском краеведческом музее (47 работ. Графика — «На берегах Исети»)
2003 г. Октябрь. Персональная выставка в Шадринском краеведческом музее (44 работы. «Цветы и цвета». Акв., паст., масло).
2004 г. Февраль. Персональная выставка в музее Т. С. Мальцева к 60-летию Шадринского района. (15 работ. Масло). д. Мальцево.
2004 г. Апрель. Персональная выставка в Шадринском краеведческом музее (100 работ. Акв., паст., масло). 35 лет творчества и 60 лет со дня рождения.

Мехонцев Алексей Андреевич

преподаватель живописи

(Шадринский государственный педагогический институт, художественно-графический факультет)

Перечень основных работ (акварель, гуашь, пастель)

1976 год

Утро туманное. Б.акв. 41x36

Автопортрет б.г, 39x50

1979 год

Летний пруд. Б. г, 35x47

1981 год

Дыхание осени. Б. акв. 32x39

Натюрморт с ливерной колбасой. б. г. 4фс31

Пейзаж с банькой. Б. г. 40x51

1982 год

Гладиолусы. Б. акв. 34x42.

1983 год

Осенний пруд. Б. г. 27x3

1984 год

На Тоболе. Б. акв. 27x40

1985 год

Весенний пейзаж. Б. акв. 34x44

За Уралом. Б. г. 61x73

Оттепель. Б. акв. 42x58

Осенние облака. Б. акв. 51x71

Цветы из карьера. Б.г. 49x75

Засохшие цветы. Б.г. 51x71

1987 год

Заводской район. Б.г. 43x56

Пейзаж с сорочьим гнездом. Б.г. 40x50

Вечерний свет. Б.г. 40x50

1988 год

Весенний двор. Б.г. 56x46

Зимнее утро. Б.акв. 40x55

Пасмурный день. Б. г. 30x40

Астры. Б.г, 49x54

1989 год

Астры. Б.г, 47x54

Полевые цветы. Б.г. 47x54

Вечереет. Б. акв. 33x45

Ходят тучи. Б. акв, 35x47

Весной на Исети. Б. акв, 34x45

Луч солнца. Б. акв. 34x45

Вечер, б, акв. 34x45

Герань. Б. акв. 35x49

1990 год

Серебристая весна. Б. акв. 34x40

Весенний вечер. Б.г. 36x 48

Цветы и фрукты. Б. акв. 34x40

1991 год

Астры и свистулька. Б.г. 60x70

Свежая почта. Б. г. 71x51

Автопортрет. Б.г. 30x40

1992 год

У черного моря. (Март) - б. акв. 32x39 - 3 шт.

Первая пороша. Б. пас. 19,5 x 28

“Кавказские горы”. Б. пас. 32x39 - 5 работ.

Черемуха. Б.г. 37x47

Осенний день. Б. г. 41x34

1993 год

Забывтое богом место. Б.г. 40x57

Из жизни Иисуса. Б.г. 41x44

1994 год

Графика - (линогравюры), серия “Отчий дом”. (5 работ.) 22x30

1995 год

Графика (линогравюры), серия “Берега Исети”. (5 работ) 50x60

1996 год

Написал и проиллюстрировал свои книги:

1). От капли до капли — 1994 г.

2). Все пережили — 1996 г.

3). Устремление — 1997 г.

- 4). К источнику — 2002 г.
5). Айда с Богом — 2004 г.

1997 год

- Дым отечества. Б. пас. 34x41
Наедине с вечностью. Б. пас. 42x32
“Из больничного окна”. Б. пас. 9x11 Серия из 5 работ.

1998 год

- Портрет А. Кулакова. Б. пас. 37x28
Апостол. Б. пас. 42x30
Автопортрет. Б. пас. 40x32
Портрет Ю. Сеначина. Б. пас. 30x43
Портрет Андрея. Б. пас. 38x43

1999 год

- Пророк. Б. пас. 29, 5x42
Общение с небесами. Б. пас. 38x31
Портрет Ю. Юдина. б. пас. 38x31
Автопортрет “Эзотерический”. Б. пас. 29x42
Майская улица. Б. пас. 41x29
Путники, б. и. 28x41

2000 год

- Лето. Б. п. 21x19
Майская зелень. Б.п, 19,5x28
Натюрморт с ромашками б.п. 66x49
Автопортрет. Б.п. 30x42
Натюрморт с барыней. Б.п. 40x39

2001 год

- Закат. Б.п. 30x42,5
Весна. Б.п. 30x35
Натюрморт с подковой. Б.п. 58x41
Осенний автопортрет. Б. п. 42x40
Букет сирени. Б.п. 58x55
Автопортрет. Б.п. 29x36
Июнь. Б.п. 28x30
Первые проталины. Б. п. 30x37

2002 год

- Весенняя улица, б. п. 20x38
Автопортрет, б. п. 40x29
Август б.п. 29x23

- Мартовское солнце, б. п. 3 0x41,5
Сентябрь, б. п. 25x30
Май.б.п. 29x20
Автопортрет.б.п. 30x35
Окрестности Шадринска.бп 21x29 Серия из 5 работ

2003 год

- “Райгород”. Б.п. 28x29
“Библейская серия”. 25x35 - 10 работ

Перечень основных работ Живопись. Масло

1970 год

- Вечер. д. Октябрь, к. м. 23x32

1973 год

- Апрель.к. м. 29x41
Осенний пруд. К.м. 25x40

1974 год

- Осенние листья. К.м. 49x39

1975 год

- После дождя.х.м. 61x79

1976 год

- Зимняя дорога, х.м. 80x102

1977 год

- Весенний вечер. Х.м. 47x66
Весна, к.м. 28x43

- Окраина деревни х.м. 50x60 (дома, которых уже нет)

1978-1980 годы

- Трудные годы.х. м. 114x 120

1981 год

- Деревенский поэт. Х.м. 81x124
Август.х.м. 72x102

1982 год

- Летний двор. Х.м. 78x86
Русь. к.м. 57x50

1983 год

- Июнь.к.м. 48x63

1984 год

- На воле.х.м. 60x68

Поскоти́на, к.м. 50x68
Цветет черему́ха, к.м. 50x68
После грозы, к.м. 50x68
Зима, к.м. 50x40
Последний снег. К.м. 40x50

1985 год

Зимний двор, к.м. 50x69
Осенний свет, к.м. 50x69
В лесу, к. м. 50x69
Осенний пейзаж, к.м. 35x50
В лугах, к.м. 38x49
Ба́бье лето. К.м. 40x50

1986 год

Грустная пора, К.м. 35x50
Утро, К.м. 50x68
Школьный двор, К.м. 50x69
Светлый вечер, к.м. 35x50
Вечернее солнце, К.м. 40x50

1987 год

Травы, к.м. 35x50
Мир земле, х. м. 122x 139

1988 год

Разлив на Исети, к.м. 49x67
Розовое облако, к.м. 40x50
Натюрморт с веткой яблони, К.м. 70x50
Плывут облака, к.м. 35x50
Полевые цветы, к.м. 80x50 Астры, к.м. 80x50
Стога, к.м. 35x50
Натюрморт с перцем, к.м. 42.48

1989 год

Подсолнухи, к.м. 80x50
Сентябрь. Сарай, К.м. 50x40
Распутица, к.м. 50x40
Март, к.м. 35x52
Натюрморт с черепом барана, к.м. 80x50
Черемуховые холода, К.м. 80x50

Библиография

1. А. Сатмин — научный сотрудник Шадринского краеведческого музея — «Две страсти» — каталог выставки, октябрь, ноябрь 1989 г.
2. М. Зуева — научный сотрудник Шадринского краеведческого музея — «Юбилейная выставка», «Автоагрегат», №18 1994 г.
3. П. Суровцев — редактор газеты «Шадринский курьер», «50 капель художника», №5 1994 г.
4. «От капли до капли» — газета «Исеть», №46 1994 г.
5. С. Анчугова — научный сотрудник краеведческого музея — «К 25-летию творческой деятельности», «Шадринский курьер», №59 1994 г.
6. А. Сатмин «Выставка в музее» — «Автоагрегат» № 44 1994 г. (каталог выставки)
7. С. Чепесюк «Чистые краски Алексея Мехонцева» «Исеть» №131 1994 г.
8. О. Осипова — корреспондент газеты «Шадринский курьер», «Извечная загадка русской души», «Шадринский курьер» №97 1995 г.
9. О. Осипова «Судьба ему уготована с изломом», «Шадринский курьер» №77 1997 г.
10. Ю. Чудинов - искусствовед музея изобразительного искусства (составитель каталога выставки) г. Екатеринбург «Яркие были Мехонцева», газета «Вечерний Екатеринбург» №139 1999 г.
11. А. Мехонцев «Праздник для художника», «Шадринский курьер» №83-84 1999 г.
12. «Мехонцев Алексей Андреевич - художник, поэт, писатель...» «Твоя газета» №1 1999 г.
13. С. Райшис, мл. научный сотрудник краеведческого музея «К родному Источнику» газета «Шадринский курьер» №145-146. 18.12.2002 г.
14. С. Райшис, мл. научный сотрудник Шадринского краеведческого музея. «К родному источнику». Газета «Исеть №2, 9-14 января 2003 г.
15. О творчестве снято три видеофильма Шадринским телевидением, один фильм Екатеринбургским телевидением и один — курганским телевидением
16. П. Малофеев. «Устремления художника». Газета «Шадринский курьер», № 91—92, 6.08.2003 г.
17. Н. Кокорина. «Далекие и близкие берега Алексея Мехонцева». Газета «Исеть» № 34, 20.08.2003 г.
18. «Цветы и цвета» Алексея Мехонцева. Газета «Шадринский курьер» № 127—128, 29.10.2003 г.

Об авторе

Родился в Шадринске в 1944 г. Детство прошло в совхозе им. Буденного (ныне д. Октябрь Шадринского района Курганской обл., где и окончил школу семилетку. После окончания Шадринского автомеханического техникума работал в г. Комсомольске-на-Амуре, Свердловске, Шадринске. 3 года служил в ракетных войсках на Дальнем Востоке. С 1968 г. по 1970 г. занимался в изостудии ДК им. Горького у известного педагога—художника Губернаторова Ф. В. в г. Свердловске. С 1971 по 1976 гг. учился в Нижне-Тагильском педагогическом институте на художественно-графическом факультете.

Два года работал в сельской школе учителем рисования и черчения.

12 лет преподавал в Шадринской художественной школе.

10 лет работал художником—конструктором в отделе главного конструктора на Шадринском автоагрегатном заводе.

Участник более 40 выставок в городах Шадринск, Курган, Челябинск, Екатеринбург, из них 10 персональных.

Член объединения независимых художников г. Екатеринбурга — «Сурикова 31».

Две работы приобретены Курганским художественным музеем, четыре работы — Екатеринбургским музеем изобразительных искусств. Есть работы в частных коллекциях г. Шадринска Екатеринбург, Асбеста, Новосибирска, в Швейцарии.

С 1998 г. — старший преподаватель живописи на художественно—графическом факультете Шадринского государственного педагогического института.

Параллельно с занятиями живописью, графикой и керамикой увлекается литературным творчеством. Опубликованы рассказы в Шадринском литературно-художественном альманахе «Рассвет» (1994 г.) и в местной периодической печати с 1970-х годов в газетах — «Авангард», «Шадринский рабочий», «Шадринский курьер».

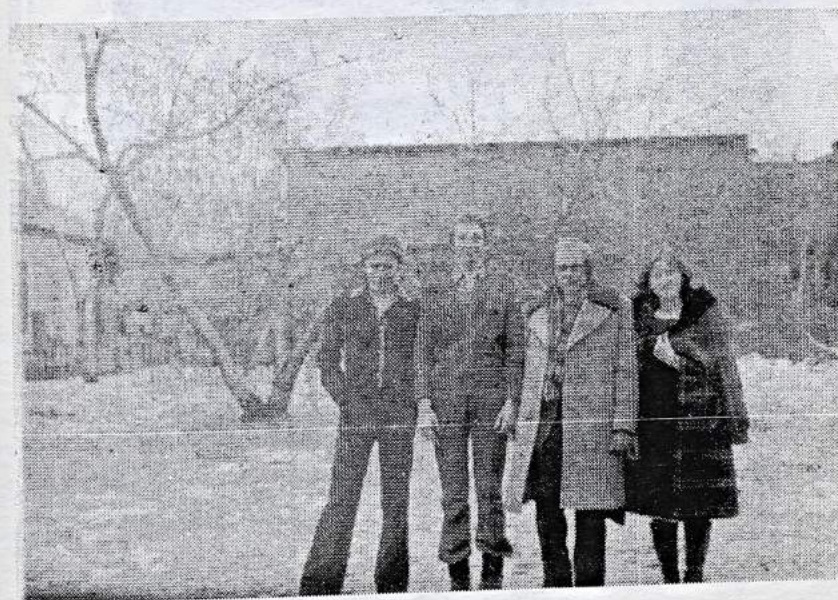
В 1994 году вышла первая книга рассказов о природе — «От капли до капли» с собственным оформлением.

В 1996 году — вторая книга «Все пережили». Третья — «Устремление» (стихи) — в 1997 г. Четвертая книга — рассказы о временах года — «К Источнику» — продолжает тему, начатую в книге «От капли до капли» — 2002 г.

Новая книга — «Айда с Богом!» — это впечатления о детстве и юности — в 2004 г.

Мехонцев А. А. (1-ый ряд, середина) — кл. руководитель 5 класса Ичкинской восьмилетней школы с. Ичкино, Шадринский р-он, Курганская обл.

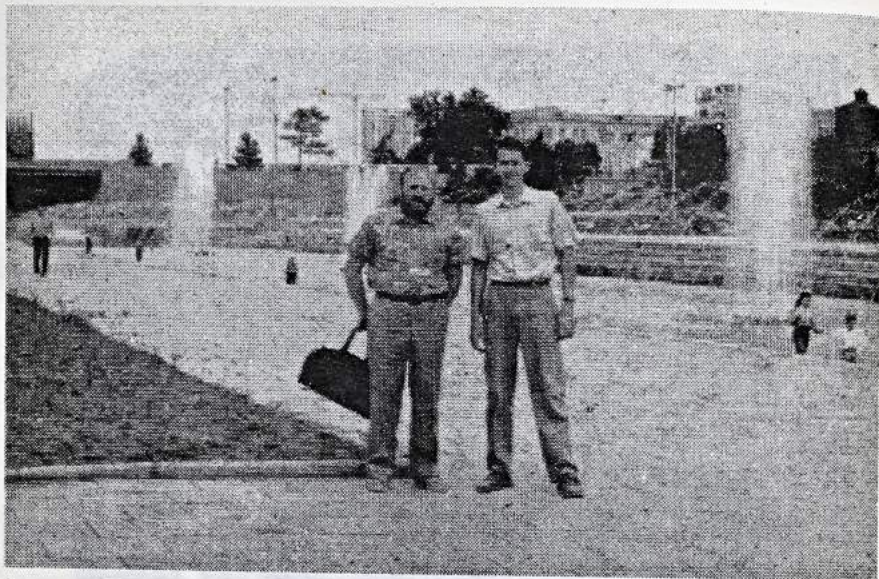
Во дворе шадринской художественной школы.
Слева направо: второй — Нестеров В., третий Мехонцев А. А., четвертая — Рахимова Г. 1976 г.

ШГПИ, ХГФ. Преподаватели кафедры ИЗО, 2004 г.

В мастерской живописи.
ХГФ, ШГПИ, 2002 г.

Екатеринбург. Выставка А. Мехонцева в музее изобразительных искусств,
1999 г. Слева Мехонцев А., Нестеров В.

Выставка живописи Мехонцева А. А.
ХГФ, ШГПИ 1999 г.

Путник. 1997 г.

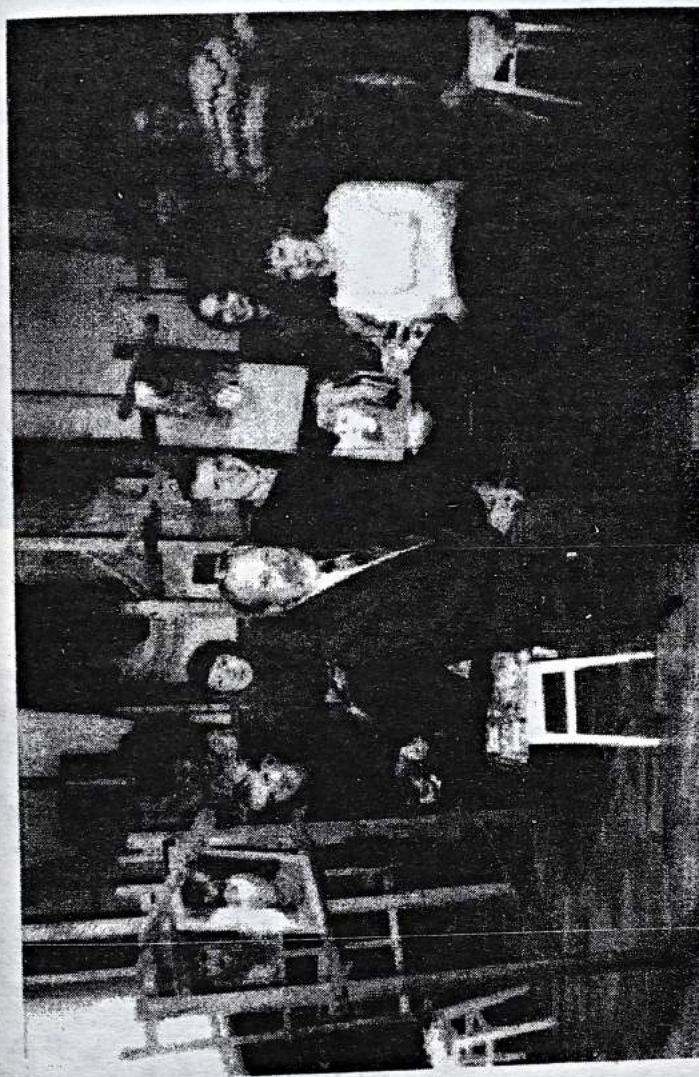
В мастерской, д. Верхняя Полевая, 2000 г.

Выставка керамики Мехонцева А. А.
1987 г. Центр «Лад»

Домашняя фотография 1990 г.
Мехонцева Н. П.
Мехонцев А. А.

ШГПИ, ХГФ. В мастерской живописи. Мои студенты 2004 г.

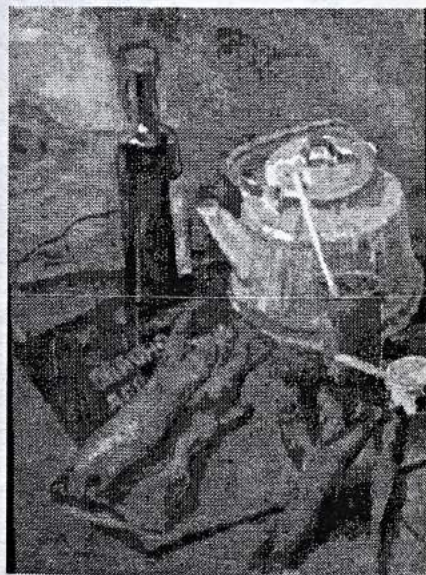

“Уж небо осенью дышало”.
Бумага-акварель, 1981 г.

“Гроза уходит”. Картон, масло 1985 г.

“Натюрморт с резиновыми перчатками”
Бумага гуашь, 1985 г.

“Натюрморт с веткой яблони”
1986 г. Картон - масло

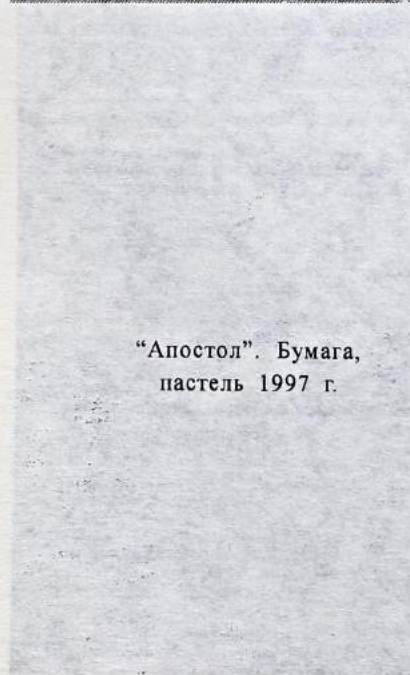

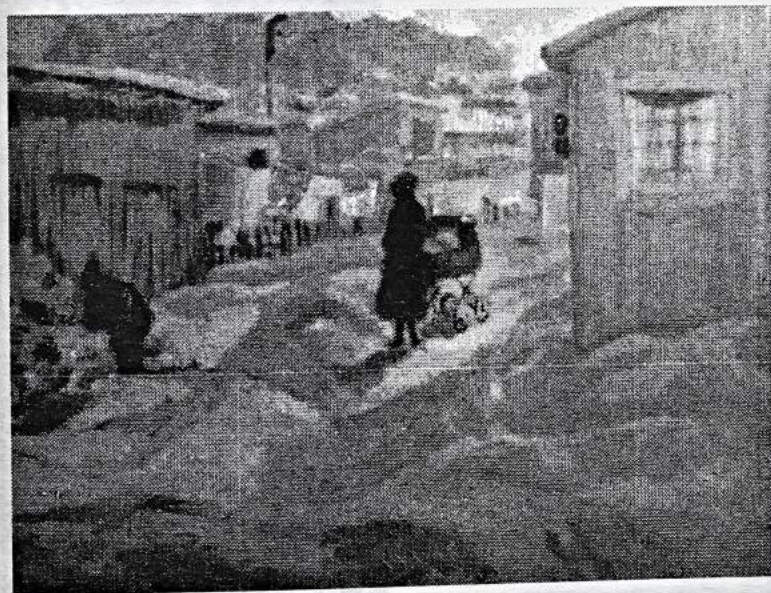
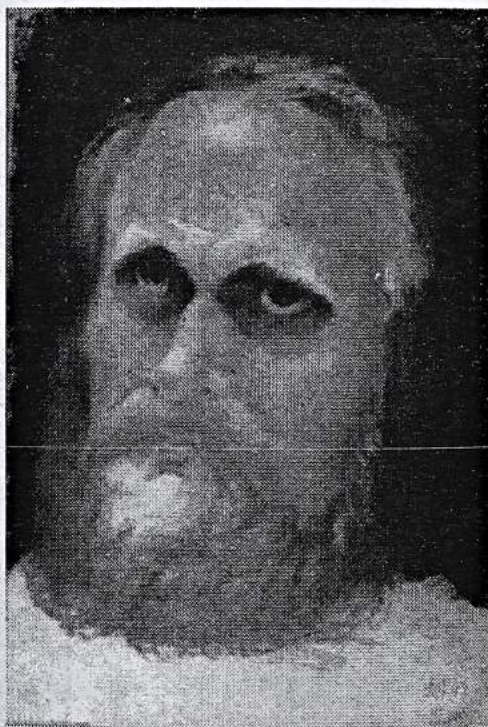
«Натюрморт с черепом барана»,
к. м. 1989 г.

«Весенние облака». Картон, масло. 1988 г.

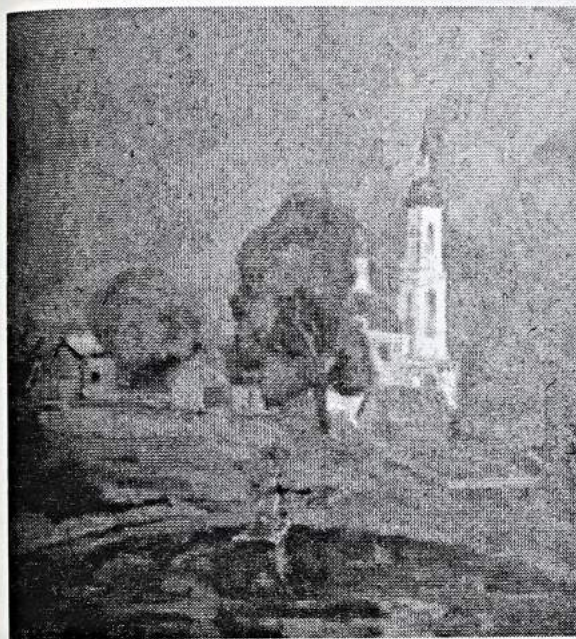
«Апостол». Бумага,
пастель 1997 г.

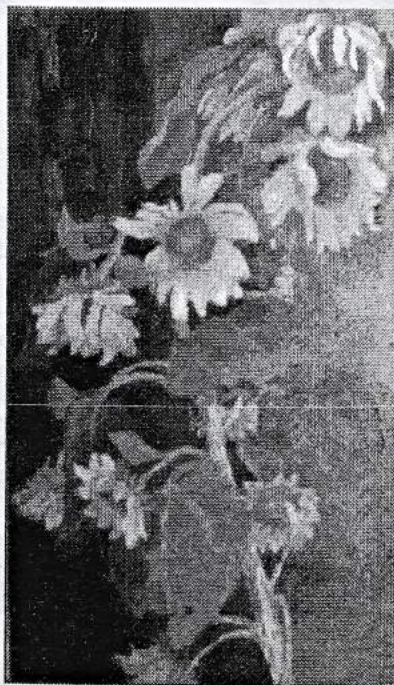
«Зимний двор». Картон, масло 1990 г.

“Натюрморт со свистулькой”.
Б. Гуашь 1990 г.

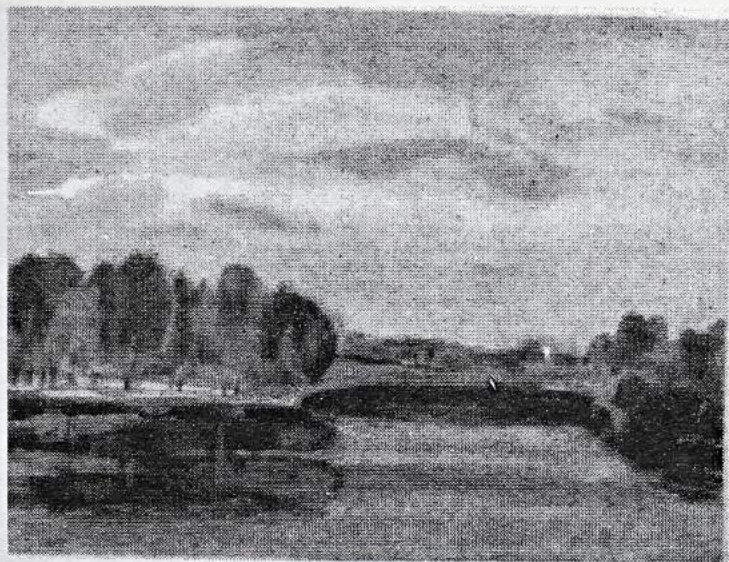
“Русь” к. м. 1990 г.

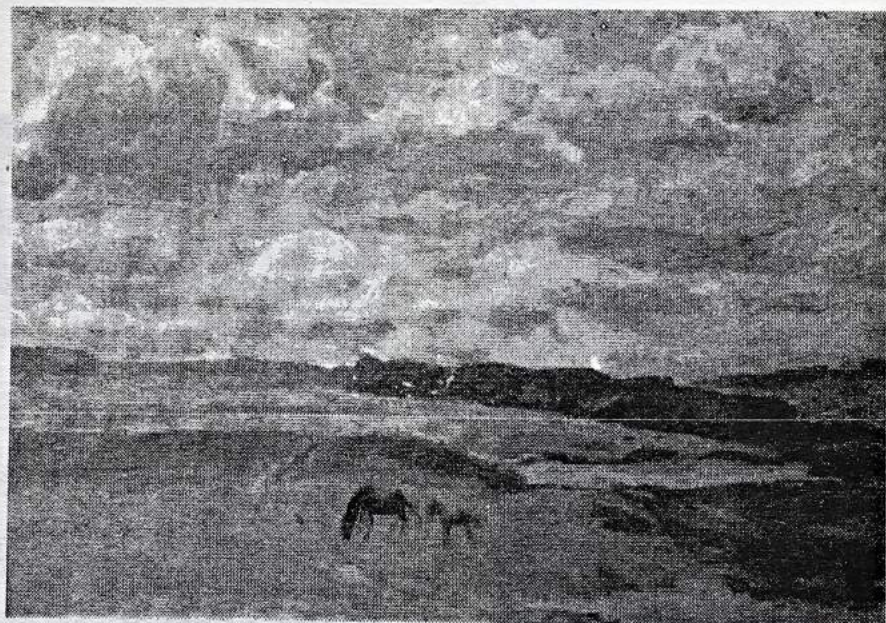
“Подсолнухи” к. м. 1989 г.

“Утро туманное...” Бумага, акв. 1978 г.

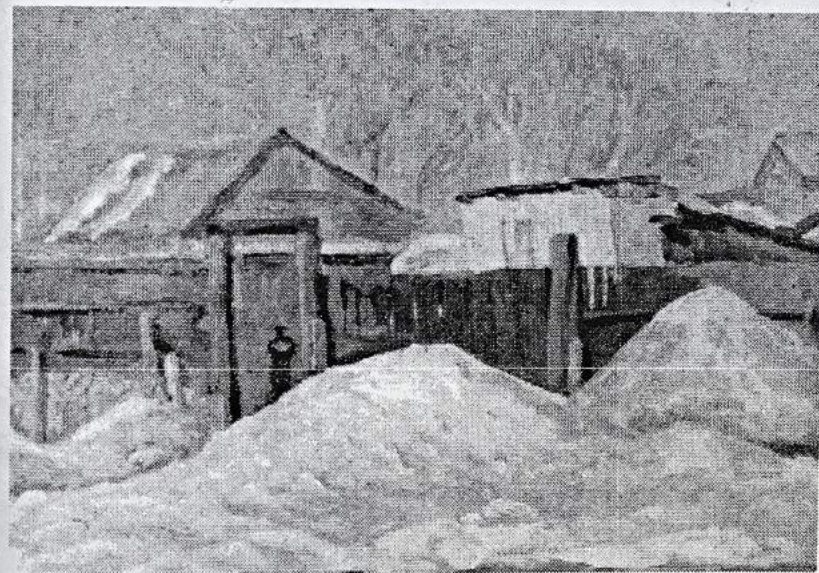

“Осенний пруд”. Б., акварель 1981г.

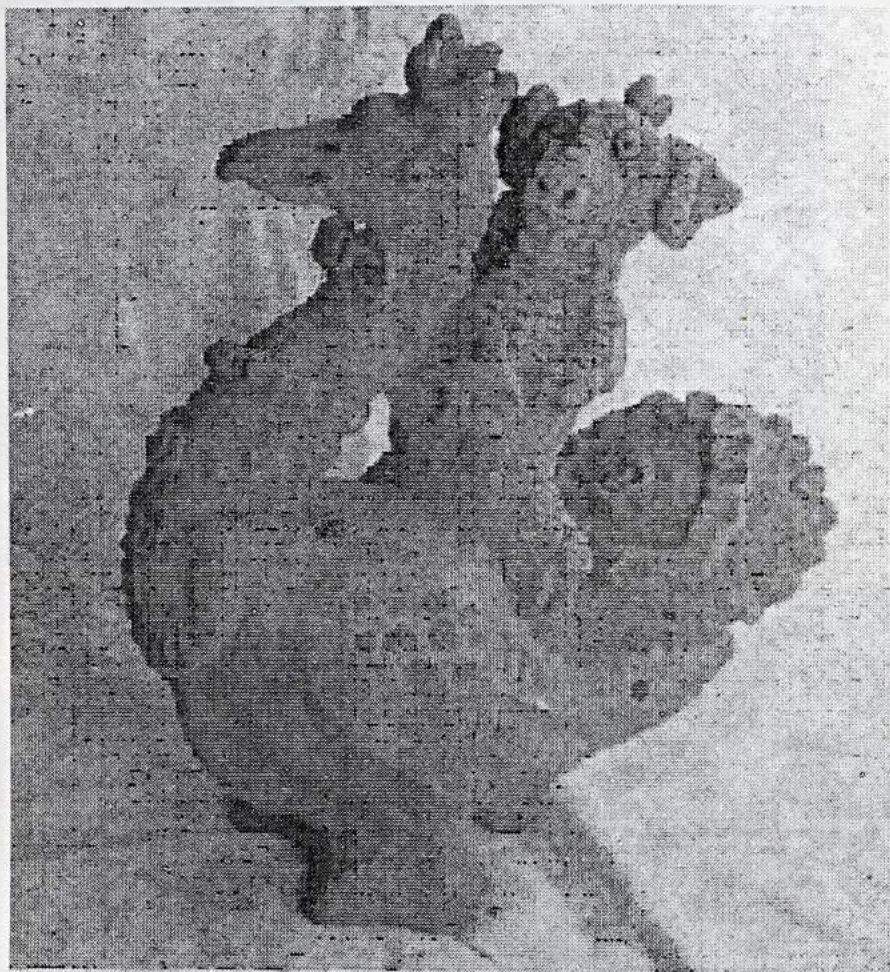

“На воле” к., м. 1987 г.

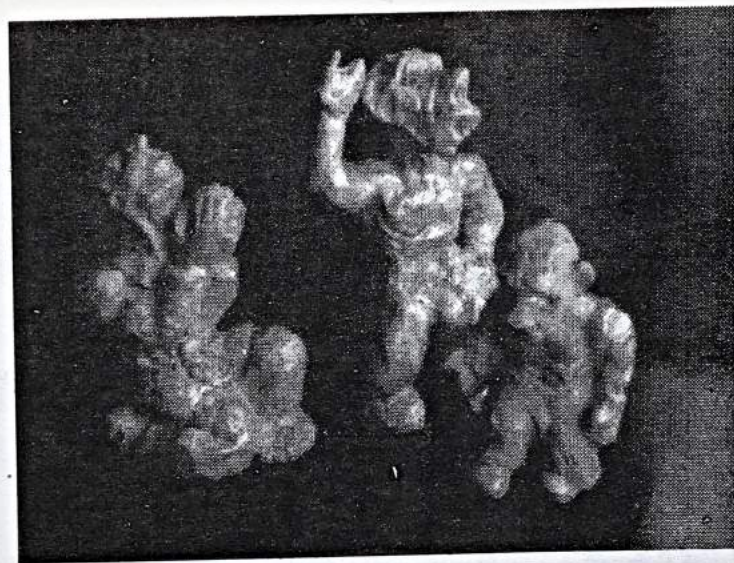
“Распутица”, к., м. 1986 г.

“Март”, к., м. 1987 г.

«Шадринский гусь».
Керамика, 1986 г.

«Мужики». Керамика 1986 г.

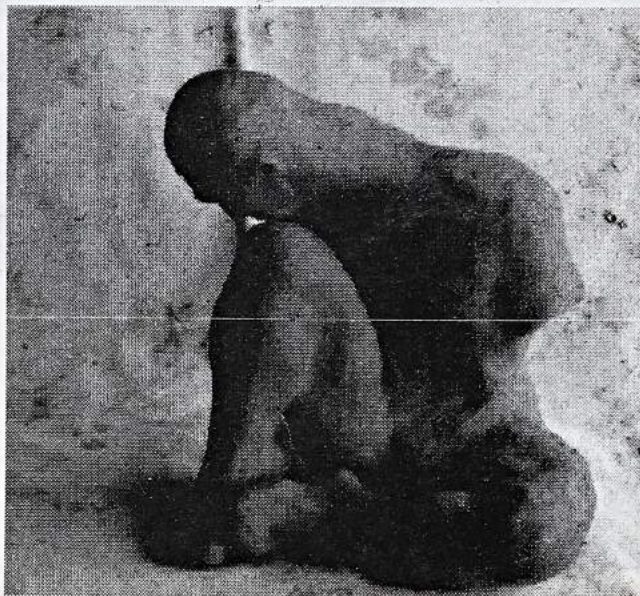
«Реквием», керамика, 1986 г.

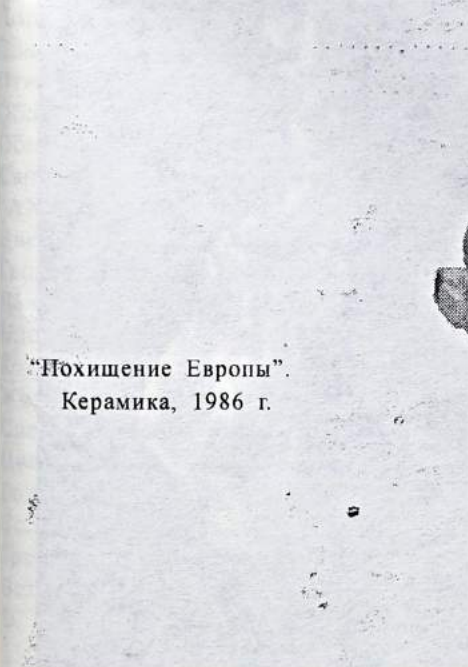
“Самодержавная Россия”.
Керамика, 1986 г.

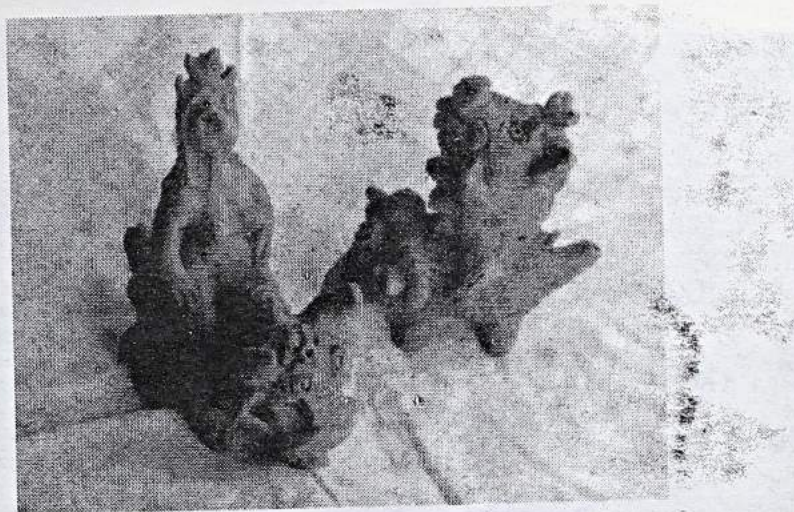
“На пороге светлого
будущего”. Керамика 1986 г.

“Защитник Отечества”.
Керамика, 1986 г.

“Похищение Европы”.
Керамика, 1986 г.

Свистульки — “Звериное царство”. Керамика. 1986 г.

“Голубятник”. Керамика. 1986 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Л.П.Осинцев. Вступительная статья	3
Отчий дом.....	5
Здравствуй, Родина!.....	6
В поисках прошлого.....	9
Ночная прогулка.....	11
Иммунитет прадедушки.....	15
Пучки да пиканы.....	17
Лето-припасиха.....	18
Айда с Богом!.....	20
Места купания.....	23
Банька по-чёрному.....	25
Реможник.....	27
Встреча с родной стороной.....	28
Маму жалко.....	28
Шалопаи.....	29
О друзьях детства.....	31
В молдавском краю.....	35
Медаль.....	39
На прополке.....	40
Пора сенокосная.....	41
Сладкие яблоки.....	46
Птица-орёл.....	48
Облака-монстры.....	50
Общение с небесами.....	53
Сапоги Сталина.....	53
“АХЧ”.....	59
Цвела черёмуха.....	61
Гармонист.....	64
Дождалась!.....	68
Прощайте белые лебеди.....	71
Контра.....	74
Живы будем - не помрём.....	76
Слезинки весны.....	79
Цветы вдовам.....	80
Родники детства.....	81
Солнечным днём.....	82
Грибная охота.....	83
Встреча.....	85
О. Осипова. Судьба ему была уготована с изломом.....	87

Алексей Мехонцев

Айда с Богом

Под редакцией автора

Сдано в набор 16.02.2004 г. Подписано в печать 8.04.2004 г.
Формат 84x108/32 Бумага офсетная.ю Гарнитура Роман. Усл. печ. л. 7,6
Заказ 1875. Тираж 300

Издательство ПО «Исеть» 641870, г. Шадринск, ул. Спартака 6

Отпечатано в Каргапольском филиале ОГУП «Шадринский Дом Печати»
комитета по печати и средствам массовой информации Администрации Курган-
ской обл., 641920, р. п. Каргаполье, ул. Калинина, 39.

